

Министерство образования и науки Российской Федерации

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

**XVI ВНУТРИВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

(11 апреля 2014 года)

Материалы

Часть 1. Биологические, исторические и филологические науки

Орск 2014

УДК 378.184
ББК 74.58
В60

Печатается по решению редакционно-издательского совета Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

Редакционная коллегия:

*Ерофеева Н. Е., доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе
(ответственный редактор);*

*Алимова Л. Б., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории, теории и методики обучения истории;*

*Вельц Н. Ю., кандидат биологических наук,
декан естественно-научного факультета;*

*Грызунов В. И., доктор химических наук, профессор,
заведующий кафедрой материаловедения и технологии металлов;*

*Пасечникова Л. В., доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой менеджмента;*

*Татарчук Д. П., кандидат психологических наук,
декан факультета педагогики и психологии;*

*Уткина Т. И., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой
алгебры, геометрии, теории и методики обучения
математике*

(Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ)

**В60 XVI Внутривузовская научно-практическая конференция
Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
ОГУ (11 апреля 2014 года) : материалы : в 3 ч. / отв. ред. Н. Е. Еро-
феева. – Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологического
института (филиала) ОГУ, 2014. – Часть 1. Биологические, историче-
ские и филологические науки. – 110 с. – ISBN 978-5-8424-0745-3.**

- **Биологические науки**
- **Исторические науки**
- **Филологические науки**

ISBN 978-5-8424-0745-3

© Коллектив авторов, 2014

© Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал) ОГУ, 2014

© Издательство Орского гуманитарно-
технологического института (филиала) ОГУ, 2014

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К. А. Кибякова

Анализ хозяйственно-полезной флоры окрестностей поселка Энергетик

Зелёные растения не только обогащают атмосферу кислородом, определяют условия существования многообразного животного мира, но и обеспечивают человека продуктами питания, синтезируют и выделяют вещества, обладающие способностью восстанавливать силы, укреплять здоровье человека, повышать его жизненный тонус. Использование растений началось на самых ранних этапах истории человечества. Когда-то человек за счёт растений в очень большой степени обеспечивал себя пищей и одеждой. В начале использовались растения пищевые и некоторые лекарственные, а затем по мере развития материальной культуры в сферу использования включались самые разнообразные группы растений: волокнистые, дубильные, красильные, эфиромасличные и др.

Синтетические смолы, красители, ткани, лекарственные препараты сократили сферу применения растительного сырья. Но многие виды растений до сих пор хорошо используются человеком, а в связи с быстрым увеличением численности населения будет возрастать потребность в продуктах и веществах растительного происхождения. Интерес к растительным ресурсам резко возрос в последние десятилетия. Данные ресурсы нашей планеты ограничены и лишь при рациональном использовании они могут обеспечить потребности населения.

Несмотря на значительное богатство флоры нашего региона, растительные ресурсы изучены недостаточно. В настоящее время остро стоит вопрос о рационализации их использования, охране и возобновлении запасов, особенно с учётом факта сокращения их численности не только по причине неконтролируемого сбора, но и под влиянием других антропогенных факторов, среди которых на первом месте стоит нарушение их естественных местообитаний при сельскохозяйственном и промышленном освоении территории. Это определяет необходимость учёта самих растений, дающих сырьё: инвентаризацию флористического состава, выявление запасов дикорастущих полезных растений, оценку состояния популяций.

Проблема учёта и оценки современного состояния растительных ресурсов Оренбургской области обуславливает актуальность изучения хозяйственно полезной флоры в малоизученных районах с внедрением принципов рационального природопользования, что, в свою очередь, определяет актуальность исследования, посвящённого анализу хозяйственно полезной флоры окрестностей посёлка Энергетик Новоорского района Оренбургской области.

В течение двух лет в летний период проводилась инвентаризация хозяйственно полезной флоры района исследования, в ходе которого было зарегистрировано 94 вида сосудистых растений. Определение хозяйственных свойств этих видов по различным литературным источникам позволило установить,

что все зарегистрированные нами виды в той или иной мере могут быть использованы человеком.

Анализ систематической флоры показал, что большая часть зарегистрированных видов относится к цветковым растениям. Из них 82% от общего числа являются представителями класса Двудольные, 14,8% видов относятся к Однодольным. Также зарегистрированы представители отделов Голосемянные (2,1%) и Хвощи (1,1%). Ведущим является семейство Астровые (Asteraceae) – 17% видов, за ним идут Розоцветные (Rosaceae) – 9%, Мятликовые (Poaceae) и Бобовые (Fabaceae) – по 7,4%.

Важной характеристикой флоры является спектр её жизненных форм. В процессе качественного анализа были использованы две традиционные классификации жизненных форм К. Раункиера и И. Г. Серебрякова. Во флоре хозяйственно полезных растений посёлка Энергетик согласно классификации К. Раункиера преобладающей жизненной формой являются гемикриптофиты – 57 видов (60,5% от общего числа видов). На втором месте находятся фанерофиты – 15 видов (16%), терофиты – 12 видов (13%) и криптофиты – 9 видов (9,5%). И только одним видом (1,1%) представлены хамефиты. Согласно классификации И. Г. Серебрякова преобладающей жизненной формой являются травянистые многолетники (59,5%), а также однолетники (14%). Прочие не превышают 10%. Среди травянистых многолетников преобладают длиннокорневищные (35,3%), стержнекорневые (31%) и короткокорневищные (27,5%).

Согласно экологическому анализу флоры, при классификации видов по приуроченности к местообитаниям с различными условиями увлажнения установлено, что среди хозяйственно полезных растений района исследования ведущими являются мезофиты (23,4%). Согласно классификации видов по приуроченности к местообитаниям с различными эдафическими условиями здесь преобладают мезотрофы (55,4% от общего числа видов) и мегатрофы (33%).

Также нами были определены шесть направлений, в которых находят применение зарегистрированные виды, причём многие виды используются в нескольких направлениях. Самой большой группой являются лекарственные растения – 64 вида. На втором месте находятся декоративные – 33 вида и технические культуры – 32 вида. Кроме того, представлены пищевые (27 видов), кормовые (16 видов) и эфиромасличные растения (5 видов). В процессе исследования были выявлены 24 хозяйственно полезных вида растений, обильно и повсеместно произрастающих в окрестностях посёлка Энергетик, которые могут использоваться человеком. Кроме того, определены уязвимые виды, например, вошедшие в списки Красной книги Оренбургской области: рябчик русский, можжевельник казацкий, эфедра двуколосковая.

Таким образом, результаты анализа хозяйственно полезной флоры могут быть использованы при рационализации использования полезных видов, а также в сфере экологического просвещения населения района, в том числе в учебном процессе при ознакомлении с флорой региона.

Флористический состав сорных растений садово-огородных сообществ посёлка Жуламансай Адамовского района

Сорными называются растения, являющиеся нежелательными на территории, используемой человеком в его хозяйственной деятельности. В основном это дикорастущие виды местной флоры, которые поселяются на полях, в плодово-ягодных насаждениях, на огородах и заглушают посевы культурных растений. Отечественными учеными изучаются проблемы систематики, географии, биологии, создаются классификации сорных растений, разрабатываются основы рациональных мер борьбы с ними. Однако следует отметить, что большинство исследователей изучают сорные растения в структуре полевых сообществ, тогда как садово-огородная сорная флора редко становится объектом исследования. Сравнительно малая изученность сорной флоры садово-огородных сообществ обуславливает актуальность изучения флористического состава сорных растений садово-огородных сообществ посёлка Жуламансай Адамовского района.

Посёлок Жуламансай расположен в Адамовском районе Оренбургской области. Он был основан в годы освоения целинных земель в 1959 году. Для поселка, как и для области в целом, характерен резко-континентальный климат с резкими температурами контрастами, холодной малоснежной зимой и жарким летом, быстрым переходом от зимы к лету, неустойчивым количеством атмосферных осадков, значительным преобладанием испарения над увлажнением и обилием солнечной радиации.

Основными подтипами почв на территории исследования являются южные черноземы. В современном геоботаническом отношении территория района относится к подзоне типчаково-ковыльных степей и сельскохозяйственных земель на их месте. В результате освоения целинных земель уменьшилось число видов многих представителей животного и растительного мира. В основном естественные участки степи остались только на холмах. Неотъемлемой частью посёлка также являются лесные полосы. Таким образом, садово-огородные сообщества сформировались на месте ковыльно-типчаковой степи, что могло оказать влияние на флористический состав сорных растений.

В ходе полевых исследований садово-огородных сообществ посёлка Жуламансай Адамовского района было зарегистрировано 44 вида сорных растений, принадлежащих к 11 семействам. Ведущими семействами являются Мятликовые (Poaceae) – 29,5% от общего числа видов, за ними идут Астровые (Asteraceae) – 27,3% и Капустные (Brassicaceae) – 9,1%, прочие семейства включают в себя не более 7%.

Согласно классификации К. Раункиера во флоре сорных растений садово-огородных сообществ ведущими биоморфами являются гемикриптофиты (66%), а также значительно представлены терофиты – 22,7%. Согласно классификации И. Г. Серебрякова ведущими группами являются травянистые многолетники (61,4% от общего числа видов) и однолетники (25%). Значительное число однолетников является характерным для сорной флоры. Также следует

отметить, что среди травянистых многолетников преобладают стержнекорневые (18,2% от общего числа видов флоры), длиннокорневищные (16%) и плотнородернинные (11,3%) растения.

По приуроченности к местообитаниям с различными условиями увлажнения среди сорных растений изученных садово-огородных комплексов преобладающими группами являются ксеромезофиты (31,8%), ксерофиты (27,3%), мезоксерофиты (18,2%), мезофиты (15,9%), остальные группы, объединяющие виды, достаточно требовательные к увлажнению, составляют: мезогигрофиты – 2 вида (4,5%) и гигромезофиты – 1 вид (2,3%).

Преобладающими экологическими группами по отношению к эдафическим условиям в составе флоры сорных растений садов и огородов посёлка Жуламансай являются мезотрофы (54,5% от общего числа видов). Мегатрофы составляют 31,8%, олиготрофы составляют 9,2% и галомегатрофы составляют 4,5%. Из явного преобладания мезотрофов можно сделать вывод, что огороды характеризуются среднебогатыми по содержанию питательных веществ почвами и требовательные к питанию овощные культуры будут нуждаться в подкормке.

Согласно эколого-географическому составу флоры сорных растений территории исследования, виды распределились между следующими эколого-географическими группами: степные (31,8% от общего числа видов), сорные (25%), луговые (22,7%) и лесостепные (20,4%) виды.

Таким образом, флора сорных растений садово-огородных сообществ в значительной степени формировалась за счет внедрения видов из степных сообществ.

В ходе исследования были определены два направления использования сорных растений: 14 видов (31,8% от общего числа видов) могут использоваться для корма домашнего скота; 8 видов применяются в народной медицине и составляют 18,1% от общего числа сорных растений садово-огородных комплексов. Результаты исследований в дальнейшем могут использоваться для проведения биомониторинга окружающей среды поселка Жуламансай и разработки мер для борьбы с сорными растениями.

Е. В. Фунтикова

Современный видовой состав птиц и характер их пребывания в окрестностях города Новотроицка Оренбургской области

Авифаунистика составляет основу орнитологической науки и практики и является фундаментальным направлением в развитии орнитологии. Мониторинг состава фауны представляет собой одну из важных и самостоятельных задач в изучении и сохранении биоразнообразия. В результате всегда есть возможность предотвратить сокращение биологического разнообразия какой-либо территории. Но, несмотря на значимость подобных материалов, объем исследований, связанных с проблемой биоразнообразия, в последние годы заметно сократился.

В работе представлены собственные исследования орнитофауны города Новотроицка и его окрестностей с 27 мая 2010 г. по 15 октября 2013 г. За весь период исследования нами выявлено 48 видов птиц.

Наиболее широко представлен отряд Воробьеобразные Passeriformes (66%), на втором месте находятся Соколообразные Falconiformes, Ржанкообразные Charadriiformes и Дятлообразные Piciformes – по 6%. Третье место занимает отряд Голубеобразные Columbiformes – 4%. И по одному представителю (2%) имеют Аистообразные Ciconiiformes, Гусеобразные Anseriformes, Курообразные Galliformes, Кукушкообразные Cuculiformes, Своеобразные Strigiformes, Ракшеобразные Coraciiformes.

Отряд Воробьеобразные представлен семействами Дроздовые (20%), Вьюрковые и Врановые (по 13%), Ласточковые и Трясогузковые (10%). По два представителя имеют Славковые и Воробьиные (по 6%), по одному – Жаронковые, Иволговые, Скворцовые, Свиристелевые, Мухоловковые, Синицевые и Овсянковые.

Больше половины – 27 видов (56%) – обитатели древесно-кустарникового комплекса – дендрофилы, затем следуют склерофилы – приурочены к обнажениям коренных пород, каменным постройкам человека – 10 видов (21%); кампофилы – наземные виды открытых пространств – 6 видов (13%) и лимнофилы – населяют водно-болотные угодья – 5 видов (10%).

Выявлено гнездящихся – 27 видов, гнездящихся и зимующих – 11 видов, оседлых – 5 видов, спорангически гнездящихся и зимующих – 3 вида, зимующих – 2 вида.

Также мы провели классификацию птиц по типу питания. Смешанный тип питания имеют – 28 видов, растительноядных – 14 видов, дневных хищных птиц – 4 вида, птиц, питающихся водными беспозвоночными – 2 вида.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. В. Алексеева

Человек в виртуальном мире

Современный бизнесмен, торгуя в Интернете, проводя переговоры и электронную переписку с удалёнными партнёрами, не мучается гамлетовским вопросом, а делает дело и деньги.

Виртуальная реальность – предмет анализа и осмысления философов, социологов, культурологов, психологов, экономистов, лингвистов, правоведов и так далее, а также не истощимый источник вдохновения и полигон для современного шоу-бизнеса.

Свободу не редко трактуют как неограниченный доступ ко всем информационным ресурсам.

Избыток информации не есть бесспорное благо, как и её ограниченность. Свобода – возможность осознанного выбора информации, получение оптимальной информации, умение и готовность самостоятельно действовать в информационном пространстве. Если мы не в состоянии изменить реальность, то нужно изменить отношение к ней.

Какой бы не была агрессивной компьютерная игра, она никогда не сможет спровоцировать играющего на проявления насилия, если он не был к этому предрасположен.

Информационные технологии нового века необозримо расширили привычный мир за счёт киберпространства или виртуальной реальности.

Существуют люди, предрасположенные к шизофрении, и задача их близких состоит в удержании психики этих людей в состоянии, близком к норме.

Чудом перенёсшийся из века девятнадцатого в наше время, не заинтересовался бы компьютерными играми, даже если бы освоил компьютер в совершенстве. Психологов уже давно интересует вопрос, в чём причина привлекательности телевидения и видеоигр для подростков, ведь книги, театр, музыка и прочие виды искусства никуда не пропали и, более того, пробуждают развиваться. Киберпространство возбуждает наше восприятие.

Немаловажное свойство пространства виртуальной реальности – мгновенный доступ к любой области пространства, в отличие от пространства подлинной реальности, где требуется затрата значительных усилий и времени на перемещение из одной точки в другую.

Основной инструмент проникновения в виртуальную реальность каждый человек имеет от рождения – это мозг и его сенсорные рецепты.

Существует немало оптимистических прогнозов, при которых аналитики с убеждением заявляют о том, что человечество, несомненно, ожидает полное возможностей цифровое будущее. Существуют противоположные мнения, утверждающие, что свершившийся факт информационной революции и грядущее новое социально-информационное устройство общества, построенное на

базе экономики, использующей высокотехнологические электронные инструменты, говорит о неблагоприятных последствиях для общества в целом.

Объединение людей в Интернет-сообщества связано с постоянным поиском современным человеком собственной идентичности в виде реализации «проекта самости». Быть личностью означает не только быть рефлексивно действующим лицом, но и обладать понятием личности (прилагаемым к себе и другим).

А. В. Болдырева

Государственная политика Руси конца X – начала XII вв. по утверждению христианской идеологии

В настоящее время вопрос об историческом пути развития России является ведущим как в исторической науке, так и в общественной мысли. Специфика русского менталитета заключается в сложном переплетении языческих и христианских традиций, поэтому вопрос о сущности христианской идеологии можно считать вполне целесообразным. В данном вопросе четко прослеживается пересечение вопросов русской культуры, основанной как на христианских, так и на языческих началах, а также затрагивается вопрос русской государственности. Принятие в качестве государственной религии христианства в Древней Руси означало шаг вперед в развитии и формировании государства. В целом, утверждение христианства на территории Руси – это длительный и многоуровневый процесс, синтезировавший и переосмысливший накопленный опыт. Государство в это время особенно сильно вмешивается в культурные процессы, пытаясь снизить накапливающуюся напряженность в различных словесных категориях, путем управления складывающейся ситуацией изнутри. В виду этого обстоятельства, изучение действительно исторической сущности государственной политики в области христианской идеологии и процесса ее формирования позволит более объективно и адекватно взглянуть на русскую культуру в целом.

Историография работы является достаточно обширной. В дореволюционной историографии был сделан акцент на то, что князь Владимир совершил великое дело, крестив Русь, приобщив ее к истинной вере, и открыл ей путь к спасению и просвещению. Историки С. М. Соловьев и С. Ф. Платонов, в своих трудах рассматривая принятие Русью христианства, не уделяют внимания внутреннему развитию общества рассматриваемого периода, сводя все это к заимствованию культурных ценностей и подражательству. Советские историки придерживаются иной точки зрения. Академик М. Н. Покровский полагает, что в целом языческие верования не изменились, но теперь христианское духовенство заменило собой волхвов и кудесников [4]. С. В. Бахрушин в своей статье о крещении Руси делает акцент на влияние соседних государств, особенно Византии [1]. Советский историк Б. Д. Греков в своем труде о Киевской Руси сообщает читателям, что уже с IX века стало проникать в Киевскую Русь христианство, оно давно было знакомо и с другими религиями, возникшими в классовом обществе, – иудейской и мусульманской. «Но дело не только в том, что

христианство уже давно стало проникать на Русь, а в том, что в конце X века власть Древнерусского государства сочла необходимым признать эту веру обязательной, государственной» [2].

Почему же Русь сделала шаг к принятию христианской идеологии? Образование государства Киевская Русь и зарождение раннего феодализма стало основной причиной такого ответственного решения. Ведь государство, как целостная структура, не могла существовать без сильной идеологии. Вспомним попытку князя Владимира упорядочить языческие верования славян для создания религии, соответствующей данному времени. Для этого ему понадобилось достаточно много времени, которого не было у княжеской верхушки, именно поэтому нужно было взять готовую религию, которая соответствовала бы заданным социально-политическим требованиям. Сущность государственной политики по утверждению христианства в Древней Руси заключалась в том, чтобы утвердившаяся религия способствовала упрочению единовластия киевского князя, обеспечивала идеологическую поддержку становлению феодальных отношений. Сложность состояла в том, что созданное Владимиром государство включало в себя множество народов, которые придерживались своих верований и идеологии.

Таким образом, крещение Руси можно считать поворотным событием в истории на пути к государственному строительству, после чего произошло обретение обществом государственной идеологии и ускорилось развитие государственно-общественных структур. Все это происходило в сложной политической ситуации на Руси в X веке. Развивающееся государство должно было опираться на твердую руку государственной религии, придающей стабильность этому социальному образованию. Тесные русско-византийские отношения обусловили зарождение православия на Руси еще задолго до знаменательного 988 года. То обстоятельство, что дружеские отношения Руси с Византией были тесными, верно еще и по той причине, что к 988 году Киевская Русь оказалась перед серьезной внешнеполитической угрозой – набегами печенегов. Поэтому отношения с соседней Византийской империей были желанны.

Библиографический список

1. Бахрушин, С. В. К вопросу о Крещении Киевской Руси / С. В. Бахрушин // Историк-марксист. – 1937. – Кн. II. – С. 52, 55, 58-59.
2. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : Госполитиздат, 1953. – 569 с.
3. Платонов, С. Ф. Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. – М. : Высшая школа, 1993. – 736 с.
4. Покровский, М. Н. Избранные произведения в четырех книгах / М. Н. Покровский. – М. : Мысль, 1967. – Кн. 3. – 670 с.
5. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – СПб. : Общественная польза, 2009. – Т. 1. – 287 с.

Основные аспекты развития отечественной историографии Советско-финской войны 1939-1940 гг.

Отличительной чертой историографии в советское время было наличие только официальной версии изложенной 29 марта 1940 г. В. М. Молотовым в докладе на шестой сессии Верховного Совета СССР. Всю ответственность за военные действия партийное руководство возложило на Финляндию, которая считалась скрытой угрозой Советскому Союзу в качестве плацдарма для различных антисоветских акций третьих держав. В данной интерпретации событий Запад, нагнетая напряженность в Северо-Западном регионе, стремился организовать совместный поход против Советского Союза. В таких условиях правительству СССР ничего не оставалось, как только начать боевые действия и отодвинуть границу от Ленинграда. Определенный вклад в разработку проблем Советско-финской войны внесли многотомные труды, посвященные участию СССР во Второй мировой войне. Особое внимание заслуживает книга специалиста в области изучения истории Скандинавских стран В. В. Похлебкина, в которой проанализированы взаимоотношения России и Финляндии как в имперский, так и в советский периоды российской истории. Ученый попытался доказать несостоятельность общепринятого в зарубежной литературе утверждения о существовании «советской опасности», «угрозы СССР» для Северной Европы. Открытие в конце 1980-х гг. ряда советских архивов, а также официальное признание факта существования секретного дополнительного протокола к пакту о ненападении между Германией и Советским Союзом, привели к пересмотру официальных точек зрения на Советско-финские отношения в конце 1939 – начале 1940 г. Представители либеральных научных кругов и публицисты рассматривали данную проблему с критических позиций. Историки «нового поколения» стали признавать пересечение геополитических интересов СССР, Германии, Франции и Англии на Скандинавском полуострове, а также агрессию Советского Союза осенью 1939 г. по отношению к Финляндии. При этом они указывали на наличие у советского командования заранее разработанного плана стратегического наступления вглубь Финляндии и не отрицали серьезных недостатков в боевых действиях советских войск.

После распада Советского Союза в отечественной историографии складываются предпосылки для более углубленного изучения истории Советско-Финской войны. События 1939-1940 годов привлекли особое внимание, так как были изучены в недостаточной степени. К настоящему моменту в научный оборот вводится большое количество источников, позволивших вывести изучение данной темы на новый уровень. С этого времени появляется точка зрения, что Советско-финская война была начата Советским Союзом. Пограничные провокации финской стороны, в том числе выстрелы в Майнила 26 ноября 1939 г., не могут рассматриваться как причина войны, поскольку решение о ее начале принималось в Москве под влиянием срыва советско-финских переговоров осени 1939 г. Пограничные же инциденты использовались советским ру-

ководством для усиления дипломатического давления на Финляндию и, как в случае с происшествием в Майнила, для развязывания конфликта. Получило распространение также мнение о «ненужности» Советско-финской войны, которая расценивалась как ошибка советского руководства, повлекшая за собой негативные для СССР последствия. Более радикальная позиция, которую с полным основанием можно характеризовать как ревизионистскую по отношению к советской историографии, представлена в работах К. Александрова, Б. Соколова, П. Аптекаря и ряда других авторов, носящих скорее публицистический, нежели научный характер.

М. И. Мельтюхов рассматривает историю возникновения «зимней войны» как один из эпизодов глобальной борьбы великих держав за расширение своего влияния в мире. Его подход отличает признание независимости этой борьбы от характера существующего в той или иной стране политического режима и господствующих социально-экономических отношений. Война, считает историк, просто «один из методов взаимоотношений государств на международной арене».

В 1996 г. стала известной ранее засекреченная стенограмма совещания высшего командного состава Красной Армии, проходившего в ЦК ВКП(б) 14-17 апреля 1940 г., на котором Сталин, подводя итоги войны, высказался следующим образом: «Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества». Таким образом, имеющиеся источники у историков в первую очередь носили прагматический характер мотивации сталинских действий, не связанных напрямую с реализацией каких-либо идеологических доктрин.

Наиболее серьезным исследованием по данной теме на сегодняшний день является монография Н. И. и В. Н. Барышниковых. Обобщая накопленный современной наукой материал, авторы приводят дополнительные подтверждения относительно того, что инициатива создания «правительства» исходила исключительно с советской стороны, раскрывают методы контроля Кремля за деятельностью его членов и конкретизируют круг лиц, стоявших за реализацией этой идеи. Авторы подчеркивают, что главной целью было содействие реализации общего плана «зимней войны». Оценивая создание «правительства Куусинена» как крупную политическую ошибку, Н. И. и В. Н. Барышниковы убедительно показывают, что создание «народного правительства» не являлось плодом какого-то долго вынашивавшегося замысла. Этот шаг, наряду с решением начать войну с Финляндией, был недостаточно подготовлен, и его практическая реализация была далека от совершенства.

Следует отметить, что отечественная историография Советско-финской войны 1939-1940 годов долгие годы была закрытой темой в истории. Этому способствовали и не слишком удачные её результаты, и практиковавшаяся в нашей стране своеобразная скрытность фактов. За последние 20 лет положение коренным образом изменилось. Сегодня эта война очень даже знаменита. Одна за другой выходят посвященные ей монографии, не говоря уж о множестве статей в различных журналах и сборниках. При этом историографические обзоры позволяют получить общее представление о взглядах историков на события

Советско-финской войны 1939-1940 гг. В большинстве случаев авторы работ главное внимание уделяют конкретно историческому освещению тех или иных страниц войны, сопровождают свои труды лишь краткими историографическими обзорами. На современном этапе развитии историографии стало возможно тесное сотрудничество финских и отечественных специалистов по изучению Советско-финской войны, которое уже начинает давать свои результаты. Историография темы нашла отражение в рецензиях на выходившие работы. При этом оценки содержания рецензируемых работ не выходили за рамки официальной концепции, господствовавшей в исторической науке. Однако имеются и исключения, когда наряду с положительными идеями в периодической печати публикуются и критические рецензии.

Р. М. Гараева

Картографическая наглядность и повышение эффективности ее использования на уроках истории

Одной из важнейших задач общего среднего образования является формирование картографической грамотности учащихся. «Не помещённое во времени и пространстве историческое событие представляется нам пустой абстракцией, лишённой реального содержания, не отражающей исторической действительности», – так оценивает роль карты на уроках истории А. И. Стражев. Представить урок истории без карты трудно. Она локализует или соотносит факты и события с определённым местом, содействуя правильному пониманию исторического процесса и его закономерностей. Особую актуальность работа с картой на уроках истории приобретает в свете включения специальных заданий по работе с ней в материалы Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по предмету.

Изучением данной темы занимались многие методисты, а в частности М. Т. Студеникин, А. Т. Степанищев, Е. Е. Вяземский, А. Ю. Стрелова, А. И. Стражев. Особый интерес представляют труды А. А. Вагина, который разработал приемы работы с исторической картой.

Чтобы прочувствовать сам ход исторического процесса, необходимо овладеть навыками пространственной локализации исторических событий, чему и способствует работа с исторической картой.

Существует множество определений исторической карты, но наиболее интересным, по нашему мнению, является определение М. Т. Студеникина: «Исторические карты создаются на географической основе и представляют собой уменьшенные обобщённые образно-знаковые изображения исторических событий или периодов». Таким образом, можно сказать, что исторические карты представляют собой географические карты, но на них при помощи специальных условных знаков наносятся различные исторические события, такие, как войны, революции, дипломатические отношения и т. п.

На уроках истории используются различные типы карт. Подробное описание типологии дано А. И. Стражевым, В. В. Фатке, М. В. Коротковой, М. Т. Студеникиным. Карты можно разделить:

1. По охвату территорий (мировые, материковые, карты государств).
2. По содержанию (обобщающие, тематические).
3. По своему масштабу (крупно-, средне- и мелкомасштабные).
4. По месту расположения (настенные, в атласе, в учебнике, карта-диапозитив, карта-схема, электронная карта).

Как мы уже выяснили, карта – это наглядное пособие. Учитель должен постоянно работать с ней, чтоб развить пространственные представления у учащихся.

На уроках природоведения ученики впервые знакомятся с картой, тем самым они получают представления об условных знаках и учатся показывать границы государства, городов и т. д. В средней школе эти знания укрепляются и расширяются. У учащихся уже формируется представление о том, что карта – это условное изображение исторических событий. По мере изучения карт ученикам необходимо развивать пространственные представления об исторических событиях. Кроме того ученик должен уметь:

- ориентироваться по карте;
- пользоваться и читать легенду карты;
- читать историческую информацию;
- он должен знать, что события происходят как во времени, так и в пространстве.

Существует два похода работы с картой. А. И. Стражев предлагает использовать настенные карты путем организации показа объекта (при этом учитель должен стоять справа от карты по отношению к классу, а указка должна находиться в правой руке), при этом рассказ сопровождается показом с дополнительным подкреплением его словесными ориентирами. Э. С. Тонебаум в своих исследованиях подробно описывает использование настольной карты учебника или атласа. При организации работы с данными наглядными пособиями учитель дает сложные ориентиры, а ученики по ним самостоятельно находят объект. Для закрепления результатов поиска педагог может вызвать ученика к настенной карте, чтобы он показал необходимый объект. В результате формируется у ученика привычка в своей учебной деятельности постоянно обращаться к карте. Кроме этого существует несколько приемов работы с исторической картой, которые разработал А. А. Вагин:

1. Показ и пояснение.
2. Синхронная работа по двум картам и их сравнение.
3. Собираение разборной карты, например, в ходе игры «Кто быстрее соберёт карту» (по принципу сбора картинки из детских пазлов).
4. Прием оживления карт путем придания ей интерактивной динамики, через использование меловых картосхем и цветных аппликаций.
5. Прием переноса карты.
6. Вычерчивание карты на доске.
7. Заполнение контурной карты с ответами на вопросы.

8. Историко-географический диктант.

9. Игры-путешествия.

Задания могут носить и усложнённый характер. Например, на чистом листе бумаги по памяти нужно выполнить задания к теме «Восстание Спартака»: нарисовать контуры Апеннинского полуострова и острова Сицилия; обозначить на них город Рим и реку, на которой он был основан; отметить город, где находилась школа гладиаторов и т. п.).

Нами в ходе педагогической практики применялись различные методики работы с исторической картой. Особый интерес для детей представляла игра «Путешествие в Древний Рим». В течение урока дети осуществили «воображаемое перемещение» по Древнему Риму и «открывали» новое из истории данного государства. Кроме того, увлекательным для детей стал урок «Завоевания Александра Македонского», на котором применялся метод «оживления» карты. Особый интерес для пятиклассников представляли домашние работы, в которых давались задания по контурным картам. Необычным для них было задание «Кто быстрее соберет карту», с помощью которого мы проверяли, насколько хорошо школьники усвоили предыдущий материал. Учащиеся позитивно отнеслись к работе и активно принимали в ней участие. В ходе контрольного эксперимента проведен опрос, который показал результативность использования разнообразных методов работы с картой на уроках истории. Наиболее эффективным методом, по мнению школьников, стал прием оживления карты: он помог им лучше запомнить локализацию исторических событий в пространстве.

Использование картографической наглядности на уроках истории остается актуальной проблемой в наши дни, так как формирование картографической грамотности является неотъемлемой частью обучения истории в общеобразовательных учреждениях. А также способствует разнообразить деятельность ребенка на уроках в связи с внедрением Федерального государственного образовательного стандарта второго поколения. Работа с картографической наглядностью позволяет реализовать такие функции, как воспитательная, иллюстративная и информационная. При работе с картой у учеников активизируется процесс мышления и воображения, что способствует более плодотворному усвоению исторических знаний и развитию исторического сознания, кроме того формируется интерес к истории, позволяет детям почувствовать дух эпохи, что является неотъемлемой частью формирования исторического мировоззрения.

Библиографический список

1. Алексашкина, Л. Н. Использование познавательного потенциала исторической карты при изучении школьниками истории / Л. Н. Алексашкина, Н. И. Ворожейкина // Преподавание истории в школе. – 2011. – № 9. – С. 19-27.
2. Вяземский, Е. Е. Теория и методика преподавания истории : учебник для вузов / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова. – М. : Владос, 2003. – 384 с.
3. Степанищев, А. Т. Методика преподавания и изучения истории : учеб. пособие для вузов / А. Т. Степанищев. – М. : Владос, 2002. – Ч. 2. – 208 с.

4. Студеникин, М. Т. Методика преподавания истории в школе : учебник для вузов / М. Т. Студеникин. – М. : Владос, 2000. – 240 с.

5. Стражев, А. И. Методы работы с исторической картой / А. И. Стражев // Преподавание истории в школе. – 2002. – № 10. – С. 59-64.

А. А. Елисеев

Аспекты внешней политики США

Мир в первые десятилетия XXI в. вступил в исключительно сложный и опасный период своего развития. Мы живем во время, чреватое самыми разными социальными катаклизмами, – экономическими бедствиями, войнами, смутами, крушениями государств, межнациональными конфликтами. Каковы наиболее важные черты современности? Во-первых, глобализация, которая во все большей степени подчиняет себе сферы общественной жизни всех без исключения стран мира. Во-вторых, самый мощный за всю историю экономический кризис, ставший первым глобальным кризисом человечества. В-третьих, крах однополярного мира, в котором США выступали в качестве единственной сверхдержавы. Однополярный мир сформировался после 1991 года, когда прекратил свое существование СССР, являвшийся противовесом гегемонистским устремлениям США, которые стремились сохранить свою гегемонию или преформатировать ее. В-четвертых, возникновение на руинах американской гегемонии многополярного мира. В центре современных академических дискуссий по вопросам нового миропорядка по-прежнему находятся вопросы о роли и значении на международной арене ведущей супердержавы, актуальные проблемы внешней политики Америки.

«Холодная война» – глобальная геополитическая, экономическая и идеологическая конфронтация между США и их союзниками, с одной стороны, и Советским Союзом и его союзниками, с другой, длилась с середины 40-х до начала 90-х годов XX века. Хотя США и СССР никогда не вступали в прямое военное противостояние, их соперничество за влияние часто приводило к вспышкам локальных вооруженных конфликтов по всему миру. США и Советский Союз создали свои сферы влияния, закрепив их военно-политическими блоками, – НАТО и Варшавский договор.

«Холодная война» сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, то и дело угрожавшей привести к третьей мировой войне. Наиболее известным из таких случаев, когда мир оказывался на грани катастрофы, оказался Карибский кризис 1962 года. В связи с этим в 1970-е годы обеими сторонами были предприняты усилия по «разрядке» международной напряженности и ограничению вооружений.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что Америка после окончания «холодной войны» открыто и последовательно проводит политику достижения глобального господства. Совершенно явно об этом говорит американский политолог, бывший помощник государственного секретаря по национальной безопасности США Збигнев Бжезинский, известный своей официальной позицией.

Так, в предисловии к своей книге «Великая шахматная доска» он пишет: «Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединенных Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы».

В полном согласии со словами З. Бжезинского доклад Центрального разведывательного управления о перспективах развития мира на период до 2015 г. предрекает: «Соединенные Штаты останутся главной силой в мировом сообществе. В 2015 г. с США по глобальному экономическому, технологическому, военному и дипломатическому влиянию не сможет сравниться ни одна из наций, ни одна из международных организаций. Эта мощь не только обеспечит превосходство Америки, но и сделает Соединенные Штаты ключевой движущей силой международной системы». В целях подчинения всего мира Западу проводится политика глобального империализма США и их союзников.

До 1991 г. глобальный империализм США сдерживался военной, политической и экономической мощью Советского Союза. Все развивающиеся страны имели возможность идти независимым курсом, ориентироваться на свои национальные интересы, реализовывать экономический, политический и культурный суверенитет. Если бы не сдерживающая сила могущественного СССР, многие страны «третьего мира» стали бы полуколониями США, которые, став единственной сверхдержавой, приступили к бесцеремонной политике подчинения себе всего мира. Без сомнения, то, что мы наблюдаем в последние годы – войны против Ирака, Югославии и другие – было бы невозможно, если бы существовал Советский Союз. И в этом прекрасно отдают себе отчет в развивающихся странах.

К началу XXI века в мировой политике сложилась ситуация, которую многие западные авторы поспешили охарактеризовать термином «новый», и «однополярный» мировой порядок. После распада мирового биполярного миропорядка Соединенные Штаты действительно оказались единственной сверхдержавой современного мира. Причем такой статус США обусловлен подавляющим превосходством Америки либо ее уверенным лидерством в целом ряде областей. Так, США располагают самым емким в мире внутренним рынком, самым крупным и диверсифицированным научно-технологическим потенциалом. В политическом плане американское влияние в различных странах мира сохраняется за счет лидирующей роли США в межправительственных организациях, а также за счет формирования устойчивой сети транснациональных корпораций. В военном смысле о преобладающей мощи США свидетельствует не только наличие огромного ядерного арсенала, современных вооруженных сил, оснащенных первоклассной техникой и располагающих хорошо подготовленным персоналом, но и тот факт, что в настоящее время на их долю приходится около половины мировых военных расходов. Помимо сказанного, США выступают единственной страной в мире, обладающей такими внушительными экспедиционными возможностями, что способны при необходимости осуществить проекцию силы практически в любом районе мира.

Однако глобальное доминирование во многих аспектах невозможно обеспечить только «жесткой силой», то есть военным или экономическим превосходством. Как показывает опыт последних десятилетий, преобладающую экономическую и военную мощь не всегда можно конвертировать в политический контроль. Без «мягкой силы» это практически невозможно. В конце XX века тенденции глобализации и стремление политических элит ряда стран Запада воспользоваться объективными процессами, чтобы трансформировать систему международных отношений по приемлемому для них сценарию формирования однополярного мира, породили серьезную проблему, вставшую на пути сторонников униполярного мирового устройства. Это проблема острого дефицита легитимности в действиях основных мировых акторов. Причем речь шла о дефиците легитимности как со стороны крупнейших государств, лидеров мировой системы (в лице стран Запада, и, прежде всего, США), властные притязания которых выходили за привычные территориальные границы, так и обретающих силу и вес в процессе глобализации новых транснациональных корпораций (ТНК, НГО и т. д.). В условиях отсутствия легитимности было все сложнее находить консенсусные решения тех или иных мировых и региональных проблем. В итоге не дефицит силы, а именно отсутствие легитимности спровоцировали кризис однополярности, особенно после того, как США и «коалиция желающих» вторглись в Ирак в 2003 году. Тогда и обнаружилось, что достичь консенсуса даже в рамках стран, составляющих ядро униполярности, – задача непростая.

А. С. Ерёменко

Внутренняя политика Временного правительства (февраль-октябрь 1917 г.)

Период появления и деятельности Временного правительства занимает короткий промежуток времени, который оставляет заметный отпечаток на пути исторического развития. Проблемы, которые возникают во внутренней политике Временного правительства, достаточно популярны и в современности. Усиление бюрократического аппарата, формирование органов государственной власти и пути их деятельности формируют у нас оценочный взгляд на сегодняшние политические преобразования в стране. Стоит привести в пример современную Украину, где, как и в 1917 году, органы государственной власти бездействовали и полностью не признавали волю народа, что порождало хаос и разруху в стране, падение авторитета органов власти. Человеку необходимо знать историю государственных органов прошлых веков, так как это позволяет достаточно свободно ориентироваться в политике современности.

Вопросом внутренней политики Временного правительства были заинтересованы многие историки прошлого и современности. Например, А. Н. Маркова подробно рассмотрела историю государственного управления в России, П. В. Волобуев уделял внимание экономической политике Временного правительства, Ф. А. Гайда изучал механизм власти Временного правительства. Эти работы и послужили источником для изучения темы и написания данной статьи.

В феврале 1917 года обстановка в Петрограде накалялась. Люди стояли толпами в очередях, постоянно вспыхивали драки, организовывались процессии с лозунгами: «Долой войну! Долой самодержавие!» [1]. Современники констатировали, что в Петрограде не было никакой власти.

Сложившаяся обстановка стала причиной и предпосылкой создания Временного правительства. 27 февраля в стенах Таврического дворца был образован другой орган – Совет рабочих депутатов. Чуть позже, 1 марта, было образовано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым, которое должно было до созыва Учредительного собрания осуществить исполнительно-распорядительные функции.

Временное правительство обладало всеми полномочиями законодательной и исполнительной власти.

2 марта 1917 года была принята Декларация Временного правительства, и определен его первый состав [2]. Также была принята первая программа.

Первоначальные результаты внутренней политики: солдаты получили полные гражданские права; те, что служили в тылу, более не подлежали суду военного трибунала; все ограничения гражданских прав были сняты; смертная казнь была отменена.

Временное правительство с самого начала его возникновения поставило перед собой решение трёх главных задач: аграрный вопрос, вопрос войны и мира, вопрос Учредительного собрания. Пути решения аграрного вопроса в первый период правления Временного правительства были намечены, но не осуществлены. Вопрос Учредительного собрания разрабатывался, Временное правительство смогло только создать комиссию по выработке закона по данной проблеме. Далее этот вопрос не продвинулся, так как собрание комиссий всё время откладывалось «на потом». Ну, и наконец, вопрос о войне и мире решался довольно остро. Это привело к возникновению первых двух политических кризисов.

Авторитет Временного правительства слегка был подорван, увеличивалась роль Петроградского совета. В сложившейся ситуации Временное правительство осуществило перемену в системе местного самоуправления – замена должности губернатора на комиссаров, а также создание министерств. Но это так и не помогло выйти из кризиса, а только усугубило ситуацию в стране.

После двух кризисов во главе Временного правительства уже стоял А. Ф. Керенский. Оставалось только решительно действовать и принимать меры по улучшению положения. Но в стране наблюдался обратный процесс: росли цены на продукты, увеличивались очереди, распространялись спекуляции, мародёрство и преступность.

Временное правительство поставило задачи, огласив их в своей программе, которые шли вразрез с мнениями населения. Но на практике правительство ограничилось лишь тем, что создавало большое количество временных законов и положений, по мере ухудшения ситуации, срочно дополняло старые законы. Практически все сложные дела правительство направляло на решение земельных комитетов.

Корниловский мятеж, восстания рабочих и крестьян, экономическая разруха породили усиление противоречий в сознании людей. Закончилась история Временного правительства в осенние дни октября, когда произошло вооружённое наступление на Зимний дворец, внутри которого были члены и сторонники Временного правительства.

Вопрос падения авторитета и бездействие органов власти вызывает постоянные споры. Почему Временное правительство, имея в своих руках огромные шансы, не смогло справиться с ситуацией, а только усугубляло её? Ответ на этот вопрос достаточно прост. Если бы Временное правительство ощущало «пульс народа» и не стремилось довести войну до победного конца, то оно, вероятно, имело бы больше шансов справиться с теми многочисленными трудностями, которые стали неизбежным следствием крушения старого порядка. Временное правительство слишком долго собиралось начать радикальные реформы.

Библиографический список

1. Барсенков, А. С. История России. 1917-2009 гг. / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. – 34-е изд., расш. и перераб. – М. : Аспект Пресс, 2010 – 846 с.

2. Высшие органы государственной власти и управления России. IX-XX века : справочник / под общ. ред. А. С. Тургаева. – СПб. : Издательство СЗАГС : Издательство «Образование – Культура», 2000. – 368 с., прил.

3. История государственного управления в России : учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям, по специальности «Государственное и муниципальное управление» / под ред. А. Н. Марковой, Ю. К. Федулова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТА-ДАНА, 2007. – 319 с.

4. Россия. XX век. Документы и материалы : учеб. пособие : в 2 кн. / сост. А. Н. Бачинин и др. ; под ред. А. Б. Безбородова. – М. : Высш. школа, 2004. – Кн. 1. – 400 с.

5. Соколов, А. К. Курс советской истории. 1917-1940 гг. : учеб. пособие для студентов вузов / А. К. Соколов. – М. : Высш. школа, 1999. – 272 с.

6. Суханов, Н. Н. Записки о революции : в 3 т. / Н. Н. Суханов. – М. : Издательство «Республика», 1992. – Т. 3. – Кн. 5-7. – 415 с.

Д. С. Каменев

История зарождения студенческого самоуправления в России

Студенческое самоуправление России изначально формировалось как уникальная и самобытная форма взаимодействия учащихся высших учебных заведений между собой и администрацией. Заимствованная за рубежом форма обучения юношей не привела к стопроцентному копированию западной корпоративной студенческой культуры. Следует отметить, что появилась она не одновременно с созданием в России вузов. Если за начальную точку становления высшего образования в Московском государстве можно условно принять 1687 г., когда по инициативе С. Полоцкого открылась Славяно-греко-латинская

академия, то о появлении привычной в нашем понимании студенческой жизни в России можно говорить только к середине XVIII века.

Такое хронологическое расхождение объясняется тем, что, несмотря на «привилегии», схожие с западноевропейскими университетами, которые получила академия еще задолго до своего открытия, в 1682 году царь даровал ей несвойственные для западных университетов функции. Так, наряду с всеобщим обучением, академия получала широкие полномочия в вопросах цензуры и контроля, а также суда по вопросам христианской веры, поэтому о студенческой свободе и самоуправлении речи тогда не шло.

Петр I, стремившийся к созданию собственной образовательной системы, в 1724 году учредил университет и гимназию при Петербургской Академии наук, однако университет не сумел подготовить ни одного выпускника. Поэтому общепризнанной датой появления студенческой университетской жизни принято считать 1755 год, когда благодаря настойчивости М. В. Ломоносова и при поддержке И. И. Шувалова императрица Елизавета Петровна в День Святой мученицы Татианы Римской подписала «Указ об учреждении в Москве университета и двух гимназий». Именно в его стенах и зародилось студенческое самоуправление. Хотя о точной дате его появления в научных кругах до сих пор ведутся жаркие споры. Одни исследователи связывают появление студенческого самоуправления с 1757 годом [1], когда в университете по инициативе студенчества появилось литературно-научное общество. Однако после нескольких заседаний общество прекратило свое существование. Именно поэтому историки Московского государственного университета (МГУ) считают, что студенческое самоуправление возникло 13 марта 1781 года, когда под покровительством куратора и ректора МГУ М. М. Хераскова было создано студенческое научно-просветительское общество. Есть и третья точка отсчета создания студенческого самоуправления – некоторые авторы связывают ее с 1787 годом [1; 15]. Но, так или иначе, студенческому самоуправлению в России уже более двухсот лет.

Если обратиться к анализу студенческой активности, то на стадии становления самоуправления оно было, на наш взгляд, очень низким, так как в России около пятидесяти лет существовало всего одно классическое учебное заведение – Московского государственного университета (МГУ). Университет выполнял главную государственную задачу – создание образованной элиты; студенты это хорошо понимали, поэтому и общества, которые они создавали, носили в основном научно-познавательный и творческий характер. Эти организации были легальными, их появление поддерживалось администрацией вузов и профессорско-преподавательским составом, которые зачастую и являлись инициаторами открытия таких обществ; тем не менее, эти организации еще не были оформлены в систему, затрагивали только отдельные сферы жизни обучающихся. По мнению С. С. Петровой, их нельзя назвать полноценным студенческим самоуправлением [3]. Возможно, здесь уместнее говорить о соуправлении, это был период приобретения навыков сосуществования в научном сообществе.

В годы правления Александра I издается Указ от 5 ноября 1804 года о даровании университетам автономии, что дает им новый импульс к развитию.

Одновременно открываются сразу несколько университетов, что должно было разнообразить академическую размеренность новыми традициями. Наряду с научными обществами в высших учебных заведениях России появляются корпорации – это такая форма объединения юношества, которая занимается регламентацией студенческой жизни, проявлений их самостоятельности и самостоятельности [2]. Корпорации не были разрешенными организациями, но их деятельность не была официально запрещена. Как правило, они создавались по принципу происхождения или места рождения и в дальнейшем трансформировались в землячества. Источники позволяют утверждать, что наиболее активно эти студенческие самоуправляющиеся организации действовали в Дерптском университете, где постоянно функционировали три корпорации – «Estonia», «Livonia» и «Fraternitas Rigensis».

В 20-30-е годы XIX века создается еще одна форма студенческого участия в управлении учебным процессом – конвент. Это собрание представителей корпорации, которые совместно с профессорско-преподавательским составом обсуждали студенческие дела и успеваемость. В 40-е годы XIX века студенты-корпоранты Дерптского университета учреждают «студенческий суд чести», который приходит на смену дуэлям и становится обязательным для всех участников корпорации.

Следует отметить, что в МГУ корпорации не нашли широкого распространения, так как здесь имелись сильные, проверенные десятилетиями традиции научных кружков. В Виленском активно создавались тайные политические организации, а вот в Харьковском университете существовал строжайший инспекторский надзор. Он не только полностью регламентировал студенческую самостоятельность, но и «убивал» в зародыше все неформальные объединения. В Санкт-Петербургском университете контроль был несколько слабее, поэтому, несмотря на официальный запрет властей (в 1835 году), существовали тайные корпорации студентов – «Аристократы», «Балтика» и «Рутения». В 1844 году ими заинтересовалось III Охранное отделение; благодаря дотошности следователей сохранились дела их участников, по которым можно создать представление о корпоративной деятельности. Ничего предосудительного, кроме формирования особой студенческой корпоративной культуры, в их работе не было. Как правило, она сводилась к популяризации студенчества и университетской жизни, созданию норм поведения, так называемых «кодексов чести».

Ужесточение контроля и цензуры заставили студентов искать новые скрытые (тайные) формы объединений и самоуправления. С введением нового Устава 1863 года в университетах запрещалось создание любых студенческих организаций, многие самораспускались, большинство переходило в нелегальное положение. Только землячества продолжают существовать, несмотря на запреты. Члены этих корпоративных групп поддерживали друг друга материально, создавая для этого студенческие кассы взаимопомощи, питались за общим столом, что позволяло экономить деньги на покупку книг, которые собирались в общую библиотеку землячества. Такое положение студенческого самоуправления было характерно для всех университетов России того времени.

Библиографический список

1. Змеев, В. А. Российское студенчество XVIII века / В. А. Змеев // Российское студенчество на рубеже веков : материалы Всероссийского студенческого форума / под ред. Ю. В. Коврижных, Г. В. Куприяновой. – М. : Логос, 2001. – 200 с.

2. История и развитие студенческого самоуправления : методические рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lider21veka.ru/istoriya_i_razvitie_studenchnskogo_.

3. Петрова, С. С. Социально-воспитательная деятельность студенческого самоуправления в вузах России в пореформенный период (1861-1917 гг.) : дисс. ... канд. пед. наук : защищена 22.04.2010 [Электронный ресурс] / С. С. Петрова. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2010. – Режим доступа : <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-sotsialno-vozpitatelnaya-deyatelnost-studencheskogo-samoupravleniya-v-vuzah-rossii-v-poreformennyy-period#ixzz2Jewo14Nh>.

А. В. Карпова, М. И. Мерзлякова

Золотое сечение

С точки зрения Платона, да и вообще с точки зрения всей античной космологии, мир представляет некое пропорциональное целое, подчиняющееся закону гармонического деления – золотого сечения.

Принято считать, что понятие «золотое деление» ввел в научный обиход Пифагор, древнегреческий философ и математик (VI в. до н. э.). Есть предположение, что он свое знание золотого деления позаимствовал у египтян и вавилонян. И действительно, пропорции пирамиды Хеопса, храмов, барельефов, предметов быта и украшений из гробницы Тутанхамона свидетельствуют, что египетские мастера пользовались соотношениями золотого деления при их создании. Французский архитектор Ле Корбюзье нашел, что в рельефе из храма фараона Сети I в Абидосе и в рельефе, изображающем фараона Рамзеса, пропорции фигур соответствуют величинам золотого деления. Зодчий Хесира, изображенный на рельефе деревянной доски из гробницы его имени, держит в руках измерительные инструменты, в которых зафиксированы пропорции золотого деления.

В дошедшей до нас античной литературе золотое деление впервые упоминается в «Началах» Евклида. Во 2-й книге «Начал» дается геометрическое построение золотого деления. После него исследованием золотого деления занимались Гипсикл (II в. до н. э.), Папп (III в. н. э.) и др. В средневековой Европе с золотым делением познакомились по арабским переводам «Начал» Евклида.

В эпоху Возрождения усиливается интерес к золотому делению среди ученых и художников в связи с его применением как в геометрии, так и в искусстве, особенно в архитектуре Леонардо да Винчи.

В то же время на севере Европы, в Германии, над теми же проблемами трудился Альбрехт Дюрер. Он делает наброски введения к первому варианту трактата о пропорциях.

Великий астроном XVI в. Иоганн Кеплер назвал золотое сечение одним из сокровищ геометрии. Он первый обращает внимание на значение золотой пропорции для ботаники (рост растений и их строение). Кеплер называл золотую пропорцию продолжающей саму себя: «Устроена она так, – писал он, – что два младших члена этой нескончаемой пропорции в сумме дают третий член, а любые два последних члена, если их сложить, дают следующий член, причем та же пропорция сохраняется до бесконечности».

Построение ряда отрезков золотой пропорции можно производить как в сторону увеличения (возрастающий ряд), так и в сторону уменьшения (нисходящий ряд).

В последующие века правило золотой пропорции превратилось в академический канон. Вновь «открыто» золотое сечение было в середине XIX в. В 1855 г. немецкий исследователь золотого сечения профессор Цейзинг опубликовал свой труд «Эстетические исследования».

Все, что приобретало какую-то форму, образовывалось, росло, все это стремилось занять место в пространстве и сохранить себя. Это стремление находит осуществление в основном в двух вариантах – рост вверх или расстиланье по поверхности земли и закручивание по спирали.

Форма спирально завитой раковины привлекла внимание Архимеда. Он изучал ее и вывел уравнение спирали. В настоящее время спираль Архимеда широко применяется в технике.

Целое всегда состоит из частей, части разной величины находятся в определенном отношении друг к другу и к целому. Принцип золотого сечения – высшее проявление структурного и функционального совершенства целого и его частей в искусстве, науке, технике и природе.

С историей золотого сечения косвенным образом связано имя итальянского математика-монаха Леонардо из Пизы, более известного под именем Фибоначчи (сын Боначчи). Он много путешествовал по Востоку, познакомил Европу с индийскими (арабскими) цифрами. В 1202 г вышел в свет его математический труд «Книга об абак» (счетной доске), в котором были собраны все известные на то время задачи. Одна из задач гласила: «Сколько пар кроликов в один год от одной пары родится».

Ряд чисел 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55 и так далее известен как ряд Фибоначчи. Особенность последовательности чисел состоит в том, что каждый ее член, начиная с третьего, равен сумме двух предыдущих $2 + 3 = 5$; $3 + 5 = 8$; $5 + 8 = 13$, $8 + 13 = 21$; $13 + 21 = 34$ и так далее, а отношение смежных чисел ряда приближается к отношению золотого деления. Так, $21 : 34 = 0,617$, а $34 : 55 = 0,618$. Это отношение обозначается символом Ф. Отношение $1 : 0,618$ дает непрерывное деление отрезка прямой в золотой пропорции, увеличение его или уменьшение до бесконечности, когда меньший отрезок так относится к большему, как больший ко всему.

**Социальное обеспечение инвалидов войны
на Южном Урале в 1941-1945 гг.**

Одним из важнейших, первоочередных направлений социальной политики государства в 1941-1945 гг. являлась забота об инвалидах войны. В этой области реализация государственной политики осуществлялась по следующим направлениям: выплата пенсий; предоставление налоговых и иных льгот; преимущественное продовольственное и промтоварное снабжение; создание специальных общественных фондов поддержки остро нуждающихся инвалидов войны, их трудоустройство. Подобная работа осуществлялась, в том числе, и на Южном Урале.

Своевременность назначения и, следовательно, выплаты пенсий во многом зависели от определения группы инвалидности в установленные законом сроки, работы Врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК). В целях улучшения их функционирования расширялась сеть городских и районных комиссий. Если в 1942 г. в Чкаловской области действовало 11 общегражданских ВТЭК, то в 1943 г. – 34 комиссии, а в 1944 г. – 56. Это позволило увеличить количество освидетельствуемых. За 1943 г. через ВТЭК было пропущено 43560 человек. Только за I квартал 1944 г. – 30 тыс. граждан. В сельской местности для проезда в районную больницу на медицинское переосвидетельствование бывшим воинам предоставлялся транспорт.

В 1942-1944 гг. выплата пенсионных пособий инвалидам войны в РСФСР превысила 3,6 млрд рублей. Только за 4 года войны в Чкаловской области было выплачено пенсий и пособий инвалидам войны на сумму 74 млн 993 тыс. рублей.

Несмотря на крупные денежные ассигнования, выделяемые государством на выплату пенсий, их уровень был низким. Инвалиды войны, не работавшие до мобилизации в армию, в зависимости от группы инвалидности получали от 90 до 150 рублей в месяц. Средний размер пенсии офицера составлял 360 рублей.

Государственная помощь семьям военнослужащих и инвалидам войны выражалась также в установлении ряда льгот по налогам, обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции, квартплате и др. Только к 1944 г. от уплаты военных налогов было освобождено 16 645 семей инвалидов войны, проживающих в Чкаловской области.

Однако реализация принятых постановлений не всегда происходила в установленные сроки и в полном объеме. В связи с этим, основная задача местных органов государственной власти заключалась в том, чтобы каждая семья, имеющая право на ту или иную льготу, своевременно и полностью ее получила. Работа в этом направлении осложнялась тем, что установленные льготы имели многочисленные оговорки, исключения касались отдельных категорий военнослужащих и часто менялись в ходе войны. Множественность законодательных актов и подзаконных инструкций мешала четкой работе по реализации предоставленных льгот, создавала возможности для злостных нарушений и произвольных ошибок.

Чрезвычайные обстоятельства военного времени требовали мобилизации значительных продовольственных и материальных ресурсов. В этих условиях нередко приходилось мириться с нарушениями в области предоставления и соблюдения льгот по налогам и сельхозпоставкам. В Еткульском районе Челябинской области незаконно облагалось сельскохозяйственным налогом 29 хозяйств инвалидов войны. По Еманжелинскому сельсовету – 15 хозяйств. В Сосновском районе селе Казанцево проживала 64-х летняя гражданка Силкина, которая была незаконно обложена сельскохозяйственным налогом. В порядке взыскания у нее изъяли 4 овцы. Подобные случаи, к сожалению, были не единичны.

Одним из основных источников улучшения материально-бытового положения инвалидов войны являлись специальные государственные и общественные фонды. Местные органы государственной власти Южного Урала возглавляли движение за создание для остро нуждающихся общественных фондов помощи – денежных, вещевых и продовольственных. С этой целью организовывались субботники, декадни и месячники. Только за 5 месяцев 1943 г. в Чкаловской области было собрано и выдано нуждающимся 1 млн 965 тыс. 212 рублей, 228 тонн продовольствия, 77530 л. молока, около 40 тыс. яиц, 5304 пары обуви, 595 голов скота, 89 тонн угля, 17 тонн торфа, 12 тыс. м³ дров.

В Челябинской области за 1943 г. и 9 месяцев 1944 г. от колхозников, хозяйственных организаций, учреждений поступило и было выдано: картофеля и овощей – 8602 тонны, зерновых – 51,3 тонны, 110,3 тонн продовольствия, 628 тыс. штук одежды и белья, обуви – 131 тыс. пар, мануфактуры – 165 тыс. метров, а также около 23 млн рублей.

Важным направлением в деятельности местных органов государственной власти Южноуральского региона по социальной реабилитации инвалидов Отечественной войны являлось оказание им помощи в лечении и устройстве.

Не имевшие родственников и неспособные трудиться из-за увечий направлялись в дома инвалидов, где за ними осуществлялся особый уход. На время пребывания в таком учреждении выплата пенсии приостанавливалась. Бывшие воины находились на полном государственном снабжении. Они обеспечивались обмундированием, питанием, им оказывалась медицинская помощь. Большое внимание в домах уделялось культурно-воспитательной работе и восстановлению трудоспособности инвалидов войны.

Однако, в связи с нехваткой денежных средств, оборудования, инвентаря, товаров широкого потребления, во многих домах инвалидов снабжение было неудовлетворительным. Для решения вопросов их материального обеспечения местные органы государственной власти мобилизовали общественность.

В августе 1942 г. в селе Илек Чкаловской области начал функционировать дом инвалидов Отечественной войны на 60 человек. Еще в апреле, по решению райисполкома, созвали женский актив села. Присутствовавшие на собрании были распределены по кварталам для проведения массово-разъяснительной работы и организации помощи домам инвалидов.

Общественные организации, население отозвалось на это мероприятие. Их силами на благоустройство дома были собраны постельные принадлежности, кухонная утварь, предметы мебели; произведена покраска кроватей, тум-

бочек, побелка. По решению совета жен офицерского состава были сшиты портьеры на окна и салфетки. Наибольшую активность в этой работе проявила жена погибшего на фронте командира А. А. Зеленская.

При помощи общественности было создано подсобное хозяйство. В дом инвалидов поступило 7 коров, 2 быка, лошадь, куры и прочая живность. Со временем их поголовье увеличивалось. Под руководством домохозяйки Лесняк была организована женская бригада, которая безвозмездно произвела посадку бахчей. При доме инвалидов построили баню, подвал, сарай, подсобные постройки; заготовили 20 стогов сена, 1000 м³ дров, произвели засолку овощей.

Среди инвалидов была налажена культурно-воспитательная работа. Проводились доклады и беседы о текущем моменте и задачах участников войны.

По распоряжению областных органов государственной власти, отделы социального обеспечения приступили к организации процесса трудоустройства инвалидов, находящихся в интернатах. С этой целью, совместно с администрацией предприятий, был определен перечень необходимых им специалистов. Обучение осуществлялось по установленным профилям. При интернатах открывались мастерские. Местные органы власти возложили обязанность их материального обеспечения на промышленные предприятия. Оно осуществлялось за счет отходов производства, неиспользуемого устаревшего оборудования. Мастерские укомплектовывались инструкторами-специалистами. При устройстве на работу нуждающиеся обеспечивались одеждой, обувью, бельем, постельными принадлежностями из созданных при интернатах материальных фондов.

До декабря 1942 г. нормы продовольствия для инвалидов войны устанавливались исполкомами местных Советов. Отсутствие единых норм, дефицит продуктов питания вызывали много жалоб. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 15 декабря 1942 г. вводились единые государственные нормы снабжения продуктами питания инвалидов Отечественной войны. На 1943 г. ассигнования по питанию были предусмотрены из расчета 6 р. 72 коп. в день на человека в интернатах общего типа и 7 р. 44 коп. – в интернатах больничного типа. Инвалиды войны, работающие в штате интерната, получали питание по себестоимости наравне с обеспечиваемыми.

Местные органы власти организовывали овощные и животноводческие хозяйства для укрепления продовольственной базы интернатов. Учреждениям отводили земельные участки, выделяли необходимые сельскохозяйственный инвентарь, семена, тягловую силу.

На территории Чкаловской области имелось 4 интерната на 375 человек. Весной 1943 г. под земельные участки им отвели 97,5 га для посева картофеля, овощей, зерновых и бобовых культур. По предоставленному облсобесом на 1943 г. плану, все интернаты должны были иметь свиней 170 голов, коров – 20, быков – 18, лошадей – 15, кур – 210, пчел и т. д.

Райисполкомы оказывали содействие интернатам в закупке животных и птицы, создании собственных кормовых запасов для скота. На организацию подсобных хозяйств из местного бюджета ассигновывались денежные средства из расчета 300 рублей на каждого инвалида. Подсобные хозяйства освобождались от государственных поставок мяса и шерсти. В результате принятых мер по

укреплению подсобных хозяйств, уже к 1 июля 1943 г. план их развития был перевыполнен в несколько раз. Продукты, получаемые с подсобных хозяйств интернатов, использовались для улучшения питания инвалидов без зачета в норму.

Для проведения культурно-воспитательной работы в интернатах создавались кружки самодеятельности, проводились политбеседы, лекции, доклады о положении на фронте, задачах инвалидов войны по укреплению обороноспособности страны. Областной отдел искусств организовывал гастрольные поездки выездных агитационных бригад для проведения концертов и постановок.

Местные органы власти принимали активное участие в решении кадровых вопросов. Директор интерната утверждался Наркомсобесом РСФСР по представлению облисполкома. Его заместитель по культурно-массовой работе назначался областным органом государственной власти.

Одной из наиболее сложных задач, решаемых местными органами государственной власти Южного Урала в годы Великой Отечественной войны, явилось осуществление протезирования, в котором нуждались многие бывшие фронтовики.

Еще до выписки из госпиталя инвалиды войны снабжались временными протезами. После окончательного формирования культи, им изготавливались постоянные протезы. Все протезно-ортопедические изделия делались бесплатно. Однако в условиях военного времени развитию протезной промышленности со стороны государства уделялось недостаточно внимания. Даже эффективное использование имеющихся местных ресурсов не могло полностью удовлетворить потребности инвалидов войны ни в количественном, ни в качественном отношении.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальное обеспечение инвалидов войны в 1941-1945 гг. являлось одним из приоритетных направлений социальной политики государства. Однако чрезвычайные обстоятельства военного времени не позволили полностью решить социальные проблемы бывших фронтовиков. Многие из принимаемых решений не всегда подкреплялись необходимыми материально-финансовыми и организационными средствами и выполнялись не в полном объеме. Вместе с тем, деятельность органов государственной власти в области социального обеспечения, безусловно, способствовала удовлетворению основной части социальных нужд этой категории граждан.

Н. Ю. Мурашко, И. А. Беляйкина

Социально-культурные ценности современной молодежи

Актуальность данной темы, на наш взгляд, состоит в том, что в настоящее время, когда в нашей стране радикально меняются все общественные отношения и социальные институты, изучение особенностей культурных ценностей молодежи, в том числе и социальных, становится особенно важным.

В XI веке в России происходят существенные трансформации в политической, правовой, экономической и культурной сферах жизни общества. Внешние факторы переходного периода оказали существенное влияние на внутренние потребности личности в переосмыслении окружающего культурного про-

странства и своего положения в нём. На уровне общемировых процессов произошла переоценка традиционных роли традиционных форм и способов духовного контроля и самоопределения, которая привела к необходимости формулировки новых смысловых маркеров нравственного равновесия.

В качестве потенциальной силы стабилизации системы ценностных предпочтений рассматривается молодёжь как наиболее восприимчивая социальная группа, обеспечивающая воспроизводство культуры, поэтому воспитание молодёжи становится актуальной проблемой современности.

Современной молодёжи необходимо знать историю и культуру хотя бы своей страны. Ведь все беды от незнания. Если человек знает историю, он может объективно оценить то, что происходит вокруг него сейчас. Культуру знать полезно, и лучше даже не только собственную, а мировую.

К сожалению, в России сегодня дорого учиться, быть здоровым, иметь детей, культурно отдыхать, жить. Многие не могут позволить себе лишний раз сходить в театр, музей или приобрести интересную книгу. Среди молодёжи особенно заметно социальное расслоение, каждый второй студент не уверен, что будет востребован в своей стране.

Молодёжь играет важную роль в построении гражданского общества в стране. Ведь, во-первых, молодёжь – это критические взгляды и настроения в отношении существующей действительности, это новые идеи и та энергия, которые особенно нужны в момент реформ.

Во-вторых, молодые люди являются носителем значительного интеллектуального потенциала, особых способностей к творчеству. У них повышенная чувственность, восприятие, образность мышления. В-третьих, эта социальная группа людей – ускоритель внедрения в практику новых идей, инициатив, новых форм жизни, ввиду того, что молодёжь по своей природе является наиболее динамичной социальной группой. Немаловажным фактором видится также то, что молодёжь – это физически здоровая часть населения. И именно поэтому за счёт ресурсов молодёжи в стране может быть сформировано гражданское общество.

Знания о политической культуре социальных и политических субъектах являются одним из условий эффективности развития общества. Необходимость таких знаний становится всё более актуальной в условиях, когда коренные изменения, происшедшие в социально-экономических основах современного общества, привели к снижению интереса людей к политической деятельности, нежеланию и невозможности участвовать в ней значительной части населения. В этих условиях становится актуальной проблема вовлеченности населения в политическую жизнь.

Наиболее актуальные проблемы молодёжи связаны с духовно-нравственной сферой бытия: отсутствие мировоззренческих основ смыслоориентации и социально-культурной идентификации молодёжи; разрушение механизма преемственности поколений вследствие общей дезинтегрированности культуры, размывание её ценностных основ и традиционных форм общественной морали; снижение интереса молодёжи к отечественной культуре, её истории, традициям, к носителям национального самосознания; падение престижа образования как способа социальной адаптации, культурной преемственности и

формы личностной самореализации; низкая активность молодёжи в решении общенациональных, религиозных и местных проблем.

На современном этапе ценности российской молодёжи существенно изменились по сравнению с ценностями предыдущих поколений. В отсутствие чётких морально-нравственных ориентиров и представлений о том, какого типа личность востребована в современном российском обществе, ценностные ориентации молодёжи развиваются во многом хаотически, находятся под противоречивым воздействием, с одной стороны, традиции народной культуры, а с другой – меняющихся социальных условий, неустойчивость, риска.

Ценностные ориентации молодёжи проявляются двояко и противоречиво. С одной стороны, стремление к духовности, характеризующееся господством нравственных установок, гуманизма, человеколюбия; с другой стороны – нацеленность на индивидуализм, приоритеты материального над духовным.

Также необходимо отметить, что молодых стали сильнее волновать проблемы качества и уровня образования, кризиса семьи, спада рождаемости. К сожалению, в их сознании сохраняется представление о «второстепенности» проблем культуры, нравственности, образованности и профессионализма.

Таким образом, акценты жизненных ожиданий молодёжи заметно сместились – усиливается высокая требовательность к себе в вопросах подготовки к жизни. Это заставляет молодёжь ставить перед собой задачи по овладению современным образованием и профессией, при этом тревогу вызывает усиливающаяся неразборчивость в средствах достижения ими «жизненного успеха». Наблюдается снижение социальной активности молодёжи, культурных запросов, наблюдается кризис идеалов и утраты духовных ориентиров.

Ф. С. Мутолопов, Д. А. Степанов

Роль социологии в российском обществе

Актуальной проблемой социологии на нынешний день является проблема потери её веса в обществе.

Социология – наука, изучающая структуры общества и его элементы, их социальное взаимодействие и организацию.

У социологии много общего с другими общественными науками. С политологией ее объединяет то, что она исследует среди прочего проблемы политических отношений и государственного управления. С экономической наукой она граничит, затрагивая сферу социального обращения товаров и услуг, но в аспекте исследования социальных последствий производства, распределения и обмена. Как и антропология, социология делает своими предметами культуру, верования, традиции, но рассматривает их под особым социологическим углом. С психологией ее роднит то, что она исследует личность и ее жизнь в группе себе подобных. Наконец, в отличие от исторической науки, которая изучает только то, что свершилось и вошло в историю, социология фокусируется на современности, включает в себя социальное планирование и прогнозирование. На Социологическом конгрессе В. В. Радаев выдвинул задачу создания позитивной

программы российской социологии. Особенно в части артикуляции ее стратегических и тактических задач. Но предварительно все же надо еще раз попытаться оценить причины снижения ее веса в обществе. Главная причина в том, что она стала обслуживать власть, вместо того, чтобы критически анализировать ее действия и стараться влиять на них. Русские ученые XIX – начала XX веков, естественники и гуманитарии, всегда были гражданами, озабоченными судьбой России. Сегодня социологи – это люди, состоящие на службе интересов власти и крупного бизнеса. В условиях периодического кризиса нашей сильно коррумпированной либерально-ориентированной «рыночной экономики» и созданной ею «вертикали» власти российская социология все более становится ее отражением: странным гибридом либерально-вертикальных воззрений и концепций. Нынешний финансовый кризис практически никак не отразился на содержании докладов Социологического конгресса. Между тем, как раз этот кризис еще раз обнажил критическую дистанцию между замкнутым экспертным, в том числе социологическим, сообществом и остальным населением, дистанцию, угрожающую утерей взаимопонимания между наукой и обществом. Нынешний кризис – это вызов сложившейся модели социальной коммуникации. Чтобы восстановить свой авторитет в обществе наша социология должна обратить свои взоры на общественные движения и гражданские инициативы, которые сегодня «не видны» только потому, что их нет на экране телевизора. Однако именно эти инициативы являются непосредственными выразителями интересов различных групп общества. Вопросы изучения и понимания процессов «внизу», проблема общественного участия – принципиальные для социологии, потому что именно там, в малых ячейках и группах, сосредоточен инновационный потенциал нашего общества. Конгресс показал, что социология продолжает быть дисциплинарно разобщенной, и эти размежевания усиливаются. На Конгрессе не было ни одной секции, посвященной ключевой проблеме: *модернизации России* путём ее перехода к стадии постиндустриального общества и связанной с этим проблемой тотального изменения социальной структуры и социального пространства России. Широко обсуждаемая перед Конгрессом проблема *публичности социологии*, также растворилась в десятках секционных заседаний. Еще одна проблема – это потеря делового контакта с евроатлантической социологией. Российские социологи пользуются ее методами, но мало сотрудничают в сфере теории и методологии. Практически сошли на нет сравнительные исследования, этот важнейший инструмент для понимания места России в глобальном мире. Социология – часть мировой культуры, и она должна сохранить эту свою функцию поддержания взаимопонимания. Социологи теряют свой вес в обществе потому, что они предпочитают позицию стороннего аналитика в отношении происходящих в нем драматических перемен, тогда как они должны объяснять людям, что происходит сегодня и что ждет их в ближайшем будущем, выступать советником и выразителем их интересов. На Конгрессе было много отчетов, но мало проблемных докладов и совсем не было сценариев нашего ближайшего будущего. Социология вместо того, чтобы направлять рынок, и прежде всего медиарынок, всецело подчинилась ему. Опросы общественного мнения практически ничего не дают ни уму, ни сердцу

рядового человека. Поэтому образ социолога у населения – это «человек, раздающий анкеты», а не мыслитель, не аналитик, не прогнозист. Социология также фактически подчинила подготовки молодых кадров, ориентируя их на текущий рыночный спрос, тогда как она должна учить молодежь критическому мышлению как таковому, уметь разрабатывать и оценивать другие, в том числе нерыночные модели общественного устройства, осмысливать и строить модели модернизации. Так же она замкнулась в своем дисциплинарном «коне», не замечая существования других источников знания, которые она обязана интерпретировать социологически. Сегодня социологи отгородились от изучения рисков, создаваемых человеку, природе и себе самому стремительным развитием науки и техники. Социология отгородилась даже от исторической науки, которая гораздо старше ее и имеет развитый аналитический аппарат. Мы также забыли, что большинство современных достижений общественных наук было получено экономистами, изучавшими «длинные волны» эволюции общества. Наконец, социология теряет свой авторитет потому, что она перестала заниматься территориальными проблемами, состоянием ее природы, тогда как сегодня территория – это важнейший геостратегический ресурс любого общества, ресурс его выживания и безопасности. Ресурсные войны – такая же социальная реальность, как этнополитические и другие конфликты.

Т. В. Перышкина

Гербы Оренбургской области: прошлое и настоящие

В Российской империи практически все губернские города и уезды владели гербами [1].

Как известно, исторические гербы Оренбурга (1782 г.) и Оренбургской губернии представляют собой редкий для российской геральдики случай полного различия их гербовых щитов. Активное участие в разработке символики этой печати принял Иван Кириллович Кирилов, руководивший Оренбургской экспедицией. И.-С. Бекенштейн по заказу И. К. Кирилова составил «Проект герба для нового города». Проект включал в себя несколько десятков эмблем в гербовых щитах, на выбор. И. К. Кирилов или кто-то из его сотрудников остановил свое внимание на варианте, изображавшем орла, сидящего на вершине горы Правда, орлу были приданы геральдические аксессуары – корона над головой, по сторонам гербового щита – знамена и предметы вооружения [2]. Однако при И. К. Кирилове утверждения герба Оренбурга не произошло. Сменивший его на посту руководителя Оренбургской экспедиции известный русский историк В. Н. Татищев продолжал добиваться официального утверждения герба для города Оренбурга. В 1782 г. этому городу в качестве герба дана была эмблема: «Златое поле, разрезанное наполю голубою полосою, в верхней части – выходящий двуглавый орел, в нижней части – голубой Андреевский крест...» [3; 57-58].

Спустя некоторое время Неплюев прислал в центр рисунок герба с пояснениями, исполненными в его ведомстве. Он считал, что «по состоянию та-

мошного места и поселяемых там крещеных калмыков прилично было изобразить на щите в желтом, или золотом, поле, калмыцкую круглую шапку, при реке положенную, позади которой два копья, а над нею изобразить в сиянии крест, что может знаменовать прежнее и нынешнее того народа состояние». Герольдмейстерская контора сочла, однако, что рисунок не отвечает «регулам геральдическим», и разработала ряд новых проектов ставропольского герба, один из которых «пришелся по душе» Сенату. В присланном из Герольдмейстерской конторы изъяснении сообщалось: «Понеже слово Ставрос на греческом языке значит "крест", а полис – "город", того ради изображенный в сем гербе в золотом поле красной лапчатой крест в вершине щита и город такого ж цвету, на зеленой подошве щита стоящей, точно согласуются с именем города Ставрополя. Положенные ж над городом наподобие Андреева креста два черныя копья показывают, что помянутой город населен новокрещеными калмыками» [1; 175].

Библиографический список

1. Винклер фон, П. П. Гербы городов, губерний, областей, посадов, вынесенные в полное собрание законов Российской империи за 1649-1990 гг. / П. П. фон Винклер. – М. : Планета, 1991. – 175 с. – ISBN 5-8525-0429-7.
2. Кириллов, И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства [Электронный ресурс] / И. К. Кириллов. – Режим доступа : <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:0132606>.
3. Лакиер, Б. А. Русская Геральдика / Б. А. Лакиер. – М. : Просвещение, 1990. – С. 57-58.

Е. А. Радаев

Военная организация монгольской армии

С отходом от догм советской школы в современной исторической науке особое внимание уделяется организации монгольской армии, позволившей, наряду с осадной техникой и высочайшим уровнем тактико-стратегической мысли монгольских военачальников, покорить Чингисхану и его потомкам обширные пространства от Белого моря до Тихого океана.

Для дореволюционной историографии было характерно недооценивать военную мощь монгольских туменов (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин). Однако уже в XIX веке М. И. Иванин в своем сочинении «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане» [4] одним из первых проследил историю военных походов Чингиз-хана и его приемников, показав при этом эволюцию военной организации монгольской армии. Советская историческая наука именовала монгольское войско «ордой варваров» (В. Т. Пашуто, В. В. Каргалов), которая находилась на более низкой ступени развития, чем русские княжества. На наш взгляд, совершенно несправедливо советские ученые преувеличивали количественный потенциал

монгольских воинов, не уделяя должного внимания организации войска кочевников. Однако именно В. В. Каргалов [5] ввел в широкий научный оборот богатый источниковый и археологический материал. Современная историография в лице Р. П. Храпачевского [6] существенно продвинулась в изучении военного дела монгольской империи. Исследователь проследил эволюцию осадного искусства армии Чингисхана, установив, что каждый этап развития соответствовал завоеванию кочевниками крупного государства Азии.

Монгольская армия в средние века имела, как и любая великая армия, свою структуру, тактические особенности в ведении боевых действий и принцип организации и построения воинов. Безусловно, основой основ всегда выступал принцип воинской организации. Эта деталь тактики является первоначалом для всех остальных ее частей, определяющих ее связь с оперативным искусством и стратегией. Наличие традиций грамотного построения воинов дает большое преимущество военачальнику перед противником. И история знает этому примеры. К ним можно отнести построение греческих гоплитов во время битв при Марафоне, Фермопилах и Платеях, или введенную Филиппом и доведенную до совершенства Александром знаменитую македонскую фалангу. Однако эти примеры имеют отношение к «воинам-земледельцам». У кочевников поиск данных традиций занял достаточно большой промежуток времени и полностью завершился лишь в средние века во время завоевательных походов Чингисхана и его потомков.

Любое войско чингизидов, в первую очередь, делилось по выполняемым боевыми группами функциям. Так, армия имела авангард, «основной костяк» и отряд, защищающий обоз. Плано Джованни Карпини в своем труде «История Монголов» описывает задачу каждой из частей: «...они отправляют вперед передовых застрельщиков (praecursores), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство ... За ними следует войско, которое, наоборот, забирают все, что находит» [1; 263].

В авангард входили рядовые, по большей мере молодые воины, не имевшие богатого боевого опыта. Вооружены они были скромно. Главным их средством борьбы с противником был составной лук и колчан со стрелами (в нескольких экземплярах), а защиту они обеспечивали себе, надевая легкую клепаную броню или халат поверх, которого крепился медный диск, стянутый ремнями накрест. Основные силы были представлены хорошо вооруженными воинами, как правило, с высоким боевым опытом и устойчивым моральным состоянием. Их наступательное вооружение состояло из нескольких луков, палаша (или сабли), особого копья «чжида», имевшего железный крюк на кончике, и топора. А доспехи имели сложную конструкцию, в основном это был пластинчатый или чешуйчатый куяк. Среди этих воинов выделялась особая его часть – гвардия кешиг. Она была сформирована Чингисханом как личная охрана: «Ныне, когда небо повелело мне править всеми народами, для моей охранной стражи, саньбань и других пусть наберут 10 000 из тем, тысяч и сотен» [3; 132]. Рекрутов для нее в основном набирали из сыновей знати, но также туда

могли попасть и рядовые воины. Зачастую телохранители хана вступали в бой вместе с остальным костяком. Охрана обоза, по-видимому, доверялась старикам и женщинам. Примечательно, что женщины тоже считались воинами и, надо сказать, были искуснее в стрельбе из лука, чем мужчины. Женщина не имела такой физической силы, чтобы в ходе боя, который продолжался не один час, постоянно использовать саблю или палаш. Поэтому ей было жизненно необходимо метко стрелять, дабы не подпустить к себе противника.

Для управления войском Чингисханом на основе родоплеменных связей была введена десятичная система. Она заключалась в следующем: «минимальной единицей был десяток воинов (арбаны), из состава которых выбирался десятник. Десять десятков составляли сотню (джангуны), командира которой назначал тысячник; десять сотен составляли тысячу (менганы), командир которой (тысячник) руководил сотнями. Первоначально тысяча была максимальной тактической единицей в монгольском войске, и расчет военных сил монгольского государства шел по тысячам. После появления крупных контингентов воинов из консолидированных Чингисханом монгольских племен регулярной становится крупная армейская единица – тумен, насчитывающая, как правило, десять тысяч воинов. Командиров туменов (темников), как и тысячников, назначал сам хан» [6; 160]. Но не совсем правильно считать, что именно монголы стали первыми кочевниками, которые стали использовать дифференциацию своего войска по такому принципу. Эта тактика в прошлом еще использовалась гуннами. «В имперском конфедеративном объединении военачальники являлись вождями племени. Правда, нередко они сами решали, какие приказы им выполнять, а какие нет» [2; 261]. По-нашему мнению, особенностью модели монгольской армии стала ее жесткая дисциплина, опять же «завязанная» на принципе разделения войск на декады. Эти выводы основаны на свидетельствах П. Д. Карпини. Он подробно описывает принцип мер по организации воинской дисциплины: «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются; и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются...» [1; 260]. Войско становилось единым организмом, связанным не только родственными связями (а монголы в этот период находились на этапе разложения родового строя), но и ответственностью каждого члена подразделения за жизнь своего «боевого товарища», в отличие от гуннских и тюркских племен, военная организация которых носила в большей мере стихийный характер.

«Кроме данной десятичной системы», – пишет Р. П. Храпачевский, – «внутри нее имелись еще дополнительные способы организации боевых структур. Так, есть сведения, что сотня была разделена на полусотни» [6; 161]. Но как подчеркивает сам исследователь, это подразделение на полусотни – пережиток джурчжэнской организации войска, по-видимому, использовалась только во время боя. Во время его хода нередко получалось так, что из десятка оставалось 3-4 человека. Это вызывало неудобство для общего командования, затруднялась мобильность, уменьшалась скорость реагирования на приказы и так далее, поэтому эффективнее было организовать группу из большего числа воинов.

Описанная выше система организации монгольского войска позволила «великим степнякам» создать одну из самых больших империй в мировой истории. Им покорились ведущие державы Азии (Си Ся, Империя Цзинь, Южное Сун, Хорезм), кочевникам удалось распространить свое влияние на часть Восточной Европы, угрожать завоеванием Западной Европе, отвоевав ее земли до Адриатики. Эти походы обнажили отсталость земледельческих цивилизаций от стремительно развивающегося военного искусства кочевников, которое сумело перегнать их в традициях системы построения и организации войск.

Библиографический список

1. Базаров, Б. В. Монгольская Империя и кочевой мир / Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 546 с.
2. Бичурин, Н. Я. История монголов / Н. Я. Бичурин. – М. : Алгоритм, 2008. – 336 с.
3. Гвардия Чингисхан : хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVII века. – М. : Учпедгиз, 1951. – Т. I. – 535 с.
4. Иванин, М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане / М. И. Иванин. – СПб. : Типография товарищ. «Общественная польза», 1875. – 252 с. – С. 109.
5. Каргалов, В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси / В. В. Каргалов. – М. : Высшая школа, 1967. – 261 с.
6. Храпачевский, Р. П. Военная держава Чингисхана / Р. П. Храпачевский. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2005. – 557 с.

С. В. Суханов

Международно-правовые последствия Крымской войны на Северо-Западном Кавказе в 50-60-х гг. XIX в.

Вначале 1856 г. проходил Парижский конгресс, в результате которого был подписан Парижский мирный договор, закончивший Крымскую войну 1853-1856 гг. Самым тяжелым для России условием этого договора была нейтрализация Черного моря. Размеры военного флота России сильно ограничивались, что было равносильно запрету вообще иметь здесь русский флот. Аналогичные ограничения устанавливались и для Османской империи.

Поражение в Крымской войне заставило русское правительство временно ослабить свою внешнеполитическую активность в Европе и на Ближнем Востоке и сосредоточиться на проблемах внутренней жизни государства [3].

Россия давно не чувствовала себя столь униженной, а проблема внешней и внутренней безопасности не стояла так остро. После Парижского конгресса антироссийские настроения сохранялись в политической и дипломатической сферах. Задача разрушения «крымской системы» была для Петербурга не такой

уж простой, несмотря на вновь обнажившиеся традиционные противоречия между победителями в Крымской войне [2].

Любое подозрительное движение России грозило остановить процесс развала «крымского» союза. Поэтому одна из заслуг Александра II и его нового министра иностранных дел А. М. Горчакова, полагавших, что для государства нет другого способа вернуть себе прежний статус, кроме как заняв пассивную позицию в Европе, где без России всё равно не обойдутся и рано или поздно будут вынуждены обратиться к политическим или военным услугам. Эти положения предполагали тонкую и выжидательную игру, направленную на ускорение естественного распада «крымской системы». Более насущной и срочной была задача обеспечения элементарной безопасности южных границ России, в частности, на Северо-Западном Кавказе. Прежде всего, Российской империи было необходимо провести как можно скорее длительную и изнурительную Кавказскую войну и тем самым лишить Англию всяких оснований считать Черкесию воюющей стороной, то есть субъектом и объектом международных отношений. В данном случае предельная дипломатическая деликатность в отношении Европы, на которой настаивал новый Кавказский наместник А. И. Барятинский (одно из самых доверенных лиц Александра II), иначе понимал проблему целостности внешней политики России. Эта целостность, с его точки зрения, не пострадает, если Петербург признает, что российская стратегия в Европе должна быть основана на оборонительных принципах, а в Азии – на наступательных. А. И. Барятинский был уверен, что Кавказ нужно поскорее превратить в надёжную стратегическую точку опоры, откуда российская армия могла бы реально угрожать британскому влиянию в Турции, Иране, а главное – в Индии [5].

А. И. Барятинский не верил в эффективность договоров с Шамилем, о чём свидетельствовал весь опыт Кавказской войны. Наместник был твёрдо убежден, что войну нужно было завершить не договором с имамом, а безоговорочной капитуляцией вождя мюридов, которая станет самым убедительным доводом для горцев, уважающих силу и превосходство. Получив Кавказ в своё безраздельное ведение, Барятинский вместе с генералом Д. А. Милютиным провёл военно-реорганизационные преобразования в Кавказской армии и дал новый, мощный импульс ермоловской системе методичного окружения и сдавливания очагов сопротивления мюридов [1].

Крымская война совершенно изменила систему военного и геополитического мышления Петербурга. Внешние угрозы российской периферии вообще и Кавказу, в частности, некогда казавшиеся теоретическими, стали абсолютно реальными, это заставляло думать о более активных и изощрённых формах обороны от главного соперника России на востоке – Англии.

Произведённая после Крымской войны переоценка геостратегического и политического значения Кавказа для России имела ещё один аспект. Обратной стороной понимания уязвимости этого региона извне стала не только осторожность в общении с Европой по Кавказскому вопросу, но и заметная активизация усилий по превращению Кавказа в ограниченную и хорошо защищённую часть империи. Осознание экономической отсталости России всё очевиднее проецировалось на Кавказ, где предполагалось осуществить крупномасштабную воен-

но-территориальную реформу, авторами которой станут А. М. Барятинский и Д. А. Милютин. По этой реформе Кавказу фактически отводилась роль транзитного региона, соединявшего два моря по линии восток-запад, и Россию с Передней Азией по линии север-юг [4].

После Крымской войны, в связи с резким ослаблением позиций России в мире Петербургу пришлось уделять больше внимания проблеме обработки европейского общественного мнения для создания позитивного образа России. В 1857 г. Александр II фактически снял существовавший ранее запрет на оглашение сведений о ходе военных действий на Кавказе. Более того, Петербург сам стал инициировать публикации в отечественной и зарубежной прессе под выгодным для себя углом зрения [4].

По окончании Крымской войны Кавказ не перестал быть объектом внимания Англии и Турции. Более того, к ним присоединилась Австрия, которую этот регион интересовал как одно из средств укрепления на антирусской основе отношения с британским правительством, и, следовательно, своего положения в Европе.

Продолжается вмешательство Англии в черкесские дела. В условиях нейтрализации Чёрного моря английские военные и гражданские корабли безбоязненно и даже демонстративно наносили провокационные визиты на кавказское побережье, отказываясь подчиняться русским пограничным властям. Ссылаясь на экономические интересы Европы, Лондонский кабинет заявил о необходимости открытия Кавказа для международной торговли. Фактически это означало легализацию иностранных военных поставок к черкесам.

Турция вела себя осторожнее. Формально она старалась соблюдать постановления Парижского договора по Кавказу, однако под показной лояльностью к России скрывалась прежняя политика тайной помощи горцам.

Русское правительство решительно выступило против всякого посягательства на его суверенитет на Кавказе. Особенно резкий отпор получили австрийские претензии. К Англии применялась более гибкая линия: твёрдая позиция в принципиальных проблемах сочеталась с уступчивостью в некоторых частных вопросах. Россия предупредила и Турцию, что не потерпит её участия в антирусских акциях на Кавказе.

В связи с ограничительными условиями Парижского договора 1856 г. и продолжающейся Кавказской войной перед Петербургом как никогда остро встала задача охраны практически беззащитного восточного побережья Чёрного моря от внешнего вторжения и военной контрабанды. Однако её решение крайне осложнялось рядом причин.

Библиографический список

1. Дегоев, В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. Русская панорама / В. В. Дегоев. – М., 2001.
2. Дегоев, В. В. Кавказ и Великие державы / В. В. Дегоев. – М., 2007.
3. Киняпина, Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. / Н. С. Киняпина. – М., 1974.

4. Милютин, Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1856-1860 гг. / Д. А. Милютин ; под ред. Л. Г. Захаровой. – М., 2004.

5. Рибер, А. Политика самодержавия / А. Рибер. – СПб., 1966. – Ч. 2. Письма Александра II наместнику Барятинскому.

С. В. Хаматгалиева

Повседневная жизнь и материальный быт опричников Ивана Грозного

Хронологические рамки опричнины охватывают период в истории России с 1565 по 1572 года, преподносившийся царём и его окружением как «борьба с изменниками Родины». Также опричниной назывался особый порядок управления на особой территории государства, выделенной для того, чтобы содержать царский двор и опричников Ивана Грозного. Это одновременно и «Государев двор». Слово «опричина» имеет древнерусскую этимологию. Оно произошло от слова «опричь», что в переводе означает «особый», «кроме».

В опричину были включены лучшие земли Русского государства и более чем 20 крупных городов, таких, как Москва, Вязьма, Суздаль, Козельск, Медынь, Великий Устюг и др. К 1572 году территория опричнины составляла около 60% Московского государства. Остальную территорию, не вошедшую в опричину, называли земщиной. На этой земле оставались нетронутыми Боярская дума и приказы.

Опричник – человек, состоящий в рядах опричного войска, то есть гвардии, созданной Иваном Грозным в рамках его политической реформы в 1565 году. Во времена Ивана Грозного опричников называли «государевыми людьми». В состав опричного двора вошли люди разного социального статуса: князья Одоевский, Хованский, Трубецкой и другие, а также бояре, часть иностранных наемников, служилые люди. Все, кто вступал в опричное войско, были обязаны отречься от семьи и общепринятых норм поведения. Опричники приносили царю клятву в верности, в том числе обещали не общаться с «земскими» людьми ни при каких условиях.

Основания для вступления в опричину были у каждого свои: кто-то был верен царю и полностью разделял проводимую им политику, кто-то вступал в опричину под страхом смерти, а также целью могло послужить желание приблизиться к царю, власти, деньгам. Но уже к концу опричнины главной целью всех опричников стали трон, власть и богатство.

Начальное число вступивших в ряды «Государева войска» – одна тысяча бояр («опричная тысяча»). Опричная тысяча представляла собой привилегированную личную гвардию царя. Вскоре опричное войско насчитывало уже 5 тыс. человек. Укомплектованное из худородных, незнатных дворян, оно должно было стать, по замыслу И. Грозного, сильным и надежным орудием в борьбе с феодально-аристократической оппозицией.

Опричники должны были носить особую форму одежды: грубые нищенские или монашеские верхние одеяния на овечьем меху; нижние же одея-

ния – из шитого золотом сукна на собольем или куньем. Головным убором того времени была «тафья» – маленькая круглая шапочка типа тюбетейки или ермолки, прикрывавшая только макушку и служившая «домашним» головным убором. Тафья была заимствована с Востока. Основными тканями для её пошива служили атлас, сукно, бархат и парча. Шапочку богато украшали серебром, золотом и жемчугом. На выход предназначались высокие (в локоть) цилиндрические, расширяющиеся кверху шапки, сшитые из горлышек пушных зверей (чернобурых лис, куниц или соболей), с суконным, бархатным или парчовым верхом, которые знатные люди не снимали ни за столом, ни даже в присутствии царя. Всадники обязаны были привязывать собачьи головы на шею у лошади и шерсть на кнутовище. Это означало, что они сначала кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны.

Себя Грозный именовал «игуменом»; опричников – «монашеской братъею», которая в церквях по ночам, одетая в черное, совершала кощунственные ритуалы. Верхушка опричников (Малюта Скуратов, Василий Грязной, Афанасий Вяземский и др.), предававшаяся разгулу и насилиям, была вооружена заостренными монашескими посохами и длинными ножами, спрятанными под верхней одеждой.

Особое войско Ивана IV стало главным орудием создания в стране, по существу, опричной военной диктатуры. В этом братстве господствовали строгая дисциплина и распорядок: «...великий князь встаёт каждый день к утренним молитвам и в куколке отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками». Утром, в четыре часа, они должны были присутствовать на службе в церкви. Опричные трапезы существенно отличались от монастырских. На опричных трапезах «каждому подаётся еда и питьё, очень дорогое и состоящее из вина и мёда». Царь здесь был главным распорядителем: он жаловал по своему выбору гостей хлебом и вином. Царские трапезы могли затягиваться до глубокой ночи. Под конец государь снова называл участников по именам и рассылал им чаши с вином. Придворные чины начинали убирать посуду и скатерти. Гости поднимались из-за столов и, держа в руках шапки, по очереди подходили к самодержцу прощаться.

Бдения и молитвы сменялись публичными экзекуциями. Иван Грозный сам выносил смертные приговоры прямо в церкви. И те, кого он приказывал казнить, должны прибыть как можно скорее, и он даёт письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть казнены.

В то время существовало несколько способов казни:

1. «Посаженные в воду»:

- а) всем убитым отрубали ноги, а потом трупы их спускали под лёд;
- б) осуждённого привязывали к увечной, слепой лошади, запряжённой в телегу, которую загоняли в реку, где захлебнувшееся животное увлекало на дно своего невольного седока.

2. Сожжение:

- а) «преступника» сжигали в деревянном срубе без крыши;
- б) подрыв приговорённого к смерти порохом зарядом.

3. Иссечение «в дробные части». «Иссечение» иногда могло быть заменено на ещё более ужасную казнь, предполагавшую долгую и невероятно мучительную агонию, когда осуждённого «резали по суставом».

4. «Приговор к диким зверям».

Грозному удалось добиться резкого усиления самодержавной власти, придать ей черты восточной деспотии. Земская оппозиция была сломлена. Экономическая самостоятельность больших городов (Новгород, Псков и др.) была подорвана и они уже никогда не поднялись до прежнего уровня. В обстановке всеобщего недоверия не могла развиваться экономика. Разделение войск на опричное и земское стало причиной падения боеспособности Русского государства. Опричнина ослабила Московское государство, развратила верхний слой общества. Когда в 1571 крымский хан Девлет-Гирей напал на Москву, ставшие грабителями и убийцами опричники, не желали идти в поход на защиту Москвы. Девлет-Гирей дошел до Москвы и сжег ее, а напуганный царь устремился бежать из столицы. Поход Девлет-Гирея «отрезвил» Грозного и послужил причиной очень скорой официальной отмены опричнины: в 1572 Грозный запретил даже упоминать об опричнине под страхом наказания кнутом.

Слово опричнина вышло из употребления и стало заменяться словом двор, а опричник – словом дворовый, вместо «города и воеводы опричные и земские» говорили – «города и воеводы дворовые и земские».

Библиографический список

1. Куракин, И. В. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного / И. В. Куракин, А. А. Булычев. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 374 с.

2. Таубе, И. «Послание к Готхарду Кеттлеру, герцогу Курляндскому и Семигальскому», 1572 г. [Электронный ресурс] / И. Таубе, К. Элерт. – Режим доступа : http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Taube_Kruse/text.phtml?id=1470.

3. Штаден, Г. «Записки о Московии». 70-е гг. XVI в. [Электронный ресурс] / Г. Штаден. – Режим доступа : <http://midday.narod.ru/17.htm>.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

П. С. Александрова

Фреймовый анализ фразеологических единиц, вербализующих концепты пространства и времени в английском и русском языках

Пространство и время являются всеобщими формами бытия материи, её важнейшими атрибутами. В мире нет материи, не обладающей пространственно-временными свойствами, как не существует пространства и времени самих по себе, вне материи или независимо от неё. Время и пространство – это также и основные категории когнитивной лингвистики, основным понятием которой является концепт [4].

Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт позволяет учитывать все существующие контексты изучения феноменов пространства и времени. Концепты «время» и «пространство», будучи ключевыми, являются важной частью концептуальной системы, которая во всех языках отражается по-разному, что позволяет говорить о временном и пространственном восприятии, об этническом менталитете, временных и пространственных универсалиях, и в целом о временной и пространственной картине мира.

Концепты «время» и «пространство» – это фундаментальные категории когнитивной лингвистики, при помощи которых люди воспринимают мир и создают его [4]. Одним из наиболее интересных способов вербализации данных концептов являются фразеологические единицы (ФЕ), которые составляют так называемую фразеологическую картину мира, созданную народом в процессе творчества [2].

Наиболее эффективным методом анализа ФЗ, вербализующих данные концепты, является фреймовый метод, позволяющий структурировать знания о той или иной единице. Также данный метод позволяет представить те или иные характерные признаки определённой ФЗ и выделить несколько уровней в её значении, иерархически связанных друг с другом [3].

Приведем примеры.

ФЗ «around the clock» со значением «constantly» [1].

CLOCK (An instrument for measuring or indicating time)
AROUND (moving in a circle)
CONSTANCY (Признак постоянства)
(Значение) Без остановки, сутки напролет, постоянно, все время

На верхнем уровне находятся сема «clock», которая несет денотативное значение – «An instrument other than a watch for measuring or indicating time, especially a mechanical or electronic device having a numbered dial and moving hands or a digital display», а также сема «around», которая несет денотативное значение «moving in a circle». На нижнем уровне – конкретное ситуативное значение ФЕ «around the clock», несущее коннотативное значение – «constantly, all the time». Признаком, которым характеризуется данная ФЕ, – без остановки, сутки напролет, постоянно.

Возьмем для сравнения ФЕ «и день и ночь», вербализующую концепт «время» со значением «постоянно» в русском языке.

ДЕНЬ (Часть суток от восхода до захода Солнца, между утром и вечером.)
НОЧЬ (Часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром.)
(Признак) ПОСТОЯНСТВО
(значение) Без остановки, сутки напролет, постоянно

На верхнем уровне находится сема «день» и сема «ночь», которые несут денотативное значение – «Промежуток времени в пределах суток». На нижнем уровне – конкретное ситуативное значение ФЕ «и день и ночь», несущее коннотативное значение «постоянно». Признаком, которым характеризуется эта ФЕ, – без остановки, сутки напролет, постоянно.

Что касается вербализации концепта «space» – «пространство», то для примера возьмем следующие ФЕ.

ФЕ «на все четыре стороны».

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ (СЕВЕР, ЮГ, ЗАПАД, ВОСТОК)
(Признак горизонтального движения) КУДА УГОДНО
(Значение) горизонтальное движение на все стороны света, в любом направлении

На верхнем уровне находятся сема «четыре стороны», которая несет денотативное значение – «четыре основных направления (север, юг, запад, восток)». На нижнем уровне – конкретное ситуативное значение ФЕ «на все четыре стороны», несущее коннотативное значение «куда угодно, в любую сторону света». Признаком, которым характеризуется данная ФЕ, – горизонтальное движение в любую сторону.

Для сравнения возьмем ФЕ с аналогичным значением из английского языка – «Get off the ground» [1].

GET OFF (to rise, to lift)
GROUND (an area of land without buildings, fences, woods etc.)
(Значение) to get something started .
(Признак) DIRECTION

На верхнем уровне находится сема «get off», используемая со значением «rise, lift, climb, raise, go up», то есть мы наблюдаем очевидное значение направления. На втором уровне находится сема «ground», которая сама по себе несет пространственное денотативное значение «an area of land without buildings, fences, woods etc». На нижнем уровне – конкретное ситуативное значение ФЕ «get off the ground», несущее коннотативное значение «to get something started». Признак, которым характеризуется данная ФЕ, – direction.

Итак, на основе проведенного фреймового анализа можно сделать вывод о том, что время и пространство, отраженные в английском и русском языках, это, прежде всего, образные понятия, непосредственно связанные с различными представлениями, вызванными фантазией, творческим воображением обоих народов.

Что касается восприятия времени, то ментально в обоих языках оно воспринимается по-разному, с помощью различных языковых средств – на семантическом уровне значения одинаковые в обоих языках, но эти значения выражены разными лексическими средствами. Так, в русской языковой картине мира идея времени связана с повторяемостью, регулярностью, цикличностью, так как лексема «время» в русском языке произошло от лексем «вертеть», «веретено». Таким образом, русский язык отражает время, которое движется по кругу, циклично (и день и ночь, и зиму и лето, год за годом и т. д). Согласно же английскому подходу, время линейно, одномерно, однонаправленно и необратимо. Точность является неотъемлемым атрибутом англичан, рассматривается ими как гарантия надежности, воспринимается в качестве способов противодействия непредсказуемости (on the horizon, one-two-three, never in a life time и т. д).

В отношении восприятия пространства мы можем утверждать, что в обоих языках оно обладает рядом психологически обусловленных свойств, которые делают его доступным для понимания человеком: трехмерность, измеримость, протяженность, предельность (наличие начала и конца), статичность, динамичность, связность, прерывность (раздельное существование материальных объектов и систем) и другие (куда ни пойдешь, куда ни глянь, между небом и землей, get a move on, between two stools, right and left). При этом некоторые характеристики пространства могут быть культурно-обусловлены, то есть иметь разную степень выраженности в английской и русской лингвокультуре.

Таким образом, анализ языкового материала и иллюстрации функционирования рассматриваемых единиц показывают, что темпоральные и пространственные фразеологизмы представляют достаточно большую подсистему фразеологического фонда английского и русского языка. Использование фразеологизмов со значением времени позволяет авторам текстов сделать речь образной и выразительной.

Библиографический список

1. Винокуров, А. М. Англо-русский словарь идиом. 5500 наиболее употребительных устойчивых словосочетаний с примерами / А. М. Винокуров. – М. : Мартин, 2011. – 352 с.

2. Добрыднева, Е. А. Фразеологические средства и способы вербализации эмоциональных концептов в языке и речи / Е. А. Добрыднева // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г. : в 2 ч. – Волгоград : Перемена, 2003. – Ч. 1. Научные статьи. – 99 с.

3. Ежова, Е. А. Фрейм как метод структурирования логико-семантического пространства системы 2+ / Е. А. Ежова // Научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». – 2008 г.

4. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

М. В. Антонова

Фонетический аспект ассимиляции английских заимствований в немецком языке

Словарный состав языка находится в состоянии постоянного изменения. Непрерывное обогащение лексико-семантической системы языка является одним из законов исторического развития языка как общественного явления. Наиболее заметным в развитии языка является процесс обогащения лексики.

В последние годы в немецкий язык стало проникать всё больше английских слов. Английский язык обогатил немецкий многочисленными синонимами и новыми понятиями. Англицизмы – это английские слова или выражения, которые заимствованы другими языками.

Данный процесс происходит как посредством визуального восприятия (через газеты, журналы, названия иностранной продукции, рекламные щиты и т. п.), так и через аудиоканалы. Заимствованное слово через аудиоканалы (посредством радио, телевидения, звукозаписей, личных контактов с носителями языка и т. п.) быстрее проходит все стадии изменения, грамматического и фонетического приспособления к законам и правилам немецкого языка. Это происходит потому, что немец, восприняв на слух слово, произносимое носителем английского языка, тут же приспособливает его к фонетическим особенностям

своего языка. Примером могут служить слова *Fuhl* – fool [fu:l], *Tschinggam* – chewing gum ['tju:i gAm] и др.

Входя в устную речь посредством визуального восприятия, иностранное слово, как правило, испытывает влияние исконной орфографической формы. При этом воспринимающий, читающий это слово человек не всегда достаточно осведомлен о его происхождении, часто незнаком с правилами чтения того или иного языка, поэтому нередко английские слова читаются по правилам латинского или немецкого языка: Campus [kampus], Dressman [dresman], Partner [partner] и т. д. Таким образом, английское слово может существовать в речи в разных фонетических вариантах: Club – [klAb], [klub]; Kidnapping – [kidn pii], [kidn pi g], [kidnapi], [kidnapi g].

Причин этого разнообразия может быть несколько. Во многом это зависит от того, как пришло то или иное слово в немецкую речь. Начнем с того, что одни и те же лексемы могут иметь различное произношение в разных англоязычных странах. Так, например, английской букве «а» в словах типа fast [fa:st], last [la:st], dance [da:ns] в Британии соответствует звук [a:] – долгий, а в Америке [ae] – fast [faest], last [laest], dance [daens]. Если предположить, что эти слова вошли в немецкий язык с голоса, то это может объяснить существование различных вариантов произношения английских слов в немецком языке.

Следующей причиной возникновения нескольких фонетических вариантов одного и того же заимствованного слова является особенность его прочтения. Если оно увидено раньше, чем услышано, то вариант прочтения может быть разным. Даже если слово читается немцем, знающим правила чтения английского языка, могут возникнуть особенности в его прочтении в связи с вышеуказанными территориальными особенностями. Данное прочтение может быть названо трансфонированным, то есть звуковым. Прочтение слова по принципу транслитерации также приводит к вариативности произношения слов. Знающий латинский алфавит субъект то или иное английское слово может прочесть, даже не будучи осведомленным о правилах чтения английского языка.

Итак, проблема адаптации англоязычной лексики, а также возникновение фонетического разнообразия, вариантности англицизмов в немецкой разговорной речи обусловлены, во-первых, языковыми явлениями как языка-источника, так и языка-приемника; во-вторых, трудностями, возникающими при попытке сохранения особенностей произношения английских слов и одновременно приспособления этого произношения к специфике немецкой фонетики; в-третьих, способом проникновения английской лексики в немецкий язык.

Е. А. Воробьева

Приемы и формы создания психологизма в новелле С. Цвейга «Амок»

Наше исследование посвящено анализу новеллистики известного писателя Германии Стефана Цвейга (1881-1942) с точки зрения создания в ней психологизма. Как считает Д. Затонский, внешние события в его новеллах служат лишь поводом или толчком для развития или поворота психологической интри-

ги. Творческий почерк Цвейга-новеллиста оформился в начале 20-х годов XX века. Сюжетное напряжение новелл, по мнению Б. Сучкова, определяется не столько динамикой действия, сколько умелой передачей душевных движений героев, тонким и точным анализом их внутреннего состояния. Многие новеллы построены на изображении психологического конфликта, нагнетаемого постепенно и с большим мастерством.

В новелле «Амок» (Der Amokläufer, 1922) Стефан Цвейг показал гибель женщины, запутавшейся в сети лжи, предрассудков и обмана. Из-за боязни скандала и позора женщина вверяется невеждам и шарлатанам и погибает.

В своих работах Стефан Цвейг часто прибегал к использованию различных приемов психологизма для создания внутреннего состояния героя. А. Б. Есин выделял различные приемы создания психологизма, такие, как повествование от первого или третьего лица, внутренний монолог и различные виды художественных деталей (пейзаж, портрет, вещный мир).

В новелле «Амок» автор использует повествование от первого лица, так как эта художественная форма приобретает характер исповеди, герой повествует о том, что он учился в Германии, стал врачом и работал при Лейпцигской клинике. Потом он влюбился в женщину, которая работала там же, и потратил все деньги клиники на неё. Так как властные и дерзкие женщины всегда сводили с ума и могли прибрать его к рукам. И чтобы расплатиться с долгами, герою пришлось подписать контракт и поехать работать врачом в Африку. Но по дороге его обобрали другая особа, и герой остался без денег и надежд на хорошую жизнь. Автор использует такой прием психологизма, как самоанализ, так как герой спустя время задумывается о прошлых поступках. Автор использует ёмкие эпитеты и метафоры, перифразы, устойчивые обороты для описания того, как главный герой с легкостью доверяется женщинам и отдает им всего себя целиком:

Sie hatte eine Art, hochmütig und kalt zu sein, die mich rasend machte – mich hatten immer schon Frauen in der Faust, die herrisch und frech waren, aber diese bog mich zusammen, dass mir die Knochen brachen. Ich tat, was sie wollte, ich – nun, warum soll ich's nicht sagen, es sind sieben Jahre her – ich tat für sie einen Griff in die Spitalskasse, und als die Sache aufflog, war der Teufel los.

А также в данном отрывке используется такой стилистический прием, как риторическое восклицание, с помощью которого мы можем понять, что герой очень жалеет о сделанном выборе, но у него не было другого выхода:

Und dann saß ich so auf Deck wie Sie und sah das Südliche Kreuz und die Palmen, das Herz ging mir auf – ah, Wälder, Einsamkeit, Stille, träumte ich!

Иногда автор описывает внутреннее состояние героя-рассказчика, используя пейзаж. Рассказчик выходит из своей тесной каюты и идет на свободную палубу. Уже поздно и поэтому она пуста. У рассказчика есть возможность остаться одному и помечтать:

Und wie ich den Blick aufhob über den düsteren Turm des Schornsteins und die geisterhaft glänzenden Spieren, drang mir mit einem Male magische Helle in die Augen. Der Himmel strahlte. Er war dunkel gegen die Sterne, die ihn weis durchwirbelten, aber doch: er strahlte; es war, als verhüllte dort ein samtener Vorhang unge-

heures Licht, als wären die sprühenden Sterne nur Luken und Ritzen, durch die jenes unbeschreiblich Helle vorglänzte. Nie hatte ich den Himmel gesehen wie in jener Nacht, so strahlend, so stahlblau hart und doch funkelnd, triefend, quellend von Licht, das vom Mond verhangen niederschwoll und von den Sternen, und das aus einem geheimnisvollen Innen zu brennen schien. Weiser Lack, flimmerten im Monde alle Randlinien des Schiffes grell gegen das samtdunkle Meer, die Taue, die Rahen, alles Schmale, alle Konturen waren aufgelöst in diesem flutenden Glanz: gleichsam im Leeren schienen die Lichter auf den Masten und darüber das runde Auge des Ausgucks zu hängen, irdische gelbe Sternzwischen den strahlenden des Himmels.

Описанный пейзаж очень подходит для того, чтобы рассказчик мог мечтать. Автор очень умело использует метафоры, эпитеты и сравнения.

Один из интереснейших приемов психологизма – умолчание. Стефан Цвейг довольно часто использовал его при написании новеллы «Амок».

„Gewiss, Doktor! Sie sind doch Arzt“, antwortete sie, aber schon wendet sie mir wieder den Rücken und spielt mit den Büchern.

„Haben Sie Kinder gehabt?“

„Ja, einen Sohn.“

„Und haben Sie ... haben Sie vorher ... ich meine damals ... haben Sie da ähnliche Zustände gehabt?“

„Ja.“

Ihre Stimme ist jetzt ganz anders. Ganz klar, ganzbestimmt, gar nicht mehr plapprig, gar nicht mehr nervös. Und wäre es möglich, das Sie ...verzeihen Sie die Frage ... das Sie jetzt in einem ähnlichen Zustände sind?“

„Ja.“

Wie ein Messer scharf und schneidend lässt sie das Wort fallen. In ihrem abgewandten Kopf zuckt nichteine Linie.

„Vielleicht wäre es da am besten, gnädige Frau, ich nähme eine allgemeine Untersuchung vor ... darf ich Sie vielleicht bitten, sich ... sich in das andere Zimmer hinüber zu bemühen?“

Da wendet sie sich plötzlich um. Durch den Schleier fühle ich einen kalten, entschlossenen Blick mir gerade entgegen. „Nein ... das ist nicht nötig... ich habe volle Gewissheit über meinen Zustand.“

В данном отрывке автор, используя недосказанность, повторы, хочет показать, как незнакомая женщина стесняется своего интересного положения, так как ее мужа уже четыре месяца не было рядом с ней. Она не хочет говорить напрямую о своих подозрениях. Герой так же стесняется произносить эти слова и поэтому тоже задает такие вопросы, из которых читатель догадывается, о чем разговаривают герои и в каком положении находится женщина.

А. Б. Есин помимо приемов психологизма дает классификацию форм психологического изображения. По его мнению, существуют три формы психологического изображения, к которым сводятся все конкретные приемы воспроизведения внутреннего мира: прямая, косвенная и суммарно-обозначающая. Прямая форма психологизма показывает героя путем художественного познания его внутреннего мира; косвенная форма выражается в психологической интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимиче-

ского и других средств внешнего проявления психики. Третья форма психологизма заключается в вербальном обозначении чувств (они названы, но не показаны). Или же подробно прослеживается процесс протекания чувства во времени и тем самым воссоздается с большей живостью и художественной силой.

Каждая форма психологического изображения обладает разными познавательными, изобразительными и выразительными возможностями. В произведениях писателей для воплощения душевных движений используются, как правило, все три формы, но ведущую роль играет, разумеется, прямая: непосредственное воссоздание процессов внутренней жизни.

В новелле «Амок» Стефан Цвейг использует различные приемы психологизма. Ведущую роль играет прямая форма психологизма: герой новеллы сам рассказывает историю произошедшего, описывает те чувства, которые у него возникали в той или иной ситуации. Он повествует историю, и она превращается в исповедь. Но автор также использует и косвенную форму психологизма, при помощи которой мы узнаем о внутреннем мире героя не непосредственно, а через внешние симптомы психологического состояния: описание природы, погоды и т. д. Благодаря данным приемам автор полностью раскрывает для читателя душевное состояние героя.

Библиографический список

1. Zweig, S. Novellen / S. Zweig. – М. : Verlag für Fremdsprache Literatur, 1959. – 519 s.
2. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – М., 1988. – 356 с.
3. Затонский, Д. Стефан Цвейг – вчерашний и сегодняшний / Д. Затонский. – М. : Радуга, 1991. – С. 5-32.
4. Сучков, Б. Лики времени. Статьи о писателях и литературном процессе / Б. Сучков. – М., 1976.

К. А. Воропаева

Актуализация мифологемы «война» в романе К. Вольф «Кассандра»

Процесс ремифологизации, то есть возрождения общекультурного интереса к мифологическому мировосприятию, к восстановлению цельности субъективного и объективного, попытки по-новому осмыслить и переосмыслить первоэлементы мифологического сознания с целью формирования новой, отвечающей современности модели мира и представления о нем, стал заметен на рубеже XIX-XX веков. И не обошел он современную литературу Германии.

Известная немецкая писательница Криста Вольф также обращается к истории древних веков и берет за основу своего романа «Кассандра» миф о Троянской войне.

Обращение К. Вольф к преданию о Троянской войне представляется проявлением общего для немецкой литературы прошлого столетия интереса к ан-

тичному наследию, ставшего своего рода мировоззренческой традицией. В 1980-е гг. для многих немецких писателей: Фолькера Брауна («Гибель Прометей», 1982), Франца Фюмана («Прометей. Битва титанов», 1981), Хайнера Мюллера («Пришедший в упадок берег. Медя. Пейзаж с аргонавтами», 1983) – разработка мифологических образов оказалась продуктивной формой объяснения современности и ее критики, но в то же время и способом отказа от сиюминутной конкретики во имя утверждения непреходящих основ человеческой экзистенции.

Миф как набор всечеловеческого опыта приобретает под пером современных авторов многовекторную направленность: отталкиваясь от правремен, задающих универсальную модель бытия, он вопрошает настоящее о причинах его катастрофического состояния и, выявляя взаимосвязи и взаимозависимости разных эпох, открывает выход в пространство вечности.

Обращение к традиционному мифосюжету в романе «Кассандра» привело к его видоизменению. Будучи представительницей «женской» эстетики, писательница освобождает миф от выдумок, наделяет своих героев обычными человеческими характеристиками, делая тем самым свой роман реалистичным. Она выводит на первый план характеристики, дегероизируя тем самым традиционно героические мужские образы.

К. Вольф в своем произведении выбирает главного героя не Ахилла, а именно Кассандру. У Гомера Кассандра появляется в произведении лишь в некоторых сюжетах и не так глубоко рассматривается, как у К. Вольф. В ее повести миф о Кассандре получает иную трактовку. Судьба героини трагична – она живет среди не понимающих и не желающих понять ее людей. Жизнь Кассандры – борьба за собственное утверждение.

К. Вольф, в целом, следует за сюжетом мифа, но незаметно на глазах у читателя происходит демифологизация событий. В повести, основанной на мифах, отсутствует Олимп и боги. Более того, все события повести, на первый взгляд фантастические, писательница пытается объяснить реальным, а не чудесным образом с учетом особенностей причудливой мифологической формы мышления древнего человека.

Война с греками для Кассандры – это, прежде всего, столкновение с Ахиллом и Агамемноном. Как мы знаем из мифа, Ахилл – цельная и благородная натура, олицетворяющая собой военную доблесть в понимании древних героев. Однако же в «Кассандре» он приобретает натуралистические, отталкивающие черты. Как и в мифе, Ахилл погибает от стрелы Париса. Однако причина этого совершенно иная. Герой умирает не на поле брани в славной битве, а соблазненный Поликсеной в приступе похоти.

Гомеровский микенский царь Агамемнон, старший из Атридов, является предводителем всего похода и называется «владыкой мужей» или «пастырем народов». Иным является отношение Кассандры к Агамемнону – вождю греков, погубивших ее народ. Предвидя трагическую гибель царя и свою собственную судьбу, Кассандра даже не видит в нем врага, а испытывает к нему унижительную для героя жалость: «Жалкий трус... Если Клитемнестра такова, какой я ее представляю, она не станет делить трон с этим ничтожеством...».

Вольфовская Поликсена – несостоявшаяся жрица Аполлона, своеобразный приземленный двойник Кассандры, та, кем она могла бы стать. По мифам Гомера о Поликсене мы знаем очень мало: невинная жертва, принесенная на могиле Ахилла. В повести образ переосмыслен, демифологизирован бытовыми и натуралистически отталкивающими деталями.

Также в мифе Гомера мы находим много того, что повествует об Одиссее, например, что герой «хитроумный» и «многострадальный». В «Илиаде» он выступает и как воин, и как мудрый советник, а также как человек, готовый на всяческий обман. Само взятие Трои при помощи деревянного коня было делом его хитрости. Всегда настороженный, он имеет наготове целый запас вымышленных историй. В своем же произведении К. Вольф мало что говорит о нем, ставя этого героя на дальний план.

Стратегия историзации и психологизации, примененная писательницей в «Кассандре», позволяет всесторонне и глубоко осмыслить настоящее, соотнесенное с аналогичной моделью бытия из мифа о Троянской войне.

При работе над романом она приходит к выводу, что причина войны была не в самой Елене Прекрасной, как мы встречаем это в традиционной мифе, а в столкновении экономических и политических интересов двух враждующих государств, вступивших в кровавую войну за удобный морской путь через Геллеспонт.

Т. Е. Глазырина

Задачи искусства и вопрос о назначении художника в произведении О. де Бальзака «Неведомый шедевр»

Литература XIX в. выдвигает перед читателем проблемы, требующие глубокого философского осмысления. Среди них особое место занимает вопрос о назначении творца в современной действительности. Оноре де Бальзак не смог остаться в стороне эстетических распрей. Рассуждая о проблемах искусства, он создал ряд произведений о художниках, среди которых новелла «Неведомый шедевр». «Неведомый шедевр» – новелла о путях искусства. Действие ее происходит в начале XVII века, но, как известно, тема искусства не знает возраста, переключаясь с современностью, произведение из далекого прошлого накладывает мазки на «будущие картины» нового времени.

Таинственный живописец Френхофер, постигший глубокие тайны мастерства, создает портрет прекрасной женщины. Он настолько совершенен, что стирает грань между искусством и природой. И позже этот же художник, встав на ложный путь, погубил свою картину, незаметно для себя превратив ее в хаос линий и красок. Поняв это, он покончил с собой, уничтожив перед смертью большинство своих картин. О. де Бальзак искусно находит опорные точки для своего вымысла в действительности. Так, в ходе исследования стоит отметить, что Френхофер – вымышленное лицо, тогда как его наставник Мабузе и ученики лица – исторические. Франсуа Порбус младший – фламандский художник, который жил и работал в Париже. Мабузе – прозвище голландского художника

Яна Госсарта (по имени своего родного города). Никола Пуссен – знаменитый французский художник.

Подобно истинному художнику, писатель называет обе части произведения женскими именами, словно дает название для своих картин, как Леонардо да Винчи и его произведение «Мона Лиза». Неоднократно в своем произведении О. де Бальзак обращается к теме античности, что характерно для раннего французского классицизма, хотя сам он является представителем такого литературного направления, как реализм. Например, устами Френхофера, автор говорит о Порбусе как о Прометее, не сумевшем донести огонь людям.

«Неведомый шедевр» можно назвать психологическим этюдом. Небольшой объем произведения при умелом выборе содержания может способствовать концентрации выразительности.

Судьба этого рассказа беспримерна. О нем написаны, кроме бесчисленных статей, еще и специальные книги на французском и английском языках. Творения большого писателя так же, как и художника – это всегда особый мир, неповторимо своеобразный, со своими законами, излюбленными темами и характерными конфликтами, обликом героев, колоритом. Необозримо широкая и сложная действительность преломляется в восприятии художника и воссоздается им правдиво и вместе с тем в ему одному присущих формах и красках.

М. М. Гришаева

**Полевой анализ в исследовании типологии значений
фразеологических единиц русского языка
(на материале устойчивых оборотов микрополя
«Качественные признаки человека»)**

Русская фразеография представлена толковыми и аспектными словарями; последние, как правило, иллюстрируют парадигматические (синонимические и антонимические) связи устойчивых единиц. Так, например, наибольшей востребованностью у лингвистов и студентов пользуются фразеологические словари А. Н. Тихонова, А. И. Молоткова, В. П. Жукова. Вместе с тем идеографический словарь фразеологизмов в отечественном языкознании до сего времени не создан, что в значительной степени затрудняет процесс изучения фразеологического материала в школе и вузе (прежде всего, студентами-иностранцами). Необходимость создания данного словаря обусловлена его спецификой: идеографический словарь – это классификатор значений устойчивых оборотов, представляющий семантический уровень функционирования данных языковых единиц как иерархически организованной системы. Проводимый в настоящей работе полевой анализ фразем со значением «Качественные признаки человека» доказывает возможность создания подобного словаря и, следовательно, является актуальным и значимым для современной русской фразеографии.

Микрополе «Качественные признаки человека, как показывает полевой анализ, формируется следующими фразеосемантическими объединениями (ФСО).

ФСО № 1 «Качественные признаки, отражающие отношения человека к другим людям»: **большое сердце у кого-либо, глаза завидующие у кого-либо, гог и магог (гога и магога) (книжн.), добрая душа у кого-либо, душа нараспашку, змея подколодная (груб., прост.)** и др.

ФСО № 2 «Качественные признаки человека, отражающие его отношения к себе»: **голь кабацкая (перекатная), палец (пальца) в рот не клади кому-либо, божья коровка, тише воды ниже травы и др.**

ФСО № 3 «Качественные признаки человека, отражающие его отношение к материальным ценностям»: **дрожит над каждой копейкой, копеечная душа, широкая натура, зимой снега не выпросишь у кого-либо** и др.

ФСО № 4 «Признаки человека, отражающие его волевые качества»: **бедовая голова (головушка) (прост.), бледная немочь, вольная птица (пташка), мокрая курица, о двух головах** и др.

ФСО № 5 «Качественные признаки человека, отражающие особенности его интеллекта»: **голова (котелок) варит у кого-либо, без головы, голова на плечах у кого-либо, бездна премудрости (шутл.), без царя в голове кто-либо, богом убитый (прост.), ума палата в ком-либо** и др.

ФСО № 6 «Качественные признаки человека, отражающие его отношение к труду, к делу»: **золотые руки, мешок с соломой, пальцем не шевельнёт (не двинет), собаку съел кто-либо, на чём-либо, чернильная (бумажная) душа, мастер на все руки** и др.

ФСО № 7 «Качественные признаки человека, отражающие его отношение к нравственным ценностям»: **как стеклышко кто-либо, креста нет на ком-либо (устар.), нет стыда в глазах у кого-либо, рыцарь без страха и упрёка, прометеев огонь (книжн.)** и др.

Схематически микрополе «Качественные признаки человека» можно представить в виде блок-схемы, дифференцирующей данное общее понятие следующим образом.

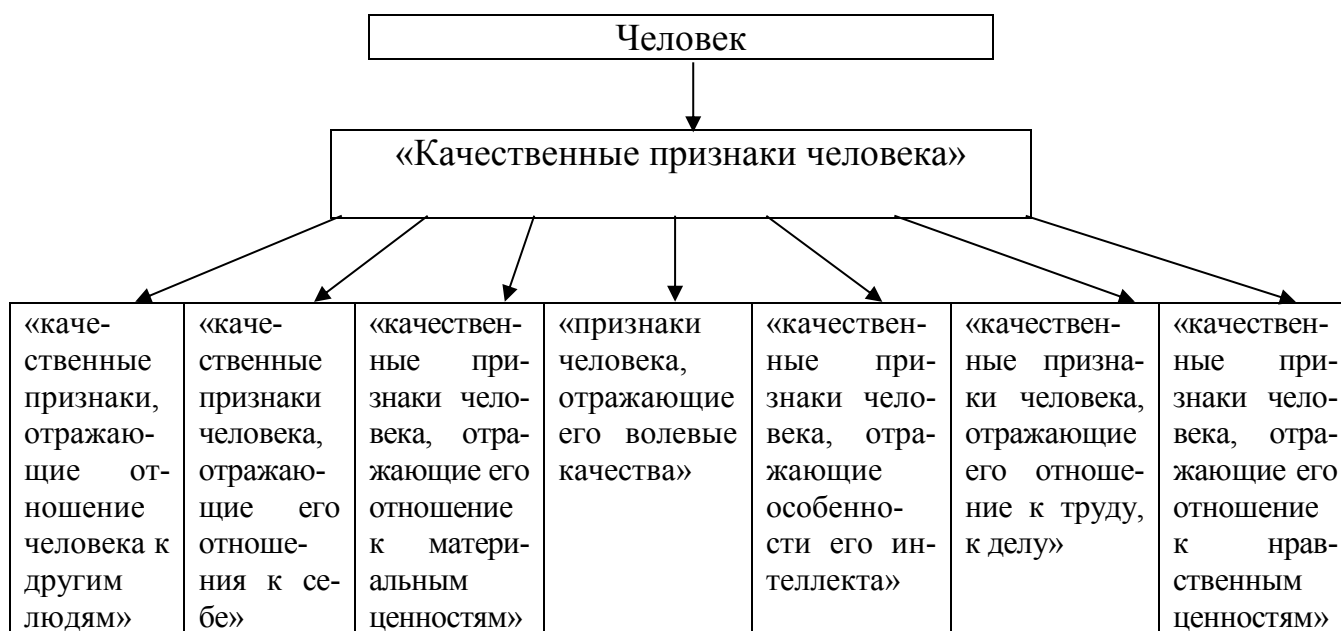

Схема 1

Анализ парадигматических связей рассматриваемой группы фразеологических единиц позволил выявить класс номинативных устойчивых сочетаний, вступающих в антонимические и синонимические связи. В частности, обнаружено, что в антонимические отношения вступают как моносемантические, так и полисемантические фраземы. Многозначные устойчивые сочетания обычно вступают в отношения противопоставления в каком-либо одном из своих фразеосемантических вариантов. Например, потерять себя – 1) утратить свои индивидуальные черты, особенности характера, подчинившись какому-либо влиянию; 2) утратить самообладание, перестать владеть собой; 3) (устар.) лишиться невинности; образует во втором значении антонимическую пару с фразеологической единицей **владеть собой** – проявлять самообладание, сохранять хладнокровие, уметь сдерживать свои порывы.

Саврас без узды (устар.) – необузданный, бесшабашный молодой человек, которого ничто не стесняет, не сдерживает; образует антонимическую пару в сопоставлении с устойчивым сочетанием **тише воды, ниже травы** в первом его значении: робкий, скромный, незаметный человек.

Полисемантические фразеологизмы во всех своих значениях вступают в антонимические связи крайне редко. Подобные отношения семантического противопоставления для русской фразеологии нехарактерны.

Фразеологические обороты со значением «Качественные признаки человека» образуют также синонимические связи. Абсолютные синонимы в рассматриваемых фразеосемантических объединениях встречаются редко, наибольшее распространение получает идеографическая (смысловая) синонимия. Например, **живой призрак** – об очень тощем, крайне худом человеке, тело которого представляет собой обтянутый кожей скелет; синоним: **как доска** – очень худой, тощий (о человеке); **квадратная фигура у кого-либо** – фигура, имеющая форму квадрата (о тучном, широком в плечах и бедрах человеке); синоним: **косая сажень в плечах** – очень широкоплечий, могучего сложения (о человеке); **мальчик с пальчик** – очень маленький, крохотный (о росте человека); синоним: **не вышел ростом (лицом) кто-либо** – о человеке невысокого роста; **входить / войти в тело** (прост.) – полнеть, становиться полным (многозн.) – **лопаться / лопнуть от (с) жиру** (прост., презр.), то есть 1) быть чрезмерно тучным; 2) сильно жиреть, полнеть, обычно при безделье, праздном образе жизни.

Таким образом, полевой анализ фразем с общим значением «Качественные признаки человека» позволяет структурировать рассматриваемое микрополе, вычленив в нем дифференты данного значения – фразеосемантические объединения; в составе ФСО представить совокупности фразеологических единиц, вступающих в синонимические и антонимические отношения. Полевой анализ фразеологического состава русского языка обеспечивает возможность создания идеографического словаря, потребность в котором доказана практикой преподавания русской фразеологии в вузе и школе.

Библиографический список

1. Авалиани, Ю. Ю. К теории семантического поля во фразеологии (тематико-семантические группы фразеологических единиц) / Ю. Ю. Авалиани // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1967. – Вып. XIV.
2. Алехина, А. И. Фразеологическая единица и слово: к исследованию фразеологической системы / А. И. Алехина. – Минск, 1979.
3. Арсентьев, Д. З. Типы системных отношений внутри тематических групп. Системные связи и отношения фразеологизмов / Д. З. Арсентьев. – Свердловск, 1989.
4. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках и вопросы создания русского-английского фразеологического словаря / Е. Ф. Арсентьева. – М., 1993.
5. Бабкин, А. М. Русская фразеология, её развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л., 1970.
6. Богданова, А. Ф. Сочетаемость фразеологизма со словами в речи и разграничение его лексических значений (на материале глагольных фразеологизмов русского языка) / А. Ф. Богданова. – М., 1981.
7. Жуков, В. П. О парадигматических и синтагматических свойствах компонентов фразеологизма / В. П. Жуков // Актуальные проблемы русской фразеологии : сб. научных трудов. – Л., 1983.
8. Кунин, А. В. О фразеологической сочетаемости / А. В. Кунин // Проблемы сочетаемости слов : сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1979.

Ж. Д. Досхожина

Языковые особенности создания сюжетной линии романа Э. М. Ремарка «Триумфальная арка»

Романы Э. М. Ремарка не оставляют читателей равнодушными. Его произведения затрагивают человеческие души. В нашей работе мы исследовали языковые создания сюжетной линии Э. М. Ремарка «Триумфальная арка», а также рассмотрели основные определения понятия «сюжет» в трудах В. Е. Хализева, Г. Н. Пospelов, В. В. Кожин и др. Данный термин впервые введен в XVII в. классицистами П. Корнелем и Н. Буало. В теории сюжета исследователи выделяют ряд основных функций. Рассмотрев все теории, мы остановились на классификации В. Е. Хализева. Кроме того, проанализировав труды таких авторов как Аристотель, Г. Н. Пospelов, по вопросу типологии сюжета, мы пришли к выводу о необходимости создания обобщенной классификации типов сюжета и выявили характерные черты сюжета, которыми является перипетия, случайность и противоборство.

Учитывая то, что сюжеты организуются по-разному, традиционно выделяют 3 основные типа сюжетов: концентрические, хроникальные и многоли-

нейные. Помимо основных встречаются устойчиво-конфликтные сюжеты и сюжеты внутреннего действия. Что касается особенностей структуры сюжета, мы придерживались мнения В. П. Мещерякова, так как его подход является традиционным. Основными элементами сюжета является экспозиция, развитие действия, кульминация и развязка, но также существуют вспомогательные элементы, такие, как пролог, предыстория и внесюжетные элементы авторское отступление, вставная новелла.

Во время работы мы рассмотрели определение «композиция» и выявили её типы, такие, как классическая, свободная, линейной хронологии, абсурдного построения, композиция «нити с бусами», «потока сознания». Помимо типов существуют и приемы композиции: умолчание, узнавание, хронологическая перестановка событий и монтажная композиция, которые мы будем использовать при рассмотрении и анализа общего сюжета.

Для раскрытия особенностей реализации сюжетной линии в нашей работе мы будем использовать классификацию средств образности А. Б. Есина. А что касается лексико-стилистических средств, будем придерживаться классификацией В. А. Кухаренко, так как она представляется нам наиболее удобной и вполне компактной для данной работы.

При рассмотрении структуры сюжета «Триумфальной арки» нами было исследовано, что в данном романе существует 4 сюжетных линий. Мы пришли к выводу, что общий сюжет романа складывается из нескольких линий, которые имеют схожую структуру и в итоге – общую развязку.

Изучив типологию структуры сюжета, мы определили, что тип сюжета является многолинейным с хроникальными событиями; проанализировав отдельно все 4 сюжетные линии (Равик – Жоан, Равик – Борис Морозов, Равик – Хааке, Равик – Вебер), мы рассмотрели, как лексико-стилистические средства и средства создания образности реализуется в сюжетных линиях. Стоит отметить, что наиболее частотными средствами образности являются мир вещей (70%), психологизм (90%) и портрет (50%), а в меньшей степени используется художественное время (20%). Что касается лексико-стилистических средств, то наиболее используемыми выступают эпитеты (90%), метафоры (80%), сравнения (80%), олицетворения (50%), а в меньшей степени – оксюморон (10%), ирония (10%), эллипсис (20%).

Библиографический список

1. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие / А. Б. Есин. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2000. – 248 с. – ISBN 5-8934-9049-5 (Флинта) ; ISBN 5-0201-1311-5 (Наука).
2. Кухаренко, В. А. Практикум по стилистике английского языка : учеб. пособие / В. А. Кухаренко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 184 с.
3. Основы литературоведения : учебное пособие для филологических факультетов пед. ун-тов / В. П. Мещеряков и др. ; под общ. ред. В. П. Мещерякова. – М. : Московский Лицей, 2000. – 372 с. – ISBN 5-7611-0230-7.

4. Поспелов, Г. Н. Сюжет и ситуация / Г. Н. Поспелов // Вопросы методологии и поэтики. – М., 1983.

5. Ремарк, Э. М. Триумфальная арка [Электронный ресурс] / Э. М. Ремарк. – Режим доступа : <http://knigi.ws/roman/15107-triumfalnaya-arka-remark-erih.html>. – 25.03.2013.

6. Ремарк, Э. М. Триумфальная арка / Э. М. Ремарк ; пер. с нем. Б. Кремнева и И. Шрайбера. – М. : ЭКСМО, 2002. – 288 с.

7. Хализев, В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование) / В. Е. Хализев. – М., 1986. – Гл. 3.

Е. Р. Иванова

Традиции «тривиального бидермейера» в романе И. Ган-Ган «Клелия Конти»

Особенностью литературы «тривиального бидермейера» являлась ее ориентированность на непритязательные вкусы бюргерства. В традициях «тривиального бидермейера» творили и писатели-романисты, наиболее известными из которых были И. фон Ган-Ган (1805-1880), К. Х. Э. фон Бенцель-Штернау (1787-1849), П. А. фон Унгерн-Штернберг (1806-1868) и др. Это были, как правило, довольно объемные, состоящие из нескольких томов произведения самой различной тематики: от исторической до семейно-бытовой. Романы изобиловали сентиментальными, мелодраматическими сценами, где действовали стереотипные персонажи. По строению интриги, количеству действующих лиц, временному охвату действия они схожи с современными телевизионными сериалами. Как и сегодняшние, так называемые «мыльные оперы», романы были адресованы домохозяйкам, адаптированы для семейного чтения, для того, чтобы скоротать время. Их авторы – люди, для которых сочинительство стало своеобразным развлечением, средством самоутверждения, а не духовной потребностью. Часто сюжеты романов заимствовались из уже известных произведений французских или английских писателей. Так, И. Ган-Ган современники называли «немецкой Жорж Санд», настолько идейно-тематическая направленность её романов была схожа с произведениями французской романистки.

Типичным примером творчества И. Ган-Ган является роман «Клелия Конти» («Clelia Conti», 1845). Уже имя героини, обозначенное в названии произведения, подчеркивает его подражательный характер. Клелия Конти – один из главных персонажей романа Ф. Стендаля «Пармский монастырь» (1839). Героиня романа родилась в Италии, в Вероне. Ее отец – австриец, мать – немка. Собственно, этим и ограничивается сходство с произведением Ф. Стендаля. В сюжете романа очевидны параллели к творениям других авторов. Так, любовь Клелии к церковному песнопению живо напоминает читателю героиню романа Ж. Санд «Консуэло» (1842-1843). Понимание и участие девушка находит лишь у старого учителя пения и музыки, явно списанного с Порпоры – наставника Консуэло у Ж. Санд. В Клелию влюбляется брат дяди – Аханц Таннау. Несмотря на разницу в возрасте, она соглашается на брак с человеком, ко-

того не любит, ради свободы. Однако вскоре на бале Клелия знакомится с молодым графом Гундакаром Оспадом, и между ними вспыхивает взаимное чувство. История их любви повторяет многие эпизоды шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта»: юность героев (ей – шестнадцать лет, ему – девятнадцать), препятствия, не позволяющие им открыто заявить о своих чувствах, враждебность семейств Таннау и Оспадов, романтические свидания под окном Клелии и т. д. Трагична и развязка этой сюжетной линии. Очевидно в произведении И. Ган-Ган и соотношение с романом Ж. Санд «Индиана» (1832), в котором героиня, выйдя замуж, «только переменяла хозяина ...и сменила одну тюрьму на другую». Однако, если у французской романистки любовь Индианы осмыслена как протест против общественных устоев, то И. Ган-Ган ограничивает конфликт рамками частной жизни, что особенно характерно для литературы бидермейера.

В заключительных главах произведения также появляются реминисценции романов Ж. Санд. Трагический финал романа никак не мотивирован, не подготовлен психологически и не обусловлен развитием сюжета. Не обладая достаточным писательским талантом, романистка буквально «разрубает» запутанный узел повествования, очевидно не зная, к какому исходу привести события романа. Возможно, это объясняется и стремлением к драматическим эффектам, которые должны были привлечь внимание публики.

Объем за счет множества лишних подробностей, нагромождение событий в развитии действия романа, однолинейная композиция, подражательность отличают и другие романы И. Ган-Ган («Сесиль», «Сигизмунд Форстер» и др.). Возможно, что для массового читателя в Германии 30-40-х гг. XIX в., когда жесткая цензура не допускала к печати произведения, в которых провозглашались бы прогрессивные взгляды на общественную жизнь, рассуждения писательницы об эмансипации казались новыми, необычными и даже эпатажными. На наш взгляд, романы И. Ган-Ган преследовали одну цель – отвлечь читателя от будничного мира. Если романтики противопоставляли реальности мир экзотики и фантастики, то И. Ган-Ган – мир страстей и эмоций, которые таит в себе частная жизнь. Воспринятые на обывательском уровне, лишённые философского смысла идеи Ж. Санд придали романам И. Ган-Ган пикантность, сделали их достоянием литературы «тривиального бидермейера».

Ю. Ф. Карабулатова

Сложности перевода новеллы Г. Грасса «Katz und Maus»

Художественный перевод имеет множество особенностей. Рассмотрим подробнее проблемы переводов новеллы «Katz und Maus» Г. Грасса, выполненные Наталией Манн и Борисом Хлебниковым.

1. Полное отсутствие дословности в переводе. Художественный перевод не предполагает дословность, а тем более пословность при работе с текстом. Именно поэтому перевод художественных текстов вызывает множество разногласий в среде учёных. Например: «...der eiserne Wirrwarr Schichauwerft» –

«...железный хаос верфей» (Н. Манн). Здесь мы видим, что Н. Манн опустила название верфи и дала неполный перевод: «...eine schmale Handbreite Stoff...» – «...лишь совсем узенький кусок ...» (Н. Манн). В данном примере мы снова видим недосказанность. Она опустила слово «Handbreite» (шириной в ладонь), которое передает более точное представление о размере куска ткани. «Oft fingen die Möwen unsere kalkige Spucke im Flug und merkten wohl nichts.» – «Зачастую чайки подхватывали наши плевки на лету, не чуя подвоха.» (Б. Хлебников). Переводчик опустил прилагательное «kalkige» (известковый), не дав уточнения, и использовал деепричастный оборот.

Некоторые учёные придерживаются мнения, что самые лучшие переводы получаются не тогда, когда переводчик следует синтаксическим и лексическим соответствиям, а когда специалист занимается своеобразным творческим изысканием. Практически получается воссоздание текста на другом языке. Некоторые же склоняются к мнению, что невозможно сохранить структуру текста, отходя в переводе от оригинала настолько сильно, как это делают переводчики художественных произведений. Например: «*Er tauchte mehrmals kurz nach einander mit seinem Schraubenzieher und brachte hoch, was sich nach zwei- oder dreimaligem Tauchen abschrauben ließ: Deckel, Verschalungsteile, ein Stück von der Lichtmaschine, fand unten ein Seil, seilte mit dem brüchigen Drussel einen waschechten Minimax aus dem Vorschiffhoch; und das Ding – deutsches Fabrikat übrigens – war noch brauchbar; Mahlke bewies uns, löschte mit Schaum, zeigte uns, wie man mit Schaum löscht, löschte mit Schaum die glas grüne See – und stand vom ersten Tag an ganz groß da.*» – «Он нырнул со своей отверткой несколько раз подряд и вытащил на поверхность все, что можно было отвинтить или отковырнуть за двух- или трехкратное ныряние: какую-то крышку, куски обшивки, деталь генератора; еще он нашел трос и, прицепив к нему крюк, выудил из носового отсека судна огнетушитель «Минимакс». Эта штука – кстати, немецкого производства – и сейчас годилась к употреблению. Мальке выпускал пену, демонстрировал, как тушат пеной, пеной тушил стеклянно-зеленое море – и с первого же дня гигантски возвысился над нами.» (Н. Манн). Переводчица разделила длинное предложение на несколько небольших, так как для русского языка это не типично и читателю проще так воспринимать информацию.

2. Перевод устойчивых выражений (афоризмов, идиом и т. д). Этот момент сложен, требует большого словарного запаса и наличия специализированного словаря. Основной проблемой перевода устойчивых выражений является отсутствие в большинстве случаев эквивалентов, поэтому переводчик вынужден искать необходимые сравнения и фразы. Например: «*Von dort aus, von jener Minuten, liefen wir durch unbelebte Vorortstraßen und hatten für Klohse kein Wörtchen mehr frei.*» – «С того места, с той минуты мы бежали по спящим улицам пригорода и ни словечка не проронили о Клозе.» (Н. Манн); «С этой минуты мы пошли слоняться по безлюдным улицам пригорода и уже ни единым словечком не обмолвились о Клозе.» (Б. Хлебников). В этом случае немецкий фразеологизм был передан русским с похожим значением, но полного соответствия нет.

Если переводчик не может найти нужную фразу, он прибегает к описательному переводу. Например: «Bin eben ein Sonntagsjunge schon in der Schule, wenn ich an gewisse Versetzungszeugnisse denke...» – «Я в сорочке родился, еще в школе, как вспомню историю с переходными отметками...» (Н. Манн); «Я везунчик, мне еще в школе с годовыми оценками везло...» (Б. Хлебников). Оба переводчика дали свою интерпретацию слову «Sonntagsjunge» (воскресный мальчик) – это счастливый ребенок, рожденный в воскресенье, этот факт делает его счастливым по жизни.

3. Игра слов, юмор. Один из самых интересных моментов в художественном переводе – когда текст имеет юмористическую или ироническую подоплеку. Надо обладать особым мастерством, чтобы сохранить игру слов, которую подразумевает автор. Игра слов, основанная на многозначности слова или оживлении его внутренней формы, в редких случаях совпадения объема многозначности обыгрываемого слова в оригинале и переводе сохраняется и смысл, и принцип игры; в остальных случаях игра не передается, но может быть компенсирована обыгрыванием другого по значению слова, которое вводится в тот же текст, но практика показывает, что языковые совпадения при игре слов чрезвычайно редки. Например: «Das brüchige, nachlässig geputzte Koppel schnürte nur eine schmale Handbreite Stoff ab: so kurz waren die Panzerjacken, wurden auch Affenjäckchen genannt.» – «Из-под растрескавшегося и плохо вычищенного ремня выступал лишь совсем узенький кусок кителя, такими короткими были кителя у танкистов, что их называли обезьяньими курточками.» (Н. Манн); «Из-под подстрекавшегося ремня с небрежно надраенной пряжкой куртка высывалась лишь на ладонь: танкистские куртки были такими короткими, что их прозвали «обезьянами»» (Б. Хлебников). Н. Манн передала юмористическое название вещи (кителя), в то время как Б. Хлебников представил самих танкистов, исходя из формы куртки, «обезьянами».

4. Соблюдение стиля, культуры и эпохи. Переводчик художественных текстов должен быть в какой-то мере исследователем. Трудно переводить текст другой эпохи, другой культуры, если вы не знакомы с её особенностями. Например: «Hinter den Doppelzöpfen und Mozartzöpfen der Oberschülerinnen saßen Quartaner mit Taschenmessern...» – «Позади девчонок с длинными косами и коротенькими косичками сидели четвероклассники, вооруженные перочинными ножиками...» (Н. Манн). Изучив схему системы образования, мы перевели реалию «Quartaner» как семиклассник. Н. Манн переводит реалию как четвероклассник, допуская в этом случае ошибку, что свидетельствует о незнании возрастного деления на классы эпохи, в которой было написано произведение.

При переводе художественного текста переводчику необходимо как можно полнее передать содержательную, эмоционально-экспрессивную и эстетическую ценность оригинала и постараться приблизить воздействие текста перевода на читателей к воздействию оригинала на исходную аудиторию. Но на пути переводчика стоит много проблем, которые ему необходимо решить и которые часто не позволяют добиться желаемого результата.

Библиографический список

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Лихачев, Д. Внутренний мир художественного произведения / Д. Лихачев // Вопросы литературы. – М., 1968. – 87 с.
3. Первушина, Е. А. О проблеме художественной переводной литературы / Е. А. Первушина // Культурно-языковые контакты : сб. науч. трудов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – Вып. 7. – 282 с.
4. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер ; доп. и комм. Д. И. Ермоловича. – М. : Р. Валент, 2004. – 240 с.
5. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. языков / А. В. Федоров. – 5-е изд. – М. : ООО «Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ"», 2002. – 416 с.

А. А. Карнова

Принцип двоемирия в романе Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра»

Романтизм – одно из ведущих литературных направлений XIX века. Главными событиями возникновения романтизма были Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. и последующие за ней события, породившие отрицательное отношение к наступившему пошлому и жестокому буржуазному миру.

Творческий метод романтиков характеризуется тяготением к изображению исключительных характеров и обстоятельств; выражению субъективного мира человеческих чувств и фантазии, к идеалам, зачастую смутным и неясным.

Особенности немецкого романтизма:

1. Этот метод сложился именно в Германии, поэтому в некоторых других странах его считали чисто немецким явлением.
2. В Германии оформилась романтическая философия (на базе немецкого идеализма Канта, Фихте, Шеллинга) и эстетика романтизма.
3. Приоритетное место в немецком романтизме занимает поэзия.
4. Немецкий романтизм носил особый характер – философский, универсальный, поэтический.
5. Острое разделение мира действительного и мира фантазии, идеального, их противопоставление. Роль сатиры и фантастики.

Специфической для романтического искусства является проблема двоемирия. Двоемирие – это сопоставление и противопоставление реального и воображаемого миров; организующий, конструирующий принцип романтической художественно-образной модели. Причем реальная действительность, «проза жизни» с её утилитаризмом и бездуховностью, расцениваются как недостойная человека пустая «видимость», противостоящая подлинному ценностному миру.

Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776-1822) – один из ведущих мастеров немецкого романтизма, самый популярный из немецких литераторов в России. В литературе Э. Гофман – один из выдающихся романтиков, прежде всего, новатор в сфере прозы. Он является автором множества новелл и двух знаменитых романов: «Житейские воззрения кота Мурра» и «Эликсиры Сатаны».

Двоемирие у Э. Гофмана реализуется как на уровне раздвоения мира на реальный и идеальный, что происходит вследствие протеста поэтической души против быта, действительности, так и на уровне раздвоения сознания романтического героя, что, в свою очередь, обуславливает появление своеобразного двойника.

Писатель в своем романе «Житейские воззрения кота Мурра» разграничивает романтический и прозаический план; в композиции подчеркивается подчинение мира духовности миру материи и бездуховности. Э. Гофман изображает оба мира с необычайной широтой. Мир и человек, которые показаны в переплетении, мир и человек впервые изображены как реальные, но с помощью фантастики. Также он подчеркивает трагическое несовершенство мира, несоответствие начал, недостижимость идеала.

Д. М. Куракбаева

Семантическое поле запахов в романе П. Зюскинда «Парфюмер»

Семантическое поле «запаха» отчетливо показывается в романе П. Зюскинда «Парфюмер» (“Das Parfum”, 1985). Роман стал одним из самых популярных немецкоязычных романов двадцатого столетия, переведенный на десятки языков и в течение многих лет занимающий первое место среди бестселлеров. Само по себе произведение является уникальным, так как автор использует огромную палитру невероятных запахов всего, что нас окружает.

История становления теории поля прошла огромный трудоемкий путь. В отечественной и зарубежной научной литературе существует множество теорий, представленные в исследованиях таких ученых, как А. А. Потебня, М. М. Покровский, Р. Мейер, Г. Ипсен и т. д. Основоположником теории считают историка языка Й. Трира, который разделил понятия лексического и понятийного полей и ввел в лексический обиход эти термины. Поле – это совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания.

Лингвисты выделяют разные типы полей, которые имеют свои особенности: парадигматические, синтагматические, ассоциативные (семантические), комплексные или комбинированные поля. Современное языкознание руководствуется положением о том, что основным содержательным элементом языковой модели мира является семантическое поле. Его как систему характеризуют следующие признаки: связь, целостность, самоорганизация, психологическая реальность, динамичность, открытость, гибкость.

Семантическое поле представляет собой сложную иерархическую структуру, в которой выделяется ядро – своеобразная «яркая» часть, главная лексема, которая представлена в виде более сложных по значению доминант (наиболее

употребительные, функционально нагруженные слова), возглавляющих классы поля, и периферия, где находятся маргинальные единицы с контекстуально обусловленными значениями.

Элементы поля (единицы) – лексико-семантический вариант слова или реже все однозначное слово. Они несовместимы, то есть не пересекаются. Из их комбинаций складываются подклассы и все поле, состоящее уже из языковых единиц разных частей речи. В этом и заключается построение семантических полей.

В романе П. Зюскинда «Парфюмер» выделяют такие особенности формирования поля запахов, как связь, целостность, наличие ядра, центра, по отношению к которым другие компоненты представляют периферию (самоорганизация, психологическая реальность, классифицирующий признак, системность, динамичность, открытость, гибкость). Все эти признаки показали нам, что семантическое поле запахов, действительно, существует. И роман «Парфюмер» является тому подтверждением.

Поле запаха – это огромная система, структура, образованная множеством значений, которые имеют общий семантический компонент. Данная система в романе «Парфюмер», как и любое системно-структурное объединение, состоит из различных групп, которые тесно связаны друг с другом.

Самым важным признаком, характерным для поля, является наличие в нем ядра, то есть центра, единиц ядра, образующих его периферию. Таковыми являются лексемы: *der Geruch* – «запах», *der Duft* – «аромат», *riechen* – I «нюхать, обонять, чують»; II «пахнуть, издавать запах»; *stinken* – «вонять, дурно пахнуть, издавать зловоние».

Переход от ядра поля к периферии осуществляется постепенно; границы перехода часто бывают размыты. Периферия данного семантического поля имеет зонную организацию. В ней выделяют дальнюю и ближнюю зоны. Конституенты, наиболее однозначные, частотные и специализированные для выполнения функций поля, составляют ближнюю периферию. В поле запаха такими элементами выступают существительные: *der Brodem*, *der Dunst*, *das Parfum*, *die Ausduensting*, *die Verdichtung*, *der Gestank*, *der Qualm*, *der Odem*; прилагательные, которые обозначают качество запаха; глаголы «восприятия запаха», «распространения запаха». К дальней периферии можно отнести существительные, обозначающие количество запаха; слова, имеющие отношение к «запахопроизводству» и слова, обозначающие предметы, которые «связаны» с запахом.

К. Д. Лапузина

Русская фразеология о некоторых методах врачевания

Язык позволяет обнаружить связь с древнейшими пластами культуры того или иного народа, с его житейским опытом, рефлексией эстетического и научного познания мира. Фиксируясь в памяти народа в образных устойчивых

выражениях, представления предшествующих эпох о мире, о нравственности, об отношении людей к труду, остаются актуальными и сегодня.

С древних времён на Руси популярным методом лечения были водные процедуры и парение в банях. Парная баня (мыльня, мовня, мовь) была известна у славян в V-VI вв. Баней пользовались и князья, и знатные люди, и простой народ. Помимо чисто функционального назначения, она способствует прогреванию, а это приводит к благотворному влиянию на функциональное состояние всех органов и систем организма: усилению обмена веществ, развитию защитных и компенсаторных механизмов, способствует ясности ума, обеспечивает красоту, силу, свежесть и бодрость, то есть здоровье. Народ сохраняет эти наблюдения в отдельных изречениях, кратких заговорах, пословицах, поговорках, клятвах, загадках. Подтверждение этому находим в русских поговорках, сохранивших мысль о лучшем методе исцеления от многих недугов: *в бане парок и ладит, и гладит; душистый пар не только тело, но и душу лечит; в бане мыться – заново родиться; баня все грехи смоем; баня парит, баня правит, баня – мать вторая: кости распарит, всё дело поправит; который день парисься, тот день не старисься; коли бы не баня, все бы мы пропали; баня любую болезнь из тела гонит; хорошая баня лучше сытного обеда.*

В русской бане для изгнания недуга используют веники. История появления веников связано с культовыми языческими обрядами: поклонением солнцу, воздуху, воде и растениям. Издревле славянские народы селились около водоемов, рядом с лесами, борами. Деревья славяне использовали и для строительства своего жилья, и в пищу, и, конечно, для изготовления веников в баню: *веник в бане всем начальник; без веника баня не парит, а пар не жарит; веник в бане господин.*

Болезнь изгоняли, выбивая веником из прутьев определённых растений; он мог быть дубовым, березовым, хвойным, черемуховым, кленовым. Но самым русским баннным веником являлся липовый. В древности из липы строили само банное помещение, полки, скамейки, делали ушаты, изготавливали из нее мочалки, вязали. В русской бане «по-черному» стояли чаны с липовым квасом и ковши с липовым медом, а после бани пили липовый чай и медовуху. Запах липового веника в бане ассоциируется с запахом пасеки, где благоухает свежий мед и прополис.

В русской культуре процесс передачи из поколения в поколение значительных ресурсов фразеологии являет собой процесс сохранения ценностей, традиций, опыта познания мира русским народом.

А. В. Лебедева

Характерные черты и особенности немецких неологизмов в средствах массовой информации

Понятие «неологизма» в современной немецкой лингвистике не до конца изучено, нет и единой классификации, так как не достаточно четко определены параметры этого явления. В современных средствах массовой информации ши-

роко используются новые слова для обозначения новых явлений и предметов или для придания тексту большой выразительности и экспрессивности.

В настоящее время мы часто говорим об изменениях, затронувших словарный состав немецкого языка. Процесс обновления лексики происходит в языке постоянно. В немецком языке этот процесс после Второй мировой войны был особенно интенсивен, происходили многократные изменения и в различных сферах жизни немецкого народа. Все это в сочетании с материальными и техническими новшествами сказалось на количественном росте современного вокабуляра. Все новые факты, изменения, изобретения в мире вещей и идей требуют определенных новых названий и наименований, которые впоследствии, проходя стадию окказионализма, становятся неологизмами, а в дальнейшем – полноценной лексической единицей словарного состава языка.

Тенденция к интеграции в современном мире приводит к тому, что в культурах разных стран появляется все больше общих черт и постепенно стираются различия. Данная особенность свойственна и для языка, который чутко воспринимает все изменения в жизни общества и соответственно этому обогащается лексическими заимствованиями. Современные лингвисты все чаще употребляют термин «Denglisch», который используется в значении смешения английских и немецких слов. Denglisch (DEUTSCH + ENGLISCH) – «новый» немецкий язык – стал, к сожалению, обыденной и привычной реальностью в Германии. Примером этого «нового» языка могут служить следующий фрагмент: «Viele gelehrte people bemühen sich today again zu dieser einfacheren Sprachform back zu kommen».

Приблизительно 80% всех заимствований составляют существительные, которые претерпевают значительные изменения. Гибридные образования – это по большей части сложные слова, одна часть которых заимствована из английского языка, а другая, – немецкое слово: Reiseboom – große Reisenachfrage, Powerfrau – Geschäftsfrau и др. В зависимости от позиции англонеологизма в гибридном образовании выделяется два подвида:

– англонеологизм в качестве основного компонента (das Genfood «генетически измененные продукты питания», das Fingertiphandy «сенсорный мобильный телефон», das Direktbanking «осуществление банковских операций с помощью компьютера или по телефону», der Datenhighway «глобальная компьютерная система», das Mauspad «информ. коврик для мыши»). Англо-немецкие гибридные образования современного немецкого языка являются в данный момент самым актуальным средством номинации в языке: Abnahmetest – Abnahmeprüfung, Assamblersprache – Programmiersprache;

– англонеологизм в качестве определительного компонента (die Call-in-Sendung – «теле- или радиопрограмма, во время которой телезрители могут позвонить в прямой эфир», das Multiplexkino – «большой кинокомплекс»).

Немецкие глаголы могут преобразовываться согласно правилам немецкой грамматики, присоединяя инфинитивное окончание -en, -n. Это дает возможность спрягать глагол и образовывать от него причастия: to trade – traden, to swar – swarpen, to manage – managen. Языкознание обосновывает внедрение иностранных слов в немецкий язык тем, что для некоторых поступающих из за-

границы предметов, вещей, понятий в немецком языке нет специальных названий, их можно обозначить только с помощью описания, используя при этом словосочетания или даже целые предложения. Например, Public Relations обозначает по-немецки: Öffentlichkeitsarbeit, Öffentliche Beziehungen, Kontaktpflege und Meinungspflege. Понятие «Manager» можно объяснить по-немецки только следующим образом: mit weitgehender Verfügungsgewalt und Entscheidungsbefugnis ausgestattete leitende Persönlichkeit eines Grossunternehmens. Здесь, конечно, лучше употребить англо-американские термины, так как немецкие эквиваленты описывают эти понятия слишком сложно и многословно. Многие английские слова короче и удобнее в произношении, чем немецкие: Management – Unternehmensleitungen. Так, существуют английские синонимы наряду с уже имеющимися терминами: leasing – Vermietung; consulting – der Berater; investor – der Investitionsträger; slang – die Umgangssprache; user – Nutzer.

В настоящее время проблема неологизмов немецкого языка остается открытой для исследований. Словарный состав постоянно развивается в результате образования новых слов из уже имеющихся лексем или на основе заимствований.

Е. А. Максимова

Образ «сада» в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр»

Сад – это зеркало, которое отражает самые прекрасные черты души отдельной нации, отражает ее культуру, быт, мироощущение. Британцы отличаются любовью к саду.

Многие сады – исторические памятники, поэтому английские сады известны на весь мир. Королевские ботанические сады Кью входят в число самых известных достопримечательностей Великобритании.

Рубеж XVII и XVIII веков ознаменовался в Англии подъемом личного самосознания. Дворяне эпохи королевы Анны были полководцами, членами кабинета министров, богатыми помещиками, но при этом оставались независимыми, любящими свободу высказывания людьми.

Английская теория связывала естественность сада с его полезностью. Дворяне даже самого высокого положения оставались помещиками, владельцами приносящей доход земли.

Англия становится законодательницей мод по всей Европе со второй половины XVIII века. Именно здесь впервые в живописи появляется пейзаж как отдельно взятый жанр искусства. Очень часто пейзажные сады воспроизводили не природу, а картину художников.

Период XVIII и начала XIX века называют «эпохой Англии». В этот период англичане распространяют своё влияние на Северную Америку, Австралию, Восток. В это же время укореняется английский пейзажный сад на индийской почве. Газон, бордюр из цветущих однолетних растений, свободная посадка деревьев, кустарников и вьющихся растений в парках и садах,

серпантин проложенных дорожек – всё это явилось вкладом англичан в ландшафтную архитектуру Индии.

Промышленная революция начала XIX века глубоко повлияла на социальную структуру Англии. Сила, которой обладали землевладельцы-аристократы, перешла в руки купцов, банкиров и промышленников, то есть в руки нового, капиталистического класса. Большинство лендлордов не могли позволить себе иметь огромные ландшафтные сады и частные парки, и это повлияло на искусство планировки садов. Наиболее частым стал небольшой современный сад.

В поэзии и литературе Англии следуют прецеденту и олицетворяют «природу» с богиней, отсюда и особое внимание, которым был удостоен сад в английской культуре. Для описания природы и убранства сада требовались различные изящные слова. Обращаясь к способам, с помощью которых писатели создают описание сада в своих произведениях, издавна используется термин «образ». Образ (с древнегреч. «эйдос») – это облик, вид.

Рассмотрим образ сада в романе Шарлоты Бронте «Джейн Эйр». В романе встречаются следующие описания: «... на закате, я увидела, что он (Сент-Джонс) гуляет один по саду, я вышла и направилась к нему в ту минуту, когда он стоял, опершись о калитку ...» [4; 639]. По обычаям начала XIX века именно вечерние прогулки в одиночестве в саду или с гостями считались наиболее полезными.

Садовое искусство изящно изображается как под «видом пространства», так и под «видом времени». При этом под «видом времени» в саду выступает время истории, личной жизни, смен дня, погоды, годовой круг сезонов. Шарлота Бронте изображает «вид времени» в саду, указывая время года и месяц, описывая происходящие изменения в природе.

Апрель. Весна. Все кругом цветет, благоухает, наполняя воздух ароматами цветов и трав. Пора любви. И о своей любви мистер Рочестер пытается сказать, но не говорит об этом напрямую.

Романтизм принес немного новых символов и значений, но, сохранив старые, иначе расставил акценты. Природа из замкнутой в себе, огороженной изгородями и стенами, стала выражением внутренней жизни человека, что прослеживается в романе «Джейн Эйр» Шарлоты Бронте.

Природа сада очаровательна, свежа, чиста. Цветут яблоки, груши, вишни, своим ароматом наполняют воздух левкои, гвоздики, жимолость и душистые травы, богатая растительность символизирует Эдем. Фруктовые деревья и ягодные кусты еще определяют это место как рай на земле.

В двадцать третьей главе идет длинное и красивое описание природы сада. «*A splendid Midsummer shone over England: skies so pure, suns so radiant as were then seen in long succession, seldom favour, even singly, our wave-gift land. It was as if a band of Italian days had come from the south, like a flock of glorious passenger birds, and lighted to rest them on the cliffs of Albion. The hay was all hot in; the fields round Thornfield were green and shorn; the roads white and baked; the trees were in their dark prime: hedge and wood, full-leaved and deeply tinted, contrasted well with the sunny hue of the cleared meadows between.*

...It was now the *sweetest hour* of the twenty-four: – “Day its *fervid fires* had wasted”, and dew fell cool on panting plain and *scorched summit*. Where the sun had gone down, in simple state – pure of the pomp of clouds – spread *a solemn purple, burning* with the light of red jewel and furnace flame at one point, on one hill-peak, and extending high and wide, soft and still softer, over half heaven. The east had its own charm of *fine, deep blue* and its own *modest gem*, a rising and *solitary star*: soon it would boast the moon; but she was yet beneath the horizon.

...I went apart into the orchard. No nook in the *grounds most sheltered* and more *Eden-like*; it was full of trees, it shut it out from the court, on one side, on the other; a beech avenue screened it from the lawn. At the bottom was *a sunken fence*; its sole separation from *lonely fields*: a winding walk, bordered with laurels and terminating in a *giant horse-chestnut*, circled at the base by a seat, led down to the fence.

Here one could wander unseen. While such *honey-dew fell*, such silence reigned, could haunt such shade for ever: but it threading the flower and fruit-parterres at the upper part of the enclosure, enticed there by the light the now rising moon cast on this more open quarter, my step is stayed – not by sound, but by sight, but once more by a *warning fragrance*.

Sweet-briar and southern wood, jasmine, pink and rose have long been yielding their evening sacrifice of incense: this new scent is neither of shrub nor flower; it is – I know it well – it is Mr. Rochester’s cigar. I took round and I listen. I see trees laden with ripening fruit.

I hear a nightgale warbling in a wood half a mile off; no moving form is visible, no coming step audible; but that perfume increases: I must flee. I make for the wicket leading to the shrubbery, and I see Mr. Rochester entering. I step aside into the ivy recess: he will not stay long: he will soon return whence he came, and if I sit still he will never see me.» [1; 215-216].

«Над Англией стояло *сияющее лето*. Наша омываемая морями страна еще не видела, чтобы столько дней подряд *небо* оставалось таким *ясным* и *солнце* таким *лучезарным*. *Казалось, будто погожие деньки, словно стая чудесных перелетных птиц, перекочевала к нам прямо из Италии* и опустилась отдохнуть на скалах Альбиона. Сено все было убрано. После покоса *поля* вокруг Торнфильда казались *выстриженными*. *Дороги* были *горячи*, деревья стояли в пышном летнем уборе, *густолиственные леса* и рощи *красивой темной каймой* окружали *залитые солнцем луга*.

Настал самый *сладоэротический час* суток: “*Угасло дня сверкающее пламя*”, и роса свежими каплями пала на *жаждущие поля* и *опаленные холмы*. Закат был безоблачным, и теперь на западе разливался *торжественный багрянец*. Он *горел пурпуром* в одной точке, на вершине горы, а затем расстился по небу, охватывая всю западную его половину и становясь все мягче и мягче. На востоке было свое очарование. Небо там было *темно-синее*, с единственным *скромным украшением* – восходила *одинокая звезда*; скоро должна была появиться и луна, но она еще пряталась за горизонтом.

... Я отправилась во фруктовый сад. Это было *самое уединенное и восхитительное место* во всем парке. Там росло множество деревьев и цветов;

с одной стороны сад был защищен высокой стеной, а с другой тянулась буковая аллея, отделявшая его от лужайки. *Повалившийся забор* служил единственной преградой между ним и *тихими полями*. К этому забору вела извилистая аллея, обсаженная лаврами, и в конце ее, *под высоким каштаном*, стояла скамья. Здесь можно было бродить в полном уединении. И так сладко пахло *медвяной росой*, и такое царило безмолвие в этих все густевших сумерках, что мне казалось, я не в силах буду уйти отсюда. Но когда я бродила среди цветов и плодовых деревьев в верхней части сада, озаренного светом восходящей луны, что-то вдруг заставило меня остановиться. Это было не звук, не чье-то появление, но снова тот же *предостерегающий аромат*.

Вокруг меня, *как ладан, благоухали шиповник и жасмин*, но встревоживший меня аромат исходил не от листьев и не от цветов. Это был – я сразу узнала его – запах сигары мистера Рочестера. Я оглянулась вокруг и прислушалась. Я видела ветви деревьев, обремененные наливающимися плодами, слышала соловья, заливавшегося в роще за полмили отсюда. Но никого не было видно, никто не шел по дорожке, Однако аромат все усиливался. Зная, что надо бежать, я бросилась к калитке, которая вела на участок с молодыми насаждениями, – и увидела входящего мистера Рочестера. Я нырнула в хвойную заросль. Он, наверно, пришел ненадолго, и если не шуметь, он не заметит меня.» [4; 380-382].

Для романтических садов характерна неожиданность: внезапно открывающийся с прогулочной дороги вид, поворот, конец дорожки, неожиданный памятник, не видный издали и замечаемый только вблизи, неожиданная скамеечка для отдыха – скрытая или напротив, поставленная на открытом месте с далеким видом, находит отражение в романе.

Это красивое описание уносит читателя в «туманный Альбион», где солнце редко показывается надолго, а ясные деньки – редкость. Капризна и переменчива погода в Торнфильде, как и во всей Англии.

Торнфильд – живописное место, где все красиво зацветает и благоухает летом. И это место по душе и Джейн, и мистеру Рочестеру.

Красочность описанию придают стилистические приемы, используемые Ш. Бронте. Описание насыщено метафорическими эпитетами:

поля казались выстриженными (*the fields were shorn*),
дороги были белы и горячи (*the roads were white and baked*),
самый сладостный час суток (*the sweetest hour of the twenty-four*),
жаждущие поля (*panting plain*),
опаленные холмы (*scorched summit*),
торжественный пурпур (*a solemn purple*),
медвяная роса (*honey-dew*),
предостерегающий аромат (*a warning fragrance*).

Путем сравнения достигается эмоциональное воздействие на читателя.

It was if a band of Italian days had come from the south... [1; 215] – сравнение с Италией, находящейся на юге. Погода стоит такая теплая, что кажется, что ты не в Англии, а в Италии.

No nook in the grounds more Eden-like – сравнение сада с Эдемом (по библейской легенде, земной рай). Эдем говорит о том разнообразии, которое соединяет все богатства всего мира, и соответственно автор подчеркивает красоту сада как характерную особенность садово-паркового искусства романтизма.

Использование прилагательных: *splendid, pure, radiant, green, white, red, deep, blue* дает полное представление о разнообразии цветов и цветовых оттенков растений, солнца, заката. Встречается также один поэтизм: *gloaming* – сумерки.

Неудивительно, что в этом описании так много названий растений и деревьев. Становится ясным, что сад огромен и великолепен и его флора разнообразна: здесь и кустарники, и заросли, цветы, фруктовые деревья. Данное описание гармонирует с настроением главных героев романа.

Употребление превосходной степени прилагательного (*the sweetest*), сравнение *as pleasant to him as to me* говорит о том, что этот вечерний час суток приятен и Джейн, и мистеру Рочестеру.

Встречается и аллюзия *Day its fervid fires had wasted* – «Угасло дня сверкающее пламя». Видимо, эта строчка из стихотворения одного из поэтов-романтиков.

Отрицание *neither of shrub nor flower* говорит о сомнении Джейн, что же это за запах, и в то же время подчеркивает уверенность, что это ни запах кустарника и ни цветка, а сигары мистера Рочестера.

Также встречаются повторы *so-so, such* (3 раза), *by* (3 раза), они детализируют предложения, выделяя тем самым своё особое смысловое ударение.

Во второй части главы описание сада носит романтический характер. Оно связано с предзнаменованием перед свадьбой мистера Рочестера и Джейн. Молния, поражающая каштановое дерево, под которым мистер Рочестер делает Джейн предложение и, таким образом, собирается стать двоеженцем, олицетворяло власть надмирных сил, грозящих клятвопреступнику.

Погода меняется стремительно, хотя с утра была тишь и благодать. Стилистическую окрашенность придают глаголы:

каштан... шумел, стонал (*chestnut tree... writhed and groaned*),

проносился ветер (*wind sweeping down*),

раздались грохот и треск (*there was a crack, a crash*),

хлынул дождь *the rain crashed down*,

ветер выл (*the wind blew*),

яростно вспыхивали молнии (*deep gleamed*).

Но, несмотря на погоду, Джейн переполюбливали самые лучшие чувства, ведь она ждала перемен в своей жизни.

В предложении *there was a crack, a crash and a close rattling peal* передается нарастание действия: треск, грохот, а затем раскаты грома, причем каждое состояние передается отдельно через неопределенный артикль.

Характеризуя каштан прилагательным *great*, Ш. Бронте указывает на то, что он не просто большой, а огромный, и насколько была сильная молния, что смогла расколоть его надвое. Писательница подчеркивает, что таким огромным мог быть только старый каштан.

Культ старых деревьев существует в Англии и в настоящее время. Интерес к ним возник в Англии с самого появления пейзажных садов. В романтических садах приобрело особую значимость и уединенно растущее дерево. Уединение стало обязательным и для гуляющего, и для самого растения. В частности, гуляющая в одиночестве Джейн Эйр так же, как этот каштан, будет сломлена судьбой и возникшими новыми обстоятельствами.

Таким образом, Ш. Бронте в романе «Джейн Эйр» передает неповторимый образ английского сада с его красочным пейзажем, временной соотнесенностью и кинематикой движения персонажей. Употребление стилистических приемов создает не только выразительность пейзажных зарисовок сада, но и служит выражением эмоций и страстей персонажей, создавая правдивое и типическое изображение социальной среды, отношений, человеческих характеров.

Библиографический список

1. Bronte, C. Jane Eyre : роман / C. Bronte. – Новосибирск : Изд-во Сиб. унив., 2010. – 398 с.
2. Аксёнова, М. Парки. Сады / ред. группа М. Аксёнова, Т. Евсеева. – М. : Мир энциклопедий : Аванта +, 2007. – 784 с.
3. Багрова, Л. А. Я познаю мир. Страны и народы: Европа : дет. энци. / авт.-сост. Л. А. Багрова. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 445 с.
4. Бронте, Ш. Джейн Эйр : роман / Ш. Бронте ; пер. с англ. В. Станевич. – М. : Эксмо, 2012. – 704 с.
5. Донскова, И. И. Тайны Лондона. История, легенды, предания / И. И. Донскова. – М. : Вече, 2009. – 416 с.
6. Дэниел, К. Англия. История страны : пер. с англ. / Д. Кристофер. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидград, 2007. – 480 с.
7. Жаркова, А. Путешествие по Европе. Лондон / А. Жаркова. – 2013. – № 2. – 2 с.
8. Жаркова, А. История в женских портретах / А. Жаркова. – 2013. – № 5. – 1 с.
9. Катамидзе, В. И. Прогулки по Лондону или дни, которые остаются в памяти / В. И. Катамидзе. – М. : ИКФ «Каталог», 2001. – 432 с.
10. Лихачев, Д. С. Поэзия садов / Д. С. Лихачев. – М. : «Согласие», 1998. – 418 с.
11. Соколов, Б. М. Искусство : большая детская энциклопедия / Б. М. Соколов. – М. : Российское энциклопедическое товарищество, 2001. – 517 с.
12. Хьюитт, К. Понять английскую литературу (на английском языке) / К. Хьюитт. – Пермь : Книжный формат, 2008. – 275 с.
13. Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.englishglobe.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=62.
14. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://xreferat.ru/47/5206-1-istoki-i-principy-sozdaniya-peiyzazhnyh-parkov.htm>.

15. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.florets.ru/sadovoparkovoe-iskusstvo/lihachev-d-s-o-sadah-/sady-romantizma.html>.

16. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://sadiк.ru/blog/obzorsadovyh-stiley/stilistika-sadov>.

А. К. Муратова

Лингвостилистические особенности англоязычного чата

В настоящее время в период массового распространения современных коммуникационных технологий актуальным становится вопрос о стилевой дифференциации языка. Это связано с тем, что информационная революция существенно повлияла на формирование новой функциональной разновидности – языка электронных средств коммуникации.

Данные языковые изменения предполагают дифференциацию вариантов определенного стиля, а также расширение самой системы функциональных стилей, в этом случае – расширение системы Интернет-стилем. Основой такого терминологического обозначения служит канал речевого взаимодействия общающихся – Интернет.

Среди стилевых черт Интернет-стиля, которыми характеризуются и другие стили (например, разговорный), выделяют: обезличенность, сжатость, эмоциональность, логичность, оперативность, сочетание языковых средств с неязыковыми и др. Интернет-стиль характеризуется и такой своеобразной чертой, как экстерриториальность, или внегосударственность. Это связано с тем, что Интернет имеет всемирное распространение. Универсальность – специфический признак данного стиля, предполагающий функционирование текстов самых разных видов.

Основной разновидностью Интернет-стиля является чат. О специфике сетевого общения свидетельствует словарное определение чата: «текстовый диалог в реальном времени между пользователями Интернета. Каждый участник разговора "высказывается" с помощью клавиатуры, получая ответы в специальном окне экрана»; «беседа на компьютерных сайтах в режиме реального времени».

Прежде чем раскрыться в процессе коммуникативного поведения, участникам виртуального дискурса необходимо привлечь к себе внимание потенциальных партнеров по коммуникации. Средствами, используемыми для достижения данной цели, являются:

- 1) ник, или сетевое имя, которое берет себе пользователь для идентификации на том или ином сетевом ресурсе;
- 2) аватар, представляющий собой небольшую картинку, целью которой является визуальная репрезентация виртуальной языковой личности;
- 3) ориджин, или подпись, прикрепляемая после текста сообщения;
- 4) блог или домашняя страница, создаваемые пользователями сети и указываемые в информации об участнике разговора.

Речь участников виртуального дискурса – это сплав устной и письменной речи, включающий в себя жаргон. Для адекватной коммуникации участники

виртуального дискурса должны знать все эти особенности и уметь правильно употреблять и воспринимать подобную новую устно-письменную форму речи.

Интересным представляется употребление знаков препинания в «никах» коммуникантов: восклицательный знак, многоточие, точка, запятая, скобки. В основном чаттеры используют восклицательный знак:

CHAD!: WYATT ! !: I need more cowbell! ! ! : Brave~Soldiers~N~Gutless Politics! ! ! : ALL HAIL THE FATMAN!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!HeLLpHYrE13:
(SMELLS LIKE FREEDOMMMM!!!) DUZTYNNNNNNNNN:
(Love89.1) check it out!!!! the best music:

Этим объясняется желание коммуниканта привлечь внимание, выглядеть значительнее.

Что касается скобок, то в никах-прозвищах они часто употребляются в своей основной функции как знаки, выделяющие дополнительные сведения, замечания, пояснения. Входящие в состав ника многоточия объясняются способностью данного знака передавать некоторую недоговоренность, многозначительность сказанного. Тире используется для графического выделения.

Расстановка пунктуационных знаков объясняется интонационной или смысловой необходимостью. Важное место также занимает способность некоторых знаков препинания придавать высказыванию эмоциональную окраску. Так, для выражения эмоциональности высказывания коммуниканты англоязычных чатов используют приемы повторения пунктуационных знаков и их совмещения. Кроме того, наблюдается тенденция к минимальному использованию пунктуации или к её полному отсутствию, обусловленному быстрым темпом набора слов.

Исследование фонографических знаков выявило, что в англоязычном чате фонетический принцип является основным, то есть участники чата печатают слова так, как они произносятся, что приводит к редуцированию.

Участники чатов практически лишены вспомогательных паралингвистических средств: тембра речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски, силы голоса, дикции, жестов и мимики. В первую очередь был определенным образом компенсирован «эмоциональный дефицит» путем введения в виртуальный дискурс частично типизированных эмоциональных реакций – «смайлов» (от англ. «smile» – улыбка), которые получили чрезвычайно широкое распространение.

Помимо «смайлов» для компенсации тембра и акцентирования части высказывания в виртуальном общении используется так называемый «капс» (от англ. «Caps Lock» – блокировка верхнего регистра клавиатуры; написание фразы или части ее заглавными буквами), который повсеместно в Интернет-сети трактуется, как повышение голоса (CHICKEN! MY CHICKEN!).

Таким образом, чат является разновидностью Интернет-стиля, восходящим к разговорному стилю общения, основными особенностями которого являются: неофициальность, спонтанность, непосредственное участие говорящих в коммуникации. Основная функция чат-коммуникации – фатическая, она характеризуется повседневностью и отсутствием информационной нагрузки. Именно поэтому практически все чаты имеют достаточно стандартный вид.

**Женские образы в новеллах С. Цвейга «Письмо незнакомки»,
«Страх» и «24 часа из жизни женщины»**

В данных новеллах представлены и неразделенная любовь («Письмо незнакомки»), и страсть («24 часа из жизни женщины»). В каждой новелле героини делают важный выбор, от которого зависит не только их будущее, но и будущее их близких. На примере новелл С. Цвейга «Письмо незнакомки», «Страх», «24 часа из жизни женщины» мы проанализировали средства, приемы и способы создания женских образов.

Художественный образ – категория эстетики, характеризующая результат осмысления автором (художником) какого-либо явления, процесса свойственными тому или иному виду искусства способами, объективированный в форме произведения как целого или его отдельных фрагментов, частей.

Приемы художественного образа:

1) Поведение героя. В литературе человек изображается почти всегда в действиях, в поступках, в отношениях к другим людям.

2) Портрет, пейзаж и интерьер, если они использованы для характеристики героя.

Портрет – изображение внешности героя в литературном произведении (черты лица, фигура, одежды, позы, мимика, жесты, манера держаться). В литературе часто встречается психологический портрет, в котором через внешность героя писатель стремится раскрыть его внутренний мир.

Пейзаж – изображение картин природы в литературном произведении. Пейзаж также часто служит средством характеристики героя и его настроения в определенный момент.

3) Классическим приемом создания характера в литературе нового времени является внутренний монолог, то есть изображение мыслей героя.

Стилистика рассматривает образность речи как особую стилевую черту, которая получает наиболее полное выражение в языке художественной литературы. Попадая в художественный контекст, слово включается в сложную образную систему произведения и неизменно выполняет эстетическую функцию.

И. А. Никонорова

**Интерпретация восстания декабристов в романе
А. Дюма «Записки учителя фехтования»**

Мастер исторического романтического романа А. Дюма-отец начал свой путь в мировую литературу романом «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге» (1840). Французский писатель взялся за освещение важного в истории России события – восстания декабристов в 1825 г.

Очевидно, что это авторский взгляд на события, о которых А. Дюма мог только услышать, а скорее всего лишь прочитать. Анализ романа «Записки учи-

теля фехтования» позволяет сопоставить события этого романа с событиями истории России. Сравнительный анализ исторических фактов и художественного произведения позволяет выявить ряд исторических нелепостей и фактических ошибок. Например, писатель превращает графа Анненкова в графа Ванинкова («comte Waninkoff»). Также многие моменты суровой жизни Анненкова с точностью наоборот искажены А. Дюма, дабы смягчить жестокость подлинной истории: так, холодная и важная барыня А. П. Анненкова, не хотевшая знать своего сына-«преступника», превращается в сердобольную мать, незнающую, чем облегчить участь родного страдальца и его самоотверженной подруги; Полину Гёбль сопровождает у А. Дюма в Сибирь царский фельдъегерь, оказывающий ей всевозможные услуги; Анненков оказывается, ссыльным «в Козлове, маленьком селе на Иртыше», вместо того, чтобы быть каторжным в Чите.

Николай I, вынося приговор декабристам, обрекал их на полное забвение, а А. Дюма своим романом отменил этот приговор для одного из декабристов и этим привлек внимание к судьбе всех остальных. Также на протяжении всего романа прослеживается угнетение крепостных и рабовладельческая жестокость; на первый план выдвигается мужество декабристов.

Неудовлетворенность Николая I была не только теми страницами, о которых отметили выше, но и особенно тех, которые писатель отвел бабке, отцу и братьям императора, – все эти неприятнейшие для императора главы и отрывки заполнили значительную часть книги. Самым отрицательным моментом для русского царя был отдельный исторический этюд, который изображал характер императора Павла I. Он давал, основанную на исторических источниках, летопись его безумств и преступлений и завершался подробным и основанным на исторических источниках описанием заговора и убийства Павла I.

Этот роман был крепким литературным ударом по русскому императору.

М. Г. Пантелеева

Фольклорные образы и сюжеты сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Н. В. Гоголь вошел в литературу со сборником «Вечера на хуторе близ Диканьки», который стал своеобразным откровением. Широко используя народные песни и предания в сборнике, он раскрывает большое жизнеутверждающее начало народной поэзии – в его повестях, как и в фольклорных сказках, человек, обладающий смелостью и жизненной стойкостью, обычно оказывается сильнее всякой нечистой силы.

Цель работы: выявление функции фольклорных образов и сюжетов в сборнике. Предмет исследования: сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». Методы работы: аспектный, структурно-целостный, сопоставительный.

В соответствии с целью были поставлены задачи:

- 1) определить причины обращения Гоголя к фольклорному материалу;
- 2) выявить фольклорные источники, послужившие основой для написания повестей первого сборника;

3) определить идейно-художественное своеобразие фольклорных образов и сюжетов первого сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В результате работы мы пришли к выводам:

1. Источниками фольклорных элементов в произведениях, вошедших в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», являются сведения из личного опыта писателя, а также информация, полученная им из переписки с родными, близкими и друзьями. Фольклорные традиции в анализируемых произведениях тесно соприкасаются с религиозными элементами, это объясняется тесной слитностью в восприятии народа языческих верований и христианских представлений.

2. Двоемирие является основой всех повестей. В сборнике оно проявляется как на уровне сюжетов (бытовые зарисовки и ирреальные места, хаты), так и на уровне образов (обыкновенные жители кузнец Вакула, дьяк и другие фантастические персонажи (Солоха, черти, русалки и др.)).

3. Н. В. Гоголь в сборнике «Вечера на уторе близ Диканьки» мастерски воссоздал атмосферу народной жизни, не только точно передавая детали быта, но и изображая народную душу. Мировоззрение гоголевских персонажей полностью фольклоризовано. В жизнь героев постоянно вмешиваются мистические силы, однако, люди не удивляются этому и всегда находят рациональное, с точки зрения фольклорного восприятия, объяснение.

4. Анализ фольклорных элементов в сборнике «Вечера на уторе близ Диканьки» показал, что они проявляются:

– в жанровых решениях (волшебная и бытовая сказки, быличка, героическая легенда, пословица, историческая песня, плач, причитание, свадебная песня, предание, примета);

– в характерах персонажей (представления о национальном типе мужского и женского характеров);

– в фантастических фольклорных образах (черти, ведьмы, колдуны, русалки, утопленницы и т. д.);

– в фольклорных обрядах (свадьба, ярмарка, праздник Иван Купала, колядки, гадания, вечерницы, танец и др.);

– в фольклорных пейзажных зарисовках (природа соответствует настроению героев, их внутреннему состоянию, является отражением внутреннего мира героя; природный параллелизм);

– в поэтизации народного быта (через быт показывает фантастическое, раскрывает положительные качества героев);

– в смене рассказчика (взаимоотношения фантастического и реального проявляется, прежде всего, в двух типах рассказчиков, а, следовательно, в повествовательной манере каждого из них).

Таким образом, писатель воссоздавал в своих повестях поэзию народных преданий, песен; в простоте естественной жизни он показал идеал прекрасного человека. В повестях Н. В. Гоголь говорит о нравственном идеале (восходит к христианским идеалам и через фольклор приземляет их, делает понятнее для всех). Чувствуя очарование народной культурой и тоску по утраченной свя-

зи с родиной, ее народом и природой, Н. В. Гоголь пытается наметить ту нить, которая связывает отдельную личность и народ. По мнению автора, интерес к изучению произведений фольклора позволит человеку глубже понять явления окружающей действительности.

И. И. Пашина

К вопросу о свадебной обрядовой фразеологии

Свадьба – один из самых сложных и красивых русских обрядов. Молодое поколение, конечно, думает о супружестве особенно активно в период, когда приближается к брачному возрасту. Возраст вступления в брак в России по всей территории всегда был примерно одинаковым: 18-19 лет для молодого человека и для девушки. Народная мудрость учила родителей девушек: «Жни овес, как затрещит; отдай девку, пока верещит».

Свадебный обряд в самобытном русском ритуале традиционно делился на этапы, каждый из которых сопровождался особыми действиями.

Исходное событие – знакомство. На Руси ещё в языческий период юноши и девушки знакомились, встречались, а затем, в случае расположения к ним славянской богини любви, красоты и брака Лады, образовывали семью. Будущие муж и жена могли и не знать друг друга до свадьбы, потому что брак заключался лишь по предварительному сговору старших членов семьи. При любом подходе к выбору невесты и жениха в народе существовало убеждение, что «Всякая невеста для своего жениха родится», «Суженого и на кривых оглоблях не объедешь», «Кому на ком жениться, тот в того и родится», «Смерть да жена Богом суждена».

Самым важным предсвадебным обрядом был сговор – сватовство. В одних случаях родители жениха ехали в дом невесты и начинали переговоры. В других случаях в дом засылали сваху и свата, они спрашивали разрешения приехать с женихом и с его родителями.

Каждый шаг сватовства совершался в строгом соответствии с обрядом и сопровождался определенными речами. Войдя в дом, сват и сваха вели разговор на посторонние темы, грели руки у печи. Отсюда и поговорка «Вошла в избу да руки погрела – так сваха».

После совершения определённых действий переходили к сватовству в иносказательной форме: «Ищем тёлочку (овечку), не заблудилась ли», или «Хотим купить тёлочку», или «У вас товар, у нас купец», или «У вас куничка, у нас охотник».

Уход дочери из родительской семьи – это значительная потеря, прежде всего, необходимых рабочих рук в хозяйстве любой крестьянской семьи. Именно поэтому ещё в XIX веке жених должен был внести за это своеобразную компенсацию. Отсюда и возникла поговорка «Денежки на стол, девушку за стол».

При благоприятном исходе сватовства родители невесты и сваха трижды обходили вокруг стола, крестились на образа и, расставаясь, сразу же договаривались о смотринах: «Вы видели сокола, покажите ж нам сизу голубку», «За-

глазного купца кнутом бьют, просим товар лицом показать». Ведь прежде чем купить товар, его нужно оценить, поэтому происходит следующий шаг сватовства – смотрины.

Смотреть невесту приезжали сваха, жених, его мать или женщина, называемая смотрительницей. В словаре В. И. Даля зафиксированы слова, с которыми смотрительница входила в дом: «Купец здесь, а товара не видно»; «Наше смотрите и своё покажите», «Суженого примите, а ряженую подайте». Иногда гостей вводили в специально убранную комнату, где стояла невеста с закрытым покрывалом лицом, в лучшем своём наряде. Смотрительница, прохаживаясь по комнате, заговаривала с невестой: «Выдь на крыльцо, покажи своё бело лицо». В случае удачных смотрин собравшиеся договаривались о дне сговора, который проходил обычно в доме невесты через две-три недели после смотрин.

Пропой и сговор играли роль помолвки и являлись символическим актом, закрепляющим семейное решение о заключении брака. Смысл этих обрядов отражен в поговорках: «Пропита – продана», «Просватанная, что проданная», «Пропита дочь, не своя, чужая».

Следующим этап был сговор, который при благоприятном исходе заканчивался ритуалом рукобитья: сваты, надев рукавицы, били по рукам. Отсюда происходит и устойчивое выражение «По рукам, да и в баню». Данный обряд отражен и во фразеологизме «Выкупить правую руку». Первоначальный смысл этого выражения таков: отдать просватанную дочь. Затем оборот приобрел переносное значение – «исполнить слово, выполнить то, о чем били по рукам».

В последний день или вечер перед свадьбой совершался девичник. Во время него невеста и её подружки гадали. Кроме того, подружки помогали невесте приготовить подарки жениху, его родным, а также завершить подготовку приданного. Девичник по традиции был печальным: невеста прощалась с подругами, и, оплакивая своё девичество, причитала, плакали и её подружки, исполнялись грустные песни. В Оренбуржье во время девичника обязательно исполнялась песня «Хмелинушка» – это прощание с девичеством и грустный плач о горькой доле замужней женщины. В Оренбуржье существовал и «Плач матери по дочери», в котором дочь сравнивается с птенцом, что подчеркивает материнскую любовь, заботу и боль расставания.

После девичника следовало обручение. При обряде обручения жених с родственниками приезжали в дом невесты, все делали друг другу подарки, а жених с невестой обменивались обручальными кольцами. Кольцо символизирует цельность, поэтому его используют в качестве атрибута брака. Пословица говорит «Обрученная, что подаренная».

Особое значение придавалось времени, когда можно было играть свадьбу. Никогда не игрались свадьбы во время постов. Исключалась из свадебных дней и масленичная неделя. В народе говорили: «На масленицу жениться – с бедой породниться». Старались избегать также месяца мая, чтобы всю жизнь не «маяться».

В день венчания жених присылал невесте через сваху или дружку шкапулку, в которой лежали фата, восковые цветы, венчальные свечи, обручальные кольца, набор гребёнок, иголки, булавки и т. п. Привозили наряд и дружка го-

ворил: «Что говорено, то и привезено», «Просим набело умыться, хорошо снарядиться, в белые белила в красные румяна».

Во время одевания применяли меры предосторожности, чтобы уберечь не только невесту, но и жениха от сглаза: «Жениху и невесте под венец втыкают булавки против сердца, а за пазуху кладут ртути»; «Жениха под венец опоясывают вязаным кушаком». Считалось, что узлы охраняют от сглаза.

Перед отъездом в церковь происходил выкуп невесты. К её дому первым подъезжал дружка, распорядитель свадебного церемониала. Вслед за дружкой прибывал свадебный поезд. Отец невесты в это время говорил: «Сват не сват, а добрый человек». Сваха при этом отвечала: «Коли рады гостям, так встретите и за воротами». После чего свахи обменивались пряниками и пивом.

Войдя в дом, дружка должен был выкупить место для жениха за столом рядом с невестой. Обязательно при этом шли в ход деньги, но часто подружки и родные невесты испытывали дружку загадками. Торг вёл брат или подружки невесты. В словаре «Пословицы русского народа» есть слова продавца невесты за столом: «Торгую не лисицами, не куницами, не атласом, не бархатом, а торгую девичьей красой».

Затем все отправлялись в церковь. Во время поездки в церковь люди старались по погоде и природным явлениям угадать, какой будет свадьба и будущая жизнь молодых. Фразеологический фонд содержит много «свадебных примет»: «Коли на улице распутица, быть свадьбе беспутной», «Снег и дождь на свадебный поезд – богато жить, дождь на молодых – счастье», «Дождик – к богатству», «Красный день свадьбы – жить красно, да бедно», «Метель на свадебный поезд – всё богатство выдует».

При венчании жених и невеста давали обещание любить и служить друг другу в продолжение всей жизни. Затем пили вино, сначала невеста, потом жених, который тут же бросал чашу на пол и спешил наступить на нее. Тоже делала и невеста. Кто из них первый наступал, тот одерживал победу, и считалось, что он всегда будет господином.

От венца ехали в дом жениха. Дома новобрачных встречали родители жениха, благословляли. Этот обряд зафиксирован и в пословице: «Молодых при встрече из церкви осыпают хмелем и хлебом». Считалось, что так можно обеспечить молодым многодетность и богатство, хмель и хлеб – это символы богатства, чего и желали новобрачным.

В доме жениха уже были накрыты столы. Молодую сажали за столом очень близко к мужу, так, «чтоб даже кошка не пробежала», и приговаривали: «По Божьему веленью, по царскому уложению, по господской воле, по мирскому приговору». Затем пели величальные песни. Жениха и невесту во время свадебного пира называли князем и княгиней: «Народ крещёный, благословите нашего князя с княгиней», «Молодым князьям да богато жить».

Начиналось свадебное застолье. Русская свадьба отличалась обильным угощением и питьем, что предполагало хмельное веселье. Только молодым на свадебном пире предписывалось проявлять воздержанность в питье и еде. Подтверждают этот обычай пословицы: «Молодые до венца не едят», «До венца

тощи, после солощи». Они могли лишь пригубить вино из одной рюмки и попробовать один на двоих кусок пирога.

Во время свадебного застолья группа поющих и пританцовывающих девушек обходила всех гостей. Перед каждым останавливалась, угощала, требуя вознаграждения, и пела в его честь песню. Доставалось тому, кто был нещедрым на дары.

Когда веселье было уже в полном разгаре, молодых уводили. Свою первую брачную ночь они проводили чаще всего в холодной, нежилой части избы. Постель обычно стелили из снопов, которые являлись символом плодородия. Прежде чем положить молодых, дружка и свашка ложились в приготовленную постель и требовали выкуп. Фразеологизм «Обогреть постель молодых» возник на основе этого обряда.

Утром родные шли «поднимать молодых», но в спальню молодых входила только одна сваха. Родня же стояла в этот момент у дверей горницы, била горшки, кринки, тарелки. При выходе новобрачных их поздравляли и со стуком били посуду. Свадебное пиршество могло длиться не один день. Пословица говорит: «Добрая свадьба – неделю».

Затем следовали послесвадебные обряды – визиты молодых. Выражение «Ехать на блинки» означает первое посещение супругами тещи.

Таким образом, изучение свадебной обрядовой фразеологии позволило нам внимательнее рассмотреть особенности русской культуры, постичь смысл её обычаев и традиций.

Библиографический список

1. В круге жизни: семейные праздники, обычаи, обряды. – Пермь : ОНИКС, 2003.
2. Забелин, Н. И. О жизни, быте и нравах русского народа / Н. И. Забелин. – М. : Астель, 2001.
3. Забылин, М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия / М. Забылин. – М. : НИКА, 1997.
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Наука, 2002.

Е. А. Пилипенко

Переходные явления в системе лексико-грамматических разрядов имен существительных

Под лексико-грамматическим разрядом (ЛГР) в лингвистике понимают подклассы определенной части речи, обладающие общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий. В частности, к лексико-грамматическим разрядам относят

качественные, относительные и притяжательные прилагательные, предельные и неопредельные глаголы и т. д.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей перехода имен существительных из одного ЛГР в другой.

Актуальность такого анализа обусловлена распространённостью изменения лексико-грамматической характеристики имени существительного при развитии у него переносных значений, что непоследовательно отражается в толковых словарях. Разряд имени может быть не указан совсем или указан только у одного из значений многозначного слова, хотя разряды этого же слова в других значениях могут быть иными.

В ходе исследования мы уточнили критерии отнесения существительного к определённому разряду и описали некоторые закономерности перехода слова из одного ЛГР в другой на примере анализа 200 многозначных имен существительных.

Традиционно критериями отнесения существительного к определённому разряду считаются:

а) семантический (материальность и нематериальность объекта (предмета), обозначаемого существительным);

б) грамматический (способность существительного изменяться по числам, сочетаться с количественными числительными; особые суффиксы).

Из этого следует, что изменение семантики может изменить грамматические свойства слова и его морфемную структуру, а значит, привести к переходу его в иной ЛГР.

Переход в другой разряд у существительного связан с появлением нового лексического значения, что доказывает приоритетность семантического критерия при определении разряда. Следовательно, одно существительное может принадлежать к нескольким разрядам в разных лексико-семантических вариантах, так как, приобретая новое значение, существительное не утрачивает старого.

Наиболее частотным, по результатам нашего анализа, является переход конкретных существительных в абстрактные (28%). Примером могут служить такие слова, как *вилка*, *вуаль*, *бич* и пр. При этом свойства, присущие предмету, человек находит и в отвлечённых действиях, понятиях: видит в процессе форму, которой обладает давно знакомый предмет (*вилка* – столовый прибор и *вилка* – особое положение при стрельбе, когда объект оказывается между двумя снарядами); затемнение на фотографии сравнивает с тем, каким видится мир через *вуаль*; находит общее между *болью от бича* и *болью, причиняемой бедствием, несчастьем*, и даёт ей то же имя – *бич*.

Достаточно часто встречаются случаи перехода абстрактных существительных в конкретные (16,9%) и собирательные (11,9%), что связано с осмыслением конкретности, материальности некоторых явлений и объединением их в общности. В частности, словом *лозунг* называются не только лаконичные идеи и требования, но и плакаты, их содержащие, а слово *дозор* (I – «обход для осмотра») также обозначает группу наблюдателей.

Интересными являются случаи «замкнутого» перехода, проходящие по трём схемам: «конкретность – абстрактность – конкретность», «абстрактность –

конкретность – абстрактность» и «абстрактность – собирательность – абстрактность». Все эти схемы объединяет обязательное возвращение к первоначальному разряду. Например, слово лабиринт, пройдя через абстрактное значение «запутанное расположение чего-нибудь», в первом и третьем лексическом значении остаётся конкретным, так как обозначает запутанную сеть ходов и внутреннее ухо соответственно. Примером противоположного перехода является развитие семантики существительного «календарь», которое проходит путь от абстрактного значения «способ счисления дней в году» через конкретное «таблица или книжка с перечнем всех дней в году» ко вновь абстрактному «распределение по времени отдельных видов деятельности».

Таким образом, активность переходных процессов в системе ЛГР имени существительного отражает динамичность развития современного русского литературного языка, расширение, углубление, метафоризацию семантики словарного состава.

А. А. Прокаева

Жанр антиутопии в романе В. Войновича «Москва 2042»

В последнее десятилетие все чаще писатели обращаются к жанру антиутопии. XX век является временем, когда осуществляются попытки воплощения утопических идей в жизнь. Для человека характерно желание заглянуть в будущее. И мысль, воплощенная художественно, о том, что будущее выглядит ужасно, приводит к появлению произведений, написанных в жанре антиутопии.

В последние годы в литературоведении отмечается значительный интерес к жанру антиутопии. Появились публикации отечественных и зарубежных исследователей, в которых произведения антиутопического жанра рассматриваются как «неотъемлемая часть мировой культуры»: Н. Н. Арсеньева, Э. Я. Баталов, Т. А. Белигалиев, А. Ф. Бритиков, О. В. Быстрова, М. Л. Геллер, Т. Т. Давыдова, А. М. Зверев, М. Золотонос, Ю. И. Кагарлицкий, Т. А. Каракан, Е. Ю. Коломийцева, О. В. Лазаренко, Б. А. Ланин, Ю. Латынина, В. Муравьев, В. А. Чаликова, Е. Л. Черткова, В. П. Шестаков и др.

Среди романов-антиутопий конца XX века произведение Владимира Войновича «Москва 2042» занимает особое место. В литературоведении существуют разные точки зрения относительно жанровой специфики этого романа. Одни исследователи считают его романом-анекдотом, другие – антиутопией, третьи относят к такой жанровой разновидности, как сатирическая антиутопия.

Основу романа «Москва 2042» составляет фантастическое путешествие главного героя Виталия Карцева в Москву на 60 лет вперед. Главный герой романа пишет книгу о будущем своей страны. Он сам становится участником событий, которые в ней описаны. Как это ни парадоксально, но, попав в будущее, писатель знакомится с уже написанным им романом и узнает о происшедших с ним самим и остальными героями событиях за 60 лет (1982-2042).

Антиутопия «Москва 2042» построена в виде цепи анекдотов, что является новым в области романа в целом и жанре антиутопии, в частности. Такое по-

строение дает возможность писателю представить в комичном виде разные стороны жизни: бытовую, историческую, политическую и т. д.

Гротеск – основное средство изображения жизни «комунян» в романе «Москва 2042». Характерным признаком гротеска В. Войновича является окарикатуривание образов и явлений путем перемещения и совмещения разных плоскостей. Гротеск в произведении стирает грани между категориями: жизнь – «вечное заключение», демократия – «дерьмократия», публичный дом – «дворец любви».

В создании художественного мира романа важную роль играет «новояз». «Новояз» – одна из самых ярких примет антиутопии, «пословичная стилизация тоталитарного государства, пословичные новообразования, оригинальный пародийный прием сатирического переосмысления известных афоризмов».

В финале романа «Москва 2042» голос героя сливается с голосом автора и звучит гуманистическая идея произведения: «Пусть будущая действительность окажется не похожей на ту, что я описал». Таким образом, в русской антиутопии второй половины XX века осмысливается историческое прошлое и настоящее страны в контексте актуальных вопросов современности. В. Войнович ставит проблему преодоления тоталитаризма не только в обществе, но и в сознании человека.

Цель романа В. Войновича «Москва 2042» как антиутопии – развенчание ложных мифов и разоблачение утопических идей путем доведения их до абсурда. Автор произведения, анализируя историческое прошлое и настоящее, стремится, прежде всего, вскрыть сущность тоталитарной системы и показать абсурдность воплощения идеалов коммунизма в жизнь.

М. А. Птуха

Русская фразеология о свадебных обычаях и обрядах

Предсвадебный цикл обрядов у восточных славян начинался со сватовства. В старину ходили сватать обычно близкие родственники жениха. Разговор заводился издалека, в иносказательной форме – об охоте на куницу или о купле-продаже телки. Родители невесты обычно с ответом не спешили. Окончательный ответ давался после второго или третьего захода сватов.

В случае положительного ответа родители невесты принимали от сватов хлеб, разрезали его. В случае отказа возвращали хлеб сватам, а сваты в ответ могли закрыть дверь спиной. Считалось, что это помешает девушке в дальнейшем выйти замуж.

Для того чтобы сватовство прошло успешно, было принято выполнять ряд обрядовых действий, связанных с древней верой в приметы. Суеверное отношение народа к некоторым дням недели и числам нашло отражение и в свадебных традициях. Например, считалось, что в среду и пятницу не следует заводить свадебные дела, потому что эти дни неблагоприятны для брака. Следили и за тем, чтобы день свадьбы не приходился на тринадцатое число. Нечётные числа 3, 5, 7, 9 в сватовстве и в свадьбе считались счастливыми. Сватать, как

правило, отправлялись после захода солнца во избежание сглаза. После ухода сватов кто-либо из домашних (обычно женщины) связывал все кочерги и ухваты вместе – для удачи в деле. Тот, кто шёл в дом со сватовством, старался по дороге ни с кем не встречаться и не разговаривать. Примечательно и то, что пришедшие со сватовством во время разговора старались незаметно для окружающих дотронуться до ножки стола, за которым обычно велась беседа.

Невеста во время смотрин была главным действующим лицом. Соблюдался обряд испытания невесты. На смотринах по традиции жених и его родители выходили в сени или на крыльцо, чтобы обменяться мнением о невесте. После этого мать невесты подносила жениху стакан медового питья. Если он выпивал весь мёд, значит, невеста ему понравилась, в противном случае он лишь пригубливал питье и возвращал стакан.

Сговор, или помолвка, являлся самым важным предсвадебным обрядом. Процедура сговора зависела от положения семьи. В дворянских кругах по этому случаю в доме невесты давали бал с угощением. Кроме родственников и друзей дома, на сговор обязательно приглашали почтенных и влиятельных гостей. Отец невесты представлял собравшимся жениха и невесту, объявлял об их помолвке.

На второй день после сговора совершался обряд вручения невесте «божьего милосердия» – тех икон, которые вместе с её приданым отвозили в дом жениха. В их число входила и икона родительского благословения.

Предсвадебные обряды были особыми событиями у русских, поэтому они не могли не запечатлеться в поговорках, пословицах и устойчивых выражениях. Вот некоторые из них:

Люди женятся, а у нас глаза светятся.
Одна только сваха за чужую душу божится.
Было бы хожено да лажено, а там хоть черт родись.
Не сидеть пришли, а с добрым словом.
Пришли в гости не гостить, а пир подымать.
У вас товар, а у нас купец.
Наше смотрите и свое покажите.
Жениху да невесте сто лет да вместе.

Традиционный свадебный обряд включал в себя три цикла: предсвадебный, день свадьбы и послесвадебный.

Обязательными участниками свадьбы, кроме невесты, жениха и родителей, были родственники с обеих сторон. Их присутствием как бы юридически закреплялось данное событие.

При отсутствии кровных родителей со стороны жениха или невесты роль родителей (родителя) выполняли благословенная мать и благословенный отец.

Участники свадьбы при этом наделялись «ролями», например, «Боярин большой» – одно из официальных лиц на свадьбе, уважаемый человек со стороны жениха («Большой боярин на свадьбе голова, он руководит и за порядком следит»).

Необходимым атрибутом свадьбы считался богато накрытый стол, что свидетельствует о повышенном внимании к данному событию; «большой стол» – это стол в свадебном обряде, накрытый для главных гостей со стороны жениха. Наладить стол – накрывать стол.

Свату первая чарка и первая палка.
Никому против свахи не ухвастать.
Не прощу ни тканого, ни бранного, а материнского благословения.
Что наткалось, напялось, то и в приданое досталось.
Быть на свадьбе, да не быть пьяну – грешно.

В свадебных обычаях и обрядах сохраняется этнокультурная специфика. Всё это позволяет рассматривать свадебную обрядность как важнейший источник изучения национальной культуры.

Библиографический список

1. Забылин, М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия / М. Забылин. – М. : НИКА, 1997.
2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Наука, 2002.
3. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://rodnoverie.narod.ru/index/0-144>.
4. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.alegri.ru/lyubov/svadba/predsvadebnye-obryady-svatovstvo-smotriny-sgovor-devichnik.html>.

Н. А. Рыжкова

Лингвокультурологический аспект семантики английских паремий с компонентом цветоописания

Лингвокультурология занимается исследованием взаимодействия языка, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает её, пользуясь языком. Если в языковой единице есть культурная информация, то должна быть и категория, соотносящая две разные семиотические системы (язык и культуру) и позволяющая описать их взаимодействие. По мнению В. Н. Телия, это культурная коннотация. Установлено, что культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, фон, концепты и коннотации. Эти понятия являются наиболее важными для данной работы [5].

Перспективными вопросами изучения концепта мы считаем практическое исследование различных лексических (семантических) полей в рамках когнитивной парадигмы, то есть рассмотрение их в качестве концептосфер с позиции наличия в них базовых фреймов.

В современной лингвистике можно выделить три основных направления, или подхода, к пониманию концепта: лингвистическое, когнитивное, культурологическое. В культурологии «концепт» – основная ячейка культуры в ментальном мире человека.

Концепт следует понимать как средство замещения значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения. Согласно Г. Г. Слышкину и В. И. Карасику, концепт является условной ментальной единицей, направленной на комплексное изучение языка, сознания и культуры; выступает как весь потенциал значения слова. Помимо основного смысла он включает дополнительные культурные, личностные, национальные и другие ассоциации и оттенки, которые могут проявляться в речевом общении или в определенном контексте [4].

Та или иная лингвокультура может быть транслирована в разных концептах. Одним из таких является концепт «цвет». Цвет определяется как свойство объектов материального мира, воспринимаемое в качестве осознанного зрительного ощущения. Цветообозначения реализуются в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах, они органично входят в языковую картину мира любого народа. Компонент цветоописания представлен в ряде паремий английского языка, причем в нем нередко смещаются, переплетаются одновременно и «поверхностные», и «глубинные» (буквальные и переносные) значения. За любой паремией стоит своя абстрактная концептуальная структура – фрейм, в которой аккумулируются знания человека о мире; образование значений паремии связано с целым комплексом преобразований в концептуальных структурах. Составляющие фрейма представлены в виде слотов, которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными [3].

Развитие цвета и соответственно значений многозначности цветоименований предполагает их бинарное членение на ахроматические и хроматические цвета. Исследование многозначности проводилось на материале девяти цветоименований, которые последовательно были поделены по бинарным оппозициям на ахроматические и хроматические цвета с последующим бинарным делением хроматических цветов на теплые и холодные [2].

Например, черный – черного цвета, масти, самый темный, цвета сажи, противоположный белому и вообще цветной. Черный цвет, в отличие от белого, имеет больше негативных значений. С черным цветом связывают отсутствие света, темные злые силы. В Европе времен Средневековья существовала черная магия с наведением порчи. Оккультные обряды проводились в темноте и в черных одеждах. Черный цвет ассоциируется с гибелью и трауром, потерей и утратой, скорбью и горем. Английское цветоименование *black* восходит к древнеанглийскому слову *blac* и прагерманской формы **blakkaz* – «сожженный», обе формы связаны с праиндоевропейской формой **bhleg* – «гореть». К действиям и состояниям с определением «черный» можно отнести преступление, взгляд, клевету, месть, магию, депрессию.

Хроматические цвета – это группа собственно спектральных цветов. И научная, и наивная картины мира в целом исходят из общего представления основных цветов через их бинарное деление на «теплые» и «холодные». Именно в этом плане и было проделано дальнейшее исследование многозначности цветоименований. К «теплым» цветам относятся красный, оранжевый и желтый, они ассоциируются с образами солнца, огня, радости, тепла, счастья на физическом, физиологическом и психологическом уровнях. Семантическое поле «холодные» цвета можно отнести скорее к духовным, чем материальным: к ним относятся зеленый, синий/голубой и фиолетовый. Это цвета умиротворения, гармонии, высшей духовности.

Толковый словарь английского языка «The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases» позволил провести семный анализ цветообозначений, который выглядит следующим образом [1]:

Таблица 1

Цветоименование	Выделенные семы
black	1) having the darkest colour, like coal; 2) belonging to a race of people who have dark skin; 3) very angry; 4) without a hope; 5) funny in a cruel or unpleasant way; 6) mysterious; 7) awful, terrible, frightful; 8) bad

В пословице «Every family has a black sheep» черный цвет характеризует отрицательные стороны человека и черный цвет сопоставляется со словами «пятно» и «урод», что, соответственно, несет в себе негативные коннотации.

Концептуальный анализ посредством выделения фреймов позволил выявить следующее: поговорка «Every family has a black sheep» может быть отнесена к концепту «семья» на том основании, что смысл поговорки напрямую связан с семьей, то есть семья – та сфера человеческих знаний, которая возникает в сознании интуитивно. Фрейм, выделяемый в основе данной поговорки, – члены семьи как отдельная группа людей. Слот – неблагополучный член семьи, значение которого передается культурологической коннотацией цветоописания «black», передающего сему bad, awful, of bad quality. Признак, которым характеризуется данный фрейм – «урод, несостоявшийся человек». Выражение «a black sheep» соотносится с человеком, позорящим свою семью, выделяющимся из нее и не заслуживающим уважения.

Every family has a black sheep
семья
члены семьи
неблагополучный член семьи
урод; несостоявшийся человек

Паремии английского языка с компонентом цветоописания в большинстве несут скрытое, метафорическое значение. В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам: английская цветовая лингвокультурологическая картина мира достаточно объемна и представлена основным спектром, к которым добавляются золотой и серебряный цвета. Преобладающим цветом является черный. Это можно объяснить тем, что человек скорее запоминает плохие, негативные стороны жизни, нежели что-то хорошее, позитивное. Больше половины паремий с наименованием цвета относятся к человеку или ко всему тому, что имеет отношение к жизни человека. Лингвокультурологическая картина мира англичан носит явно антропоцентрический характер. Каждый цвет несет свою коннотативную и ассоциативную нагрузку, описанные в ходе исследования, что является немаловажной частью жизни человека.

Библиографический список

1. The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases. – Переизд. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2005. – 512 p.
2. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2010. – 288 с.
3. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М., 2008. – 656 с.
4. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. трудов / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75-80.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Ю. Д. Сороколетова

Тема греха и покаяния в произведениях Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова

Тема греха и покаяния – вечная тема в литературе все периодов. Пока живет на земле человек, пока есть в душах людей чувства, эмоции, пока существуют Мужчина и Женщина, грех не перестанет быть актуальной темой. Он присущ каждому из нас, безгрешные люди не живут на этой земле. Но горячая и безыдейная, не требующая доказательств существования Бога вера помогает нам не пасть слишком низко. Она спасает души от смерти, той моральной смерти, о которой так часто говорили писатели-философы, например, такие, как Ф. М. Достоевский. А покаяние – путь к очищению.

Решению всех этих вопросов посвящен огромный пласт русской классической литературы второй половины XIX века: творчество Ф. М. Достоевского,

Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и других менее известных писателей.

В России проблема «греха и покаяния» особенно обострилась во второй половине XIX века в эпоху перехода от крепостничества к капитализму, эпоху первоначального накопления капитала. Многие писатели-классики этого времени каждый по-своему обращались к поискам решения данной проблемы (творчество Ф. М. Достоевского, П. Ф. Якубовича (Л. Мельпина), Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко и др.).

Тема греха и покаяния проходит через творчество многих русских писателей. Огромное внимание они уделяли воспитанию в человеке нравственного чувства. Возмездие неотвратимо приходит к преступникам в разных формах: страшных видениях, снах, болезнях, гибели. Чувство стыда способно возродить человека к новой свободной от мучений жизни. Но часто это чувство приходит к героям слишком поздно. Примечательно, что в свое время Т. Манн назвал русскую литературу «святой» именно за ее внимание к проблемам совести, греха, возмездия и покаяния человека.

А. В. Трофимова

Коннотативная специфика реалий в немецкой прессе

Реалии – единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности [2; 251].

Реалии могут заключать в себе различные коннотативные значения, то есть дополнительное содержание выражения, его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов [1; 222].

Среди лексических групп, в которых чаще всего представлены коннотативные реалии, можно выделить:

1. Слова, выступающие в качестве символов: вегетативные, анималистские символы, цветовая символика. Ярким примером такой реалии является немецкое словосочетание «ein schwarzer Freitag», со значением «несчастливый, крайне неудачный в деловом отношении день», отражает антиценность «несчастье». В основе лежит реальное событие, которое произошло в пятницу, 24 сентября 1869 года. В этот день одновременно разорились немецкие вкладчики многих банков в результате спекулятивных махинаций американских финансовых воротил.

2. Фольклорные, исторические и литературные, книжные аллюзии. В них содержатся намеки на образ жизни, поведение, черты характера, деяния исторических героев, фольклорных и литературных персонажей, на исторические события, мифы, предания, литературные произведения. Примером может служить выражение «der billige Jakob» – ярмарочный торговец дешевыми товарами. Согласно библейскому сюжету, Иаков долгие семь лет безвозмездно рабо-

тал у отца Рахили, чтобы получить ее в жены. В современном немецком языке часто употребляется в текстах экономического содержания. «Obwohl die Mietpreise für die Halle erst vor zwei Jahren angehoben wurden, sei die Zirndorfer Halle „noch immer der Billige Jakob“, so Zwingel. – «Хотя арендная плата за помещения поднялась 2 года назад, помещения в Цирндорфе все еще оставались дешевым Якобом» [3].

3. Языковые аллюзии. Они обычно содержат намек на какой-либо фразеологизм, пословицу, поговорку, крылатую фразу или устойчивое выражение. Языковые аллюзии, по-видимому, целиком принадлежат афористическому уровню языка, и их изучение должно быть связано с исходным фразеологизмом, пословицей, поговоркой. Der deutsche Michel – «немецкий Михель». Имя Михель уже давно стало синонимом ограниченного немецкого бургера, воплотившего в себе типичные черты немецкой отсталости и провинциальности в период между освободительными войнами 1813-1814 гг. и революцией 1848 г. В политическом отношении «немецкий Михель» становится с годами символом реакционности и шовинизма.

Семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение, служат для выражения экспрессивности, эмоциональности и оценки.

Наиболее ярко выраженную оценку тому или иному явлению за счет его коннотативного компонента мы можем увидеть в современной прессе, так как, по нашему мнению, именно в современной прессе происходит активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности и событий как общественного явления.

Глагол «hartzен» в значении «жить на пособие по безработице» образован от имени собственного Петер Харц. В период шрёдеровского руководства Германией Петер Харц был привлечён как эксперт для разработки реформы рынка труда и в результате трёхлетней работы предложил в 2005 г. так называемые «реформы Харца», которые и были приняты. С 2002 по 2005 возглавлял так называемую комиссию Харца (Hartz Kommission), по рекомендациям которой немецкое правительство под руководством канцлера Герхарда Шрёдера реформировало рынок труда. Его командой была разработана концепция четырёх законов Hartz I-IV, очень спорно воспринятая немецким обществом и средствами массовой информации. Последней фазой реализации серии законов являлось сокращение пособия для безработных в 2005 году. С тех пор название последнего закона «Hartz IV» стало синонимом пониженного пособия в простонародье, в связи с чем включает в себе отрицательную коннотацию. «Am Hauptproblem hat sich jedoch nur wenig geändert: armut wird nach wie vor in zu vielen Familien weitervererbt. Die Eltern leben in Hartz IV, und die Kinder sagen früh zu Recht: "Wir gehen hartzен"» – «Тем не менее, основная проблема мало изменилась: бедность по-прежнему передается по наследству во многих семьях. Родители живут в Харц IV, и дети правомерно говорят: "Мы идем харцевать"» [4].

Die Pinte – пинта (высокая каменная кружка, каменный кувшин), мера жидкости с рисунком-эмблемой в виде дуба (das Eichzeichen, die Eichmarke). Позднее пивная кружка или кувшин изображались на рекламном щите (das

Wirtschaftszeichen) питейного заведения. С XIX в. в юго-западной части Германии и Швейцарии die Pinte означает «das Lokal zweifelhaften Rufes» – «трактир, пивная с сомнительной репутацией», что несет в себе отрицательную коннотацию. «Ursprünglich, ruhig, leckeres Essen – das ideale Ferienrestaurant, steht im Reiseführer. Dann der Schock: in Wahrheit ist die Pinte unbezahlbar und überlaufen» – «Спокойно, вкусная еда – идеальный дачный ресторанчик, первоначально указано в путеводителе. Затем шок: на самом деле пинта переполнена и в ней непомерно высокие цены» [4].

Der Weißwurstäquator – дословно «экватор варёной телячьей колбасы» – линия Майна (условная линия, разделяющая Баварию на северную и южную часть). «Zwei Skihallen im weiteren Umland von Hamburg werden noch dieses Jahr eröffnet und zeigen, dass der Skisport den Weißwurstäquator immer weiter hinter sich lässt» – «Еще 2 лыжных зала открываются в этом году в окрестностях Гамбурга и это показывает, что лыжный спорт все дальше оставляет за спиной экватор вареной телячьей колбасы» [5].

Итак, коннотации как бы соединяют сведения о мире и сведения об отношении субъекта речи к обозначаемому, что является поводом для эмотивного восприятия обозначаемого у слов-реалий. Коннотативная специфика немецких слов-реалий заключается, главным образом, именно в оценочном компоненте, который имеет социальный характер.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 354 с.
3. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.nordbayern.de/region/fuerth/>.
4. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.sueddeutsche.de/leben/>.
5. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.spiegel.de/reise/aktuell/neue-skihallen-zum-apres-ski-nach-hamburg-a-442396.html>.

Е. В. Тяп

Особенности заимствований на современном этапе развития языка

В условиях превращения средств массовой информации в элемент общественной связи, значительно возрастает актуальность изучения языка публицистики и вместе с тем, изменений в лексике и словарном запасе, в частности, заимствований. Поскольку их становится все больше, они вытесняют исконно немецкую лексику. Тема исследования актуальна из-за общей направленности лингвистических работ последних лет, занимающихся проблемой заимствований в языке, с целью определенного воздействия на культуру и общество.

Заимствования в разных языках по-разному влияют на обогащение словарного состава. В некоторых языках они не оказали такого влияния, которое могло существенно отразиться на лексическом составе языка. В других языках заимствование в разные исторические эпохи имели столь существенное влияние на словарный состав, что даже служебные слова, как, например, местоимения, предлоги, заимствованные из других языков, вытесняли исконные служебные слова. Так как приходит что-то новое, исчезает ненужное, лишнее, то и для ученых, работающих в области лексикологии, остается много вопросов, которые требуют разрешения. Тенденция к интеграции в современном мире приводит к тому, что в культурах разных стран появляется все больше общих черт и постепенно стираются различия. Данная особенность свойственна языку, который чутко воспринимает все изменения в жизни общества и соответственно этому обогащается лексическими заимствованиями. Этот процесс на современном этапе развития языка является наиболее репрезентативным способом обогащения языка. История немецкого языка, изучающая его строй, фонетические, грамматические и лексические особенности в различные эпохи развития, изучает словарный состав языка в каждый данный период его развития. Поэтому в истории лингвистики заимствования из других языков рассматриваются обычно применительно к данному периоду существования языка. Другими словами, все заимствования рассматриваются одновременно в указанную конкретную эпоху.

Заимствования могут использоваться практически в любых сферах общественной и бытовой жизни человека. В большинстве случаев это явление имеет положительный результат, лексика становится достаточно свободной, но со временем возникает трудность понимания смысла слов у предыдущих поколений. Необходимо следить за актуальностью информации, в этом активную роль играют средства массовой информации, предоставляя «свежие» новости, статьи и так далее, со временем обогащая и адаптируя словарный запас языка, в котором используются заимствования, тем самым обогащая культурные ценности. Негативное влияние подобной тенденции: устаревание и ненужность слов и выражений, используемых в языке ранее.

А. Г. Урынбасарова

Лексико-стилистические особенности употребления и перевода на русский язык сленгизмов в текстах современной британской прозы

Отправной точкой для перевода исходного языка следует считать поиск в качестве возможных аналогов элементов сниженной лексики в языке перевода. Удобство этого пути заключается в том, что подобными аналогами обладает любой развитый язык.

Перевод – это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В настоящее время главная функция перевода информативная или коммуникативная, поэтому пе-

ревод – это средство обеспечения возможности общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках.

Мы предлагаем рассмотреть основные аспекты проблемы переводимости на основе сопоставительного анализа примеров из романа «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса, переводы произведения на русский язык, один из которых выполнен Е. Синельщиковым, другой – В. Бошняком. Особенностью романа Бёрджесса является использование вымышленного сленга «надсата», имеющего преимущественно русскую основу. Название языка – модифицированное окончание русских числительных от «одиннадцати» до «девятнадцати». Объясняется это тем, что носителями надсата в «Заводном апельсине» были подростки (*nadtsatyje*) – «тинейджеры» (*teenagers*, буквально «надцатилетние»; или сокращённо – «тины», *teens*).

Перевод слов надсата на русский язык представляет серьёзную проблему главным образом потому, что они имеют русскую основу, и читатель распознаёт их без особого труда. Чтобы посмотреть, как В. Бошняк и Е. Синельщиков справились с поставленной прагматической задачей, предлагается провести сравнительный анализ переводов.

Комментируя свой вариант перевода слов надсата, В. Бошняк писал: «...переводчик вынужден прибегнуть к достаточно условному приёму выделяя в русском тексте слова, относящиеся к русскоязычному жаргону персонажей, латиницей, чтобы, во-первых, продемонстрировать их непосредственную перенесённость из текста оригинала, а во-вторых, заставить читателя слегка поломать над ними голову. Латиница нужна ещё и для того, чтобы эти «жаргонные» слова как можно резче отличались от тех же слов, но встречающихся в обычной, не жаргонной речи (в нейтральных описаниях, в речи взрослых персонажей и т. д.). Тем более что лексически полностью отграничить их невозможно, поскольку в основном персонажи в качестве жаргонных используют обычные русские общеупотребимые слова типа «мальчик», «лицо», «чай» и т. д. Это совершенно естественно, так как англоязычным подросткам нет смысла выбирать из всего русского языка какие-либо особые словечки – на жаргон годится любое иностранное слово, и в первую очередь как раз простое и наиболее употребимое».

Данный перевод полностью отвечает всем требованиям эквивалентности и адекватности. Стиль оригинала выдержан очень точно, чего, впрочем, нельзя сказать о переводе Е. Синельщикова (об этом речь пойдёт ниже). Однако, несмотря на то, что переводчик старался выделить слова надсата и для этого записал их латиницей, они, к сожалению, теряются среди других жаргонных слов. Это привело к тому, что надсат в переводе В. Бошняка воспринимается как странный, ни на что не похожий сленг только лишь зрительно. При этом читатель задерживает своё внимание на этих словах совсем недолго, поскольку все они хорошо ему знакомы. А то, что среди слов надсата встречаются и обычные жаргонные слова (**prikinut**, **rvatt kogti**, **hanyga**, **obtriasi**, **babki**, **kodla**, **plevatt**), ещё больше сбивает с толку.

Особенно чётко это видно, когда Алекс беседует с другими персонажами, которые не знают надсата, но также говорят на сленге. И герой, продолжая употреблять эти слова, тем не менее, перенимает их стиль:

«Я вынул **deng** заплатить, и тут одна из **kisk** сказала:

– И кто это к нам пришел? И чем это он *обарахлился*? – У мелких **kisk** была своя манера **govoriting**. – *Кто у тебя в прихвате, папик?* «Хевен Севентин»? Люк Стерн? "Гоголь-Моголь"? – И обе захихикали, *вихляя* **porami**.

Тут вдруг мне пришла идея, я прямо что чуть в осадок не выпал от пронзительного предвкушения, да, блин, я аждохнуть не мог секунд десять. Пришёл в себя, *ощерил* свои недавночищенные **zubbja** и говорю:

– *Что, сестрички, оттягиваетесь пилить диск на скрипучей телеге?* – А я уже заметил, что пластинки, которые они накупили, сплошь был всяческий **nadtsatyi kal**. – Наверняка же у вас какие-нибудь портативные **fuflovyje** *крутки*. – В ответ на это они только горестно выпятили нижние губки.

– Дядя щас добрый, – сказал я, – *дядя даст вам их послушать* **putiom**. Услышите ангельские трубы и дьявольские тромбоны. Вас приглашают. – Я вроде как поклонился» [2; 53-54].

Сравним с оригиналом:

«I fumbled out the **deng** to pay and one of the little **ptitsas** said:

"Who you **getten, bratty**? What **biggy**, what only?" These young **devotchkas** had their own like way of **govoreeting**. "The Heaven Seventeen? Luke Sterne? Goggly Gogol?" And both giggled, *rocking and hippy*. Then an idea hit me and made me near *fall over with the anguish and ecstasy of it, O my brothers*, so I could not breathe for near ten seconds. I recovered and *made with my new-clean* **zoobies** and said: "What you got back home, *little sisters*, to play your *fuzzy warbles* on?" Because I could viddy the discs they were buying were these *teeny pop* **veshches**. "I bet you got *little save tiny portable like picnic spinners*." And they sort of pushed their lower lips out at that. "Come with uncle," I said, "and *hear all proper*. Hear angel trumpets and devil trombones. You are invited." And I like bowed».

Делая вывод из вышесказанного, следует отметить, что запись русских слов латиницей, заимствование переводчиком некоторых слов надсата из оригинала, а также, использование жаргонной лексики, записанной латиницей, в качестве приёма компенсации, может считаться адекватным вариантом перевода слов надсата. Однако это не помогает воссоздать текстовую ситуацию оригинала.

Е. Синельщиков в своем переводе заменил русские слова жаргонными американизмами (фрэнды, плейс, покеты, мани, файтинг, блад, сливзы, пэй визит, серв и т. д.), но недостатком такого варианта перевода является то, что английские слова слишком хорошо знакомы многим русскоязычным читателям и активно используются в русском сленге. Кроме того, активное использование сниженной и грубой лексики (дурик, вискарь-водяра, кодляк, сучий потрох, кодляк, папик, ублюдок) привело к тому, что смысл текста исказился. Переводчик также позволил себе внести некоторые добавления, например: «...синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком, который менты и разные там умники из контрольно-инспекционных комиссий никогда не распознают как **дурик**, если только сами не попробуют. Но они предпочита-

ют **вискарь-водяру** под одеялом...»; «...на котором трахается Бог со своими ангелами, а святые дерутся, решая, кто из них сегодня будет девой Марией...».

Также стоит отметить, что помимо появления в переводе новых оттенков смысла, речь главного героя, за счёт использования грубой лексики, перестала напоминать речь подростка и стала походить на речь взрослого мужчины.

Итак, мы можем видеть, что сленг английского и русского языков в произведении Э. Берджеса, переводах В. Бошняка и Е. Синельщикова выполняет одинаковые функции: коммуникативную, когнитивную, номинативную, мировоззренческую, эзотерическую, идентификационную, экспрессивную, эмоционально-оценочную, функцию экономии времени. Особенно важной из всех является идентификационная функция, благодаря которой говорящий подчеркивает свою принадлежность к определенной группе лиц. Сленг служит языковой характеристикой каждой группы, что позволяет в процессе общения определить и опознать «своего» среди «чужих».

Таким образом, проведя сопоставительный анализ переводов, выполненных В. Бошняком и Е. Синельщиковым, можно сделать вывод о том, что перевод В. Бошняка является адекватным, в то время как перевод Е. Синельщикова явно не совсем отвечает требованиям исчерпывающей передачи коммуникативного эффекта исходного текста.

Мы можем сказать, что при переводе сниженной лексики следует использовать дифференцированный подход, при котором учитываются возрастные, социальные и индивидуальные особенности персонажа. Задача переводчика усложняется тем, что ему требуется найти такие выразительные средства, которые были семантически и стилистически равноценно приемлемыми в оригинале, знакомыми основной массе читателей, на которых рассчитан перевод, но в тоже время достоверными в отношении того, что их знает действующее лицо произведения.

Ю. В. Сунко, А. В. Флоря

Роль мемов в поэтике фильма Э. Рязанова «Берегись автомобиля»

Общеизвестно, что советские «культовые фильмы» – богатейший источник крылатых слов, и «народная комедия» «Берегись автомобиля» яркий тому пример. Однако анализ афоризмов из этого фильма связан с немалыми трудностями. Текст Э. Брагинского и Э. Рязанова сам по себе очень остроумен, но, по видимому, не все шутки можно считать афоризмами.

С другой стороны, отдельные реплики, при всей их собственной яркости, сплетены друг с другом, с контекстом и многое теряют при их выделении. В изолированном виде некоторые из них перестают быть афоризмами.

Например, реплики подполковника Сокола-Кружкина, тестя Димы Семицветова (роль А. Папанова): «Не трожь собачку!», «Положь птичку!», «Я торгую кулубнику, выращенную своими собственными руками» – не содержат в себе ничего особенного сами по себе, это мог бы сказать кто угодно. И, однако, мы их запоминаем и воспроизводим (уже в других ситуациях) как

настоящие афоризмы, то есть единицы фразеологического уровня. Крылатыми их делают в первую очередь языковые особенности – грубо-комические искажения норм; это солецизмы. Если бы тот же персонаж сказал: «Положи птичку!» или «Я продаю клубнику», эти фразы превратились бы в самые обыкновенные банальные высказывания. Реплики «Не трожь собачку!» и «Положь птичку!» теряют весь свой эффект вне ситуации (истеричные агрессивные жесты Димы, контраст между резкостью приказа и «нежными» словами с диминутивными суффиксами).

Между прочим, дочь подполковника Инна по поводу его глумливого ответа на вопрос «Что делать?» – «Сухари сушить» замечает: «Папа, твой казарменный юмор здесь неуместен». С одной стороны, «казарменный юмор» предполагает претензию на создание афоризмов, с другой – эти претензии неосновательны, то есть собственно афоризма у неё не получилось.

Однако возможны и другие ситуации, когда настоящий, явный афоризм, то есть самодостаточный завершённый микротекст, очень многое теряет вне своего окружения. Вот, например, диалог Юрия Деточкина с прибалтийским пастором, покупающим у него угнанную машину.

– Я тебе тоже могу рассказать откровенно: я – пастор. Эти рубли – пожертвование Ему. Ну... осталось немножко...

– И вы верите в Бога?

– Все люди верят. Одни верят, что Бог есть, другие верят, что Бога нет. И то, и другое недоказуемо. Будете пересчитывать?

– Буду!

Фраза «Одни верят, что Бог есть, другие верят, что Бога нет» – это сентенция, то есть общее место, тривиальное высказывание, у которого нет конкретного автора. Иначе говоря, это суперафоризм. Однако здесь важна не эта фраза о вере, а порожденная ею реакция недоверия. Диалогическое единство «–Будете пересчитывать? – Буду!» уже само стало крылатым, во всяком случае, легко опознаваемым, но в нем нет ничего афористического, это пара самых обычных фраз. Оттенок афористичности они приобретают в сцеплении с сентенцией, но и сентенция приобретает дополнительную, негативную, коннотацию в единстве с ними и с предыдущим текстом.

Между прочим, само название фильма находится в сложных отношениях с фразеологией. Изначально «Берегись автомобиля» – это речевой штамп, трафаретная уличная надпись-предостережение. В качестве штампа это безусловный фразеологизм. А после фильма это выражение стало крылатым, приобрело расширительный смысл: стяжательство, жадность опасны, в том числе социально.

Мы используем термин Р. Докинза «мем» («ген информации»), охватывающий такие понятия, как идиома, афоризм, крылатое слово (выражение), концепт. Мем – это сгусток смыслов, порождаемых общеизвестным текстом. Для вербальных мемов типичны зачастую экстравагантная лингвистическая форма, соединение с другими компонентами текста и связь со специфической речевой ситуацией. Из этих признаков обязательны, по-видимому, только последний. Мемы легко опознаваемы, воспроизводимы и способны к распространению на другие ситуации, к трансформациям и вообще развитию. Например, фразу «Во

времена Шекспира не было сигарет “Друг”» довольно часто цитируют по поводу осовременивания классики, причем не только Шекспира.

Произведения, подобные «Берегись автомобиля», часто называют «россыпями афоризмов». Однако это не россыпь, а весьма целостная система, пронизанная закономерными отношениями.

Так, благодаря структурным совпадениям возникают переключки, устанавливаются неожиданные связи между весьма различными ситуациями: «замахнуться на Вильяма нашего Шекспира» – «Этот тип замахнулся на самое святое, что у нас есть – на Конституцию». Эти мемы связаны темой «кощунства», переходя за черту, а также мотивом демагогии. Другой пример: «"Беломора" не было. – Да, "Беломора" не было» – «Во времена Шекспира не было сигарет "Друг"! Не было!» (даже «не было» произносится дважды) – мотив отсутствия сигарет как улики против Деточкина, а также общий смысл: произошел сбой, люди что-то делают или говорят не так, как нужно (причем это говорится в контексте «Гамлета», где сказано о нарушении мирового порядка). Еще пример: «– Это ж вы говорили: "А судьи кто?" – Я про судей ничего такого не говорил. . .» – «Да, не забудьте сказать: "Быть или не быть"» – мотивы измены памяти, «выхода из роли». Между прочим, все эти переключки замыкаются на теме театра, создавая сквозной смысл смешения лицедейства и жизни. Этот глобальный смысл многократно поддержан в картине другими высказываниями: «Ты доигрался в своём народном театре. К тебе заходил следователь!», «Мать, прощай! (реплика Гамлета) – Юра, я здесь!», «У вас и так вся жизнь прошла в гриме» и др.

Иногда эффект смешения жизни и актерства очень прозрачно достигается через смешение роли Ю. Деточкина и личности И. Смоктуновского. Ю. Деточкин как бы (или даже не «как бы») пародирует своего исполнителя: Люба говорит ему: «Ты посмотри на себя, ведь ты же... идиот!» (то есть князь Мышкин, которого Смоктуновский тогда еще играл в Большом драматическом театре, так что это скорее похвала), Ю. Деточкин тоже играет Гамлета (и, кстати, сама формулировка «Вильям наш Шекспир» вполне может быть обыгрыванием названия книги «Наш современник Вильям Шекспир» Г. Козинцева, постановщика фильма «Гамлет» и учителя Э. Рязанова).

Изречения конкретных персонажей как правило объединены тематически. Например, режиссер Евгений Александрович говорит чаще всего о театре: «Кого мы только не играли в своих коллективах! Лучше не вспоминать»; «Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете, нашего Шекспира?»; «Да, не забудьте сказать: "Быть или не быть"», причем некоторые его мемы отражают футбольные пристрастия говорящего: «И не надо грубить. А то я вас выведу с поля... эээ... с репетиции».

Одна из главных функций мемов – характеристика персонажей, например, Юрия Деточкина: «Деточкин очень любил детей» (рассказчик), «Он хоть и вор, но бескорыстный и честный человек» (рассказчик), «Ты посмотри на себя – ты же идиот» (Люба), «Простите, а вы не псих?» (Подберезовиков; мем проявляется в диалогическом единстве с ответом Деточкина: «Нет, у меня и справка есть»), «Картотека у него... бюрократ!» (Подберезовиков). Характеристики Димы Семицветова: «Машина – на имя жены, дача – на мое имя.

У тебя ничего нет! Ты – голодранец!» (тесть), «Ты вообще живешь на свете по доверенности» (тесть).

Характеристики могут быть косвенными: «Откуда ты такой взялся? Мама такая хорошая, про паровоз поёт» (М. Подберезовиков) – подразумевается, что Деточкин – еще и «чуждое нам явление» (срав. с замахиванием на Конституцию).

Косвенные характеристики возможны через общую ситуацию: «Нет пощады человеку, предавшему дружбу»; «Трудно поймать человека, который ведет двойную жизнь» (М. Подберезовиков). Эти заявления общего характера, относятся к Юрию Деточкину. Интересно, что они выглядят как синекдохи, то есть, на первый взгляд, выражают частное через общее, но на самом деле эти синекдохи – ложные. Данные высказывания справедливы в качестве общих, но не верны в отношении к Деточкину.

Достоинно внимания, что Максим Подберезовиков постоянно дает Деточкину несправедливые характеристики вследствие заблуждения или раздражения, причем не только отрицательные, но и неадекватно положительные.

Это мотивируется и противоречивостью характера Деточкина, и парадоксальностью общей ситуации. О Деточкине сказано много негативного, но общий итог выходит положительный. Такова, например, одна из самых знаменитых фраз фильма: «Эта нога – у того, у кого надо нога». Своей тавтологической структурой и парадоксальным смыслом она предвосхищает главную, результирующую характеристику Деточкина из уст Подберезовикова: «Он, конечно, виноват. Но он... не виноват!». Реплика о ноге, которая «у кого надо», означает то же самое, но тогда Максим говорил это, не зная правды, а теперь повторяет совершенно осознанно и в обобщенном виде.

Помимо героев, мемы характеризуют или, вернее, комментируют ситуации: « –Сейчас принесут свежее пиво, только что завезли. И воблы подадут. – А воблу только что поймали?» (диалог в пивной между Филиппом Картузовым и Деточкиным). Этот мем из-за остроумной формы приобретает афористичность, которую «удостоверяет» Картузов: «Шутник ваш приятель». Причем эта афористичность даже избыточна, потому что говорящий реагирует на поверхностный слой фразы (этого уже достаточно для афоризма), но не знает ее глубинного смысла: Деточкин имеет в виду себя.

А вот самая заурядная и неафористичная реплика: «Здравствуй, Люба. Я вернулся» – выполняет композиционную роль киклоса, то есть кольца, которое открывает и завершает сюжет. Но фраза становится крылатой из-за символического смысла, приобретённого в конце фильма. Если в начале это просто констатация: вернулся из очередной «командировки», то финальный смысл – аллегорический: покончил с прошлым.

Иногда мемы передают взаимоотношения героев, например Деточкина и автоинспектора: « –А чего это ты от меня удирал? – Привычка: ты догоняешь – я удираю. – И у меня привычка: ты удираешь, а я догоняю». Структура хиазма (догоняешь – удираю – удираешь – догоняю) и параллелизма (привычка – и у меня привычка) отражает парадоксальное родство героев, переданное другим крылатым выражением, построенным по принципу антитетона (мнимой антитезы): «Вместе делаем одно общее дело: ты – по-своему, а я – по-своему».

Отдельный тематический слой составляют, пользуясь формулировкой А. Шопенгауэра, «афоризмы житейской мудрости». Они обычно исходят от рассказчика и окрашены мягкой иронией: «Каждый, у кого нет машины, мечтает её купить, и каждый, у кого есть машина, мечтает её продать. И не делает этого только потому, что, продав, останешься без машины»; «Человек как никто из живых существ любит себе создавать дополнительные трудности. Именно этим объясняется желание иметь собственный автомобиль», но когда принадлежат пошлым персонажам, то приобретают гротескную окраску, например: «Жениться нужно на сироте» (за своё остроумие Дима Семицветов получает по физиономии).

Особая группа – мемы об искусстве (кроме процитированных: «Зритель любит детективные фильмы. Приятно смотреть картину, заранее зная, чем она кончится», «Детектив без погони – это как жизнь без любви»).

Итак, крылатые слова и выражения в «Берегись автомобиля» не просто употребляются и украшают фильм, но служат его эстетической и смысловой основой, образуют сложное художественно-семантическое единство.

А. В. Флоря

Лингвоэстетика виртуальных лексем в фильме Г. Данелия «Кин-дза-дза!»

Фильм «Кин-дза-дза!» (сценарий Р. Габриадзе и Г. Данелия) изобилует блистательными мемами, вошедшими в российскую культуру. Основой лингвоэстетики фильма является, конечно, вымышленный «плюканский» словарь, однако не сам по себе, а в соответствии с характером его использования. Этот характер мотивируется основной идеей картины. Плюк олицетворяет все пороки дегуманизированной буржуазной цивилизации. Это мир, которого еще нет, и он перенесен на другую планету. Как воплощение нормальности противопоставляется ему Земля, прежде всего Советский Союз. Но создатели фильма подводят зрителей к мысли о том, что данное противопоставление не столь уж радикально и что Земля может превратиться в планету Плюк. Впоследствии многие мемы из фильма прочно вошли в концептосферу постсоветской реальности.

На уровне языка эта идея воплощается в постоянных курьезных пересечениях экзотических, фантастических «плюканских» и привычных, заурядных земных реалий. Между прочим, «плюканские» словечки имеют отчетливую земную этимологию – в основном английскую (латинскую) или грузинскую (выбор языков понятен: английский и латынь – космополитические языки, грузинский – напротив, родной для авторов). Слова могут образовываться путем инверсии, например, эцилоп – от английского police (первоначально был *йацилоп*, то есть *полицай*, наоборот), анаграммы: эчих – от грузинского цихэ (тюрьма), контаминации: гравицаппа – от латинского *gravitas* (тяжесть) и грузинского ра вици аба («кто ж его знает!»), а визатор вообще абсолютный англицизм.

Главный художественный эффект заключается в курьезном сочетании «плюканской» и земной лексики, а еще больше – в «приземлении» космоса путем введения фантастических, небывалых космических реалий в бытовую кон-

текст земной заурядности. Космическое снижается во всех смыслах этого слова особенно в устах неромантического прагматика Машкова: «Ребят, как же это вы без гравицаппы пепелац выкатываете из гаража?», «Если есть на этом Плюке гравицаппа, так достанем. Не такое доставали...».

Экзотизмы прежде всего рисуют мещанские нравы планеты Плюк, вполне земные, хотя и не декларируемые в советском обществе, прежде всего ксенофобию: «Я скажу всем, до чего довёл планету этот фигляр ПЖ! Пацаки чатланам на голову сели! Кю!». Это говорит некий Кырр – диссидент-чатланин, представитель правящей расы, не имеющий оснований для таких деклараций: на самом деле всё наоборот. Но представители угнетенной расы – пацаки – убеждены в своем превосходстве и ущербности чатлан: «*Пацак пацака не обманывает*» (то есть чатлан – может), «Небо... небо не видело такого позорного пацака как ты, Скрипач!.. Я очень глубоко скорблю...» (чатлане – другое дело), «Уэф, ты когда-нибудь видел, чтобы такой маленький пацак был таким меркантильным кю?», «А он (Уэф) жадный, как все чатлане: "На два чатла дешевле"» и т. д.

Земляне оценивают поведение плюкан в привычных земных терминах, например: «Тут инопланетяне штанами фарцуют... жёлтыми». Но возможен и обратный процесс, когда сами инопланетяне усваивают земную специфическую лексику – жаргонную, бранную и вообще маргинальную. Особенно в этом преуспевает Уэф: «Ты свои КЦ им не показывай. И не думай о них. Ты мой КЦ покажи. И больше полспички не давай, гравицаппа полспички стоит».

Более того, он оказывается «полиглотом» и вводит в свой лексикон даже грузинское ругательство «маймуно, виришвило!» («обезьяна, сын осла»), что, кстати, не удивительно, если вспомнить, что иберийские элементы содержат многие плюканские слова – эчих, пепелац, гравицаппа. На этом фоне гомерическое заявление Уэфа, что его мама была местной грузинкой, выглядит не таким уж невероятным. Его напарник Би, субъект более гибкий, усваивает русское ругательство: «Ну и зараза же ты, родной», причем, обращение «родной», является, по-видимому, косвенным иберизмом – калькой с грузинского «батано». Причем «родной» звучит в его устах недобро и зловеще, то есть это антифразис.

Парадоксальным образом, хотя Уэф категорически не хочет на Землю и презирает землян как дикарей («–Ну вот у вас, на Земле, как вы определяете, кто перед кем сколько должен присесть? – Ну, эт на глаз... – Дикари», «Меня – на планету, где не знают, кто перед кем должен присесть? Чушь!»), он уподобляется совершенно деградировавшему земному люмпену, а Би неожиданно дает его поведению вполне земную характеристику: «Как я могу затормозить, когда ты всю тормозную жидкость выпил?! *Алкаш!* Кю!» (словечко «алкаш», употребленное в контексте персонажа, осваивающего чужой язык, отсылает нас к аналогичной ситуации «Осеннего марафона», где датский профессор Билл, после пребывания в вытрезвителе, сообщает Бузыкину, что узнал много новых слов, а заодно спрашивает: «Я алкач?», на что измученный им Бузыкин не без злорадства соглашается: «Алкач, алкач!». В этой запредельной ситуации в общем-то нет ничего феноменального: почему бы алкоголик не мог пить тормозную жидкость, пусть даже для пепелаца?

Крайне примитивный плюканский словарь отнюдь не прост и не однороден. Некоторые экзотические лексемы совершенно естественно соответствуют столь же необычным объектам (*пепелац*, *гравицанна* и др.). Однако на поверку оказывается, что сами эти фантастические названия происходят от земных слов, о чем было сказано выше.

Но гораздо большее значение имеет лексика, созданная по другим принципам: экзотические слова, соответствующие заурядным предметам, имеющим нетривиальное применение (*цак* – обыкновенный колокольчик, чатл – керамический черепок в роли денег, *КЦ* – спичка и цаппа – ржавчина в роли космического топлива), и слова, соответствующие обыкновенным для землян предметам, которые специфически используются плюканами, например, штаны четырех цветов как знаки социального расслоения, «последний выдох» – кладбище.

Есть, наконец, совершенно особые наименования, когда обычные слова обозначают обычные предметы, но необычно употребляются: заднее слово (окончательное), пластиковая каша (паче чаяния, не сделанная из пластика, а упакованная в пластиковый пакет).

Словечки «кю!» (допустимое в обществе ругательство) и «ку» (все остальные слова) заслуживают отдельного рассмотрения. Мы этим заниматься не будем, ограничимся их функцией – они передают смыслы и эмоции, понятные всем, в том числе землянам (особенно примитивным, которым хватает междометий, как людоедке Эллочке).

В целом плюканский словарь демонстрирует пересечения, сближение плюканского и земного миров.

Наиболее эффектны в фильме те фразы, в которых экзотическая лексика сведена до минимума («Приказ господина ПЖ – всем пацакам надеть намордники. И радоваться»; «–Я очень люблю ПЖ! – А я его ещё больше ку!») или вообще отсутствует. Таково, пожалуй, самое знаменитое и часто повторяемое ныне изречение из фильма – «Скрипач не нужен», ёмкий образ деградации, бездуховности, одичания цивилизации, не нуждающейся в культурных людях (если точнее, то ей ненавистен даже призрак культуры, потому что Гедеван на самом деле не скрипач).

Экзотика, то есть необычность, «космическая» аномальность, плюканского образа жизни передается как раз самыми обычными словами: «Какой дурак на Плюке правду думает!» и т. п.

Наиболее выразительны те высказывания, в которых плюканский мир преподносится не внешними, экстенсивными, а интенсивными средствами – не через экзотическую лексику, а через извращенную «логику» («Ты что, дальтоник, Скрипач? Зелёный цвет от оранжевого отличить не можешь?») – при попытке выяснить, чем пацаки отличаются от чатлан) и совершенно ненормальную «этику» холуйства, возведенного в принцип и даже имеющего идеологическое обоснование: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели! А когда нет цели – нет будущего!»).

Обычные слова, рисуя космический абсурд (абсурд космического масштаба), производят особый эффект неожиданных пугающих сближений планеты Плюк и Земли. Почти шокирующее впечатление производит реплика

преподавательницы Галины Борисовны во сне Скрипача: «Извините, Гедеван Александрович, но это элементарное ку!». Интеллигентная женщина, отчитывающая Гедевана, по идее, должна была бы употребить «допустимое в обществе ругательство "кю"», но она избегает бранной лексики, даже допустимой в обществе, прибегая к эвфемизму. Примечательно, однако, другое: женщина, принципиально не верящая в планету Плюк, помимо своей воли начинает говорить на плюканском языке. Это пока еще только сон, завершающий первую серию фильма.

Этому эпизоду параллелен другой, которым фильм и заканчивается: когда это самое «ку!» рефлексивно (то есть тоже помимо воли) произносят вернувшиеся на Землю Машков и Гедеван, приседая перед милицейской машиной с мигалкой, как перед эцилопом. Люди, одержавшие победу в страшном мире планеты Плюк, сами отчасти им заражены и невольно переносят его в свой родной мир.

Ю. А. Фролова

Иноязычная фразеология в российской публицистике (за период с 2003 по 2013 гг.)

О фразеологии написано множество статей, книг, диссертаций, а интерес к этой области языка не иссякает ни у исследователей, ни у тех, кто просто равнодушен к слову. Подтверждается точность формулы, высказанной еще на заре века известным датским языковедом Отто Есперсеном, который назвал фразеологию «деспотически капризной и неуловимой вещью». Сам факт наличия в языке помимо слов целых словесных комплексов, которые иногда тождественны слову, а чаще являют собой уникальный лингвистический феномен, отличающийся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью, позволяет многим публицистам использовать фразеологизмы как яркое изобразительное средство в своих работах.

Объектом для анализа послужили заимствованные фразеологизмы в текстах публицистических работ за период с 2003 по 2013 гг.

Предметом анализа в настоящем исследовании являются устойчивые обороты иноязычного происхождения в русской фразеологической системе.

Цель настоящего исследования – выявление семантико-грамматических особенностей иноязычных фразем в газетных текстах.

Заявленная цель работы обусловила необходимость решения следующих задач:

- 1) анализ научно-теоретической литературы по теме исследования;
- 2) выборка из газетных статей фразеологического материала в количестве 200-250 единиц;
- 3) выявление морфологических свойств иноязычных фразем;
- 4) классификация фразем с точки зрения выражаемого ими значения и вхождения в различные фразеосемантические группы;
- 5) классификация иноязычных фразем с точки зрения их происхождения;

б) выявление синтаксической структуры анализируемых устойчивых единиц;

7) выявление специфики употребления иноязычной фразеологии в текстах российских газет.

Материалом для исследования послужили устойчивые единицы, выбранные нами из статей следующих газетных изданий: «Московский комсомолец», «Российская газета», «Моя семья», «Аргументы и факты», «Советская Россия», «Свободная пресса» и «Собеседник». Обращение к газетам разной социально-политической ориентации позволило нам увеличить корпус исследуемого фразеологического материала до 250-ти единиц.

Актуальность выбранной темы обусловлена популярностью использования фразеологии в публицистической речи с целью придания ей экспрессивности.

В работе использованы следующие методы лингвистического анализа:

1) метод сплошной выборки рассматриваемых фразеологических единиц из газетных статей;

2) описательный метод анализа лингвистических единиц;

3) полевой анализ;

4) метод статистического анализа выявленных фактов.

Практическая значимость настоящей работы обуславливается возможностью использования ее материалов в практике преподавания фразеологии на факультетах журналистики и русской филологии, а также в ходе написания курсовых и дипломных проектов, посвященных исследованию фактов заимствования в русской лексике и фразеологии.

Методологической базой данного исследования послужили труды классиков отечественного языкознания В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, А. А. Реформатского, В. А. Архангельского, И. С. Торопцева, Ф. Ф. Фортунатова и др.

Работа имеет традиционную структуру: состоит из 2-х частей, одна из которых – теоретическая, а другая – практическая, представляет анализ иноязычных фразеологизмов в публицистических работах, заключения, содержащего выводы и обобщения по результатам проведенного анализа и списка использованной литературы.

В 1-й главе раскрывается понятие фразеологизма, определяются его конститутивные признаки, представляются классификации фразеологических единиц по степени семантической спаянности компонентов, с точки зрения происхождения, рассматриваются способы заимствования иноязычных фразем, дается классификация фразеологизмов с точки зрения стилистической окраски и синтаксической структуры.

Во 2-й главе представлен материал, который рассматривает фразеологизмы как изобразительное средство в современной публицистике. В рамках этой же главы нами проведен анализ иноязычных устойчивых оборотов.

В результате анализа было выявлено:

1. Наиболее востребованными в текстах публицистических работ являются фраземы библейско-евангельских текстов, пришедшие из старославянского в русский язык. Значительная часть из них имеет в своей структуре архаизмы

или архаичные формы: как зеницу ока – зеница, зрачок; не от мира сего – сей «неверующий»; иже с ними (иже – которые); исчадие ада (исчадие – детище).

2. С точки зрения морфологического состава эти фразеологизмы отличаются тем, что в них в качестве доминирующего компонента выступает имя существительное (РГ 2007 г. «Его танец гипнотизировал, как пение сирены»; РГ 2003 «Нынче мы опять поставили хлеб насущный и хлеб духовный на одну доску»; АиФ 2013 «Ведь запретный плод, как известно сладок»). Обычно такие сочетания соотносятся по своим грамматическим функциям с субстантивами, в предложении выступают чаще всего в роли подлежащего.

3. Также в статьях газет в группе библейских фразем встречаются обороты, соотносимые с наречиями; как правило, в предложениях подобные единицы выступают в функции обстоятельства (в поте лица, ва-банк, Ньютоново яблоко).

4. Библейские фраземы глагольного характера представлены в текстах единичными случаями (петь дифирамбы, потерпеть фиаско, сквозь землю провалиться).

5. С точки зрения семантической спаянности компонентов фразеологизмы библейского характера можно описать следующим образом: наиболее частотными в текстах газет являются обороты-единства (заблудшая овца, умыть руки, нести свой крест, петь Лазаря); менее частотными – обороты-сращения (медь звенящая, соль земли, злоба дня, кимвал брыцающий). Используются также фразеологические выражения библейского характера, но их мало в текстах газет (имя ему легион, ждать до греческих календ, Мальбрук в поход собрался).

Особую группу оборотов составляют фразеологизмы, заимствованные русским языком из старославянского. Новозаветизмы, как их называют, образуют фразеологические выражения, структурно совпадающие с предложениями (вера горы перевернет, не хлебом единым жив человек, тайное становится явным, не судите, да не судимы будете). Такие обороты представляют собой, как правило, высказывания нравоучительного характера, чаще используются в качестве заголовка газетной статьи.

По степени семантической спаянности компонентов новозаветные фразеологизмы делятся на фразеологические сращения (глас вопиющего в пустыне, медь звенящая, оцепивать комара) и фразеологические сочетаниями (крошечная тьма, смертный грех, камень преткновения).

6. В газетных статьях различной тематики широко используются фразеологизмы, калькированные из древнегреческого языка и восходящие к Античной мифологии (Ахиллесова пята, Драконовские законы, Гордиев узел). Древнегреческие фразеологизмы распространены во многих языках и рассматриваются как интернационализмы. По соотношению с частями речи древнегреческие фраземы чаще представляют собой сочетания субстантивного характера с доминирующим существительным, в предложении выступают чаще всего в роли подлежащего.

7. В проанализированных нами статьях были выявлены также фраземы, восходящие к латинскому языку. Зачастую, это пословные кальки (рука руку моет, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку) или устойчивые обороты,

заимствованные русским языком без перевода (альма-матер, нота бене, terra инкогнита).

8. Нами были выявлены единицы, калькированные из французского языка. Из числа фразеологизмов-галлицизмов преобладающими являются фраземы, соотносимые с именем существительным (с высоты птичьего полета, местный колорит, веселая мина при плохой игре). Реже встречаются фраземы глагольного характера (проглотить пилюлю, лед сломан, имеет место, клевать носом).

Помимо вышеназванных фразеологизмов в публицистических текстах встречаются фраземы, пришедшие к нам из итальянского, немецкого, английского языков (синий чулок, время – деньги, вот где собака зарыта, глухая тетеря).

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологизмы – одно из самых эффективных средств выразительности. Несомненно, особенным интересом отличаются фразеологизмы в публицистических текстах, так как журналисты прибегают к разнообразным приемам и уловкам, в том числе, активно используют фразеологический запас современного русского языка, ведь устойчивые обороты по своей природе обладают всеми необходимыми для этого качествами.

В. А. Холатова

Художественное своеобразие батальных сцен в романе Т. Мэлори «Смерть Артура»

В истории английской литературы образ короля Артура всегда играл важную роль. Об этом герое было написано довольно много произведений, но лишь в XV в. в Англии появилась книга, которая положила конец разнообразным трактовкам. Создал ее Томас Мэлори. Сборник был выпущен в 1458 г., издателем считается английский первопечатник У. Кэкстон.

Мэлори объединил разрозненные предания в целостную историю, перенеся действия из «темного времени» в высокое Средневековье. Артуровский цикл утверждает идеальный мир с идеальным правителем во главе, воспекает доблестных героев, которые наперекор судьбе защищают добро и справедливость. Король Артур поставлен у Мэлори в один ряд с Карлом Великим и Александром Македонским.

В первой книге особое внимание уделяется турнирным сражениям. Автор поименно называет известных и знатных рыцарей, восхищаясь их храбростью и мужеством. Прибегая к приему гиперболизации, показывает мощь и ярость, с которой бились рыцари.

Для передачи динамики картины боя Мэлори использует длинные ряды глаголов-синонимов, которые по принципу градации создают эффект возрастающего эмоционального напряжения. Более того, для батальных сцен характерен прием асинхронности передачи событий: автор часто забегают вперед, желая отметить значимость данного поединка в будущей судьбе героев.

Интересным является уважение противников, восхваление их.

Автор часто использует сравнения. Так, король Бан свиреп, как лев, количество воинов сравнивается с чернильным морем. Каждое отдельное сражение на фоне всей битвы ярко выделяется за счет подробного описания положения всадника на коне, тактике боя, выражения эмоций побежденными.

Мэлори украшает текст яркими и подробными деталями со знанием дела, ведь он сам не раз являлся участником подобных сражений.

Таким образом, Мэлори, приводя в систему многочисленные сказания о короле Артуре, вырабатывает и единообразную систему художественных средств, призванных представить батальные сцены в их красочном многообразии и подчеркнуть наиболее значимые, с точки зрения автора, стороны рыцарской культурной традиции и национальные черты литературы.

Библиографический список

1. Кабанова И. В. Эпические жанры средних веков. Рыцарский роман: «Смерть Артура» Т. Мэлори [Электронный ресурс] / И. В. Кабанова – Режим доступа : <http://www.licey.net/lit/foreign/meloryPP>
2. Мэлори, Т. Смерть Артура / Т. Мэлори. – М. : «Наука», 1974. – 576 с.

А. С. Чигарева

Мифопоэтика «Таинственных повестей» И. С. Тургенева

В современном литературоведении неуклонно растет интерес к мифопоэтическому аспекту русской классической литературы, в том числе к творчеству И. С. Тургенева в целом и «таинственным повестям», в частности. В той или иной степени этот вопрос в своих статьях и монографиях затрагивали В. М. Головкин, В. Н. Топоров, В. А. Смирнов, Ю. И. Юдин, В. В. Ильина. В настоящее время не существует специальных исследований, в которых данная проблема рассматривалась бы целостно и всесторонне как в контексте существующего направления литературоведческих исследований мифопоэтики, так и в контексте данной жанровой разновидности повести в творчестве И. С. Тургенева, тогда, как изучению именно мифопоэтики «таинственных повестей» способствует целый ряд существенных факторов.

Особый интерес представляет структура пространственной организации «таинственных повестей», так как она становится одним из главных художественных средств, языком для выражения внепространственных категорий.

Образы пространства приобретают метафорический, символический характер во многом благодаря тому, что обнаруживают глубинную связь с архаическими представлениями о мире. Также существенную роль в его семантизации играет оппозиция «свой/чужой».

Как чужое, опасное, непонятное, таинственное представлено природное и городское пространство. Со «своим» (безопасным) миром связан локус дома, обжитого пространства. Но у И. С. Тургенева это также символ и того, что ограничивает человека, свидетельствует о его беспомощности перед природой.

Особая роль в раскрытии мысли о трагичности человеческого бытия принадлежит тем локусам, которые маркируют границу обжитого, своего, обыденного мира (окно, порог, дверь, стена, угол). Они часто на уровне сюжета выступают в роли проводников таинственного, чаще всего, деструктивного по своей сути. Им присуща, как правило, отрицательная семантика, характерная для них в европейской культуре. Именно с ними связаны наиболее трагические сюжетные ситуации, здесь происходят встречи с неведомыми или носителями неведомого.

Оппозиция своего/чужого пространства снимается с помощью мотива пути, который реализуется, во-первых, как путь познания, приобретения жизненного/психологического опыта, а во-вторых, как обобщенное представление о Судьбе, Роке.

А. А. Ямицкова

Варианты акцентологических норм

Наряду с грамматическими, орфографическими, лексическими, стилистическими, в русском языке существуют и акцентологические нормы, которые требуют правильной постановки ударения. Соблюдение этих норм не вызывает у большинства людей особых затруднений, так как знакомство с ними происходит ещё в начальных классах. Однако нормы меняются с развитием языка. Часто в их состав входят допустимые отклонения.

Вариантность приводит к тому, что форма, которая была раньше нарушением, с течением времени становится нормативной, а устаревшая выходит из употребления.

В зависимости от взаимоотношений двух вариантов различают:

- 1) равноправные варианты;
- 2) варианты: один – ведущий, второй – отживший.

На выбор какого-либо варианта в качестве основного влияет, во-первых, соответствие варианта объективным законам развития языковой системы; во-вторых, сама распространенность варианта; в-третьих, соответствие варианта престижным образцам, то есть произношение наиболее образованной и культурной части общества [2; 97].

Вариантность акцентных норм обусловлена рядом причин:

1) вариативность ударения обеспечивает некоторую пользу, а именно, способствует плавному переходу от старой нормы к новой. Так, в XIX в. ударение кладбИще в литературном языке было общепринятым (стихотворения А. С. Пушкина, М. В. Лермонтова, Е. А. Баратынского, И. С. Никитина, А. А. Фета). Например, в стихотворении «Грёзы» А. А. Фета: «...И чувствую – на дальнее кладбИще меня под них, качая, понесли»; в стихотворении А. С. Пушкина: «Стою печален на кладбИще. Гляжу кругом – обнажено святое смерти пепелИще ...». Но постепенно в конце XIX в. стали говорить клАдбище. Хотя словарь Академии наук 1909 г. фиксировал предпочтительным ударение

кладБИще. Сейчас данный вариант используется преимущественно в рифме с такими словами, как: пепелИще, топорИще, ручИще, взЫщет, отЫщет [3; 105];

2) в большинстве случаев колебание ударения вызвано недостаточным знанием самого слова, как правило, встречается среди экзотической лексики. Например, акцентные варианты у локализмов: пимЫ (Симонов) – пИмы (Авраменко);

3) встречается закономерность ритмического равновесия, то есть ударение смещается к центру, в середину слова. Для произнесения более удобна смена слогов ударных и неударных: нАковальня – наковАльня, прАдедовский – прадедовский, жеребьевщИк – жеребьЕвщик;

4) огромное влияние оказали и социальные факторы. Это было ярко выражено в периоды обострения претензий Москвы и Петербурга на статус столицы. Например, московское произношение «што» – петербургское «что»; «ничего» – «ничего»; «единОкий» – «единОкий»;

5) хронологически различные оценки форм ударения: Д. Н. Ушаков опирается на произношение, принятое в начале XX в, а Н. Ю. Шведова ориентируется на конец XX в. Так, у Н. Ю. Шведовой: шантАж – шантАжа, листАж – листАжа, а, по мнению Д. Н. Ушакова, напротив, данная форма является просторечной [5; 203];

б) борьба между ассоциациями по смежности, когда ударение стремится оставить словообразовательную зависимость, например: вИхриться от вИхрь; борьба между ассоциациями по сходству, когда ударение уподобляется однотипным словам по структуре, например: от слова вихрИться, по аналогии образовались слова кружИться, вИться, носИться, змеИться. Нужно учитывать, что потеря словообразовательной зависимости ударения отмечается:

а) у производных прилагательных: тигрОвый, тормознОй, роскОшный, хотя раньше было: тИгровый от тИгр, рОскошный от рОскошь,

б) у существительных на -Итель: избавИтель, утешИтель, хотя раньше было: избавитель от избАвить, мЫслитель от мЫслить и т. д.;

7) закрепление устаревших форм за устойчивыми конструкциями или фразеологическими оборотами. Например, о вЁрстах, но находился в двух верстах; ожидание Утра, но сделал дела с утрА; омрачён сУдьбами людей, но – «Какими судьбАми!» [2; 101].

Теперь обозначим причины сохранения равноправных вариантов ударения:

1. Для различения смысловых отношений сохраняются оба варианта. Так, слово зУбчатый – «наподобие зуба» и зубчАтый – «состоит из зубцов»; хаОс – зияющая бездна, наполненная мраком» и хАос – «полный беспорядок, неразбериха»; погрУженный на платформу – погружЁнный в воду.

2. Оба варианта сохраняются, если один из них принадлежит народнопоэтической речи. Сравните: шелкОвый – шЁлковый, дЕвица – девИца, мОлодец – молодЕц.

С союзом «и» соединяются варианты равноправные: искриИстый и Искристый; лОсось и лосОсь; волнам и волнАм. Таким образом, верны оба варианта [4; 16].

Укажем виды помет, которые помогают выявить стилистические особенности словарной единицы:

а) помета «допустимо» (доп.): творОг и твОрог (доп.); кулинАрия и кулинАрия (доп.); бУдней и бУден (доп.).

б) помета «допустимо устаревшее» (доп. устар.): хАнжество – ханжествоО (доп. устар.), индустрИя – индУстрия(доп. устар.).

В словарях существуют и так называемые запретительные пометы, то есть варианты, которые находятся за пределами литературной нормы. Например:

1) помета «не рекомендуется» (не рек.): звОнит, надо – звонИт; жАлюзи, надо – жалюзИИ; Алфавит, надо – алфавИт; бАловать, надо – баловАть; торты, надо – тОрты.

2) помета «неправильно (неправ.): добЫча – дОбыча (неправ.); кУхонный – кухОнный (неправ.); каталОг – катАлог (неправ.); квартАл – квАртиал (неправ.).

3) помета «грубо неправильно» (грубо неправ.): ходАтайство – ходатАйство (грубо неправ.); директОры – директорА (грубо неправ.); киломЕтров – килОметров (грубо неправ.) [1].

Варианты ударения также связаны с профессиональной деятельностью. Есть слова, произносимые только в узкопрофессиональном кругу. Они несут специфическое ударение, которое является предпочтительным в этой среде, но в иной обстановке такое ударение считается ошибочным. Например, такие слова, как: кОмпас, но у моряков компАс; аммиАк, а химики говорят аммиакА; эпилЕпсия, но в среде медиков эпилепСИя; Искра, но искрА – в речи профессиональной.

Таким образом, варианты акцентологических норм связаны с действиями неоднородных, одновременных факторов. На первый взгляд кажется, что наличие акцентных форм представляется несовершенством языка, но всё же такая оценка несправедлива. В русском языке акцентологические варианты – это необратимый, неизбежный этап развития и совершенствования языка. Колебания в ударении – это объективное следствие эволюции акцентологии.

Библиографический список

1. Введенская, Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения / Л. А. Введенская. – М. ; Ростов на/Д., 2004.

2. Горбачевич, К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – М., 1971.

3. Горбачевич, К. С. Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – М., 1989.

4. Еськова, Н. А. Нормы русского литературного языка. Ударение / Н. А. Еськова. – М., 2008.

5. Колосов, В. В. История русского ударения / В. В. Колосов. – М., 1972. – Ч. 1.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

I. БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кибякова К. А.	3	Фунтикова Е. В.	6
Лупова И. В., Итенова З. Т.	5		

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алексеева А. В.	8	Мурашко Н. Ю., Беляйкина И. А.	28
Болдырева А. В.	9	Мутолапов Ф. С., Степанов Д. А.	30
Бухтояров Д. Н.	11	Перышкина Т. В.	32
Гараева Р. М.	13	Радаев Е. А.	33
Елисеева А. А.	16	Суханов С. В.	36
Ерёмченко А. С.	18	Хаматгалиева С. В.	39
Каменев Д. С.	20		
Карпова А. В., Мерзлякова М. И. ...	23		
Коробецкий И. А.	25		

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александрова П. С.	42	Пантелеева М. Г.	75
Антонова М. В.	45	Пашинина И. И.	77
Воробьева Е. А.	46	Пилипенко Е. А.	80
Воропаева К. А.	49	Прокаева А. А.	82
Глазырина Т. Е.	51	Птуха М. А.	83
Гришаева М. М.	52	Рыжкова Н. А.	85
Досхожина Ж. Д.	55	Сороколетова Ю. Д.	88
Иванова Е. Р.	57	Трофимова А. В.	89
Карабулатова Ю. Ф.	58	Тян Е. В.	91
Карпова А. А.	61	Урынбасарова А. Г.	92
Куракбаева Д. М.	62	Сунко Ю. В., Флоря А. В.	95
Лапузина К. Д.	63	Флоря А. В.	99
Лебедева А. В.	64	Фролова Ю. А.	102
Максимова Е. А.	66	Холатова В. А.	105
Муратова А. К.	72	Чигарева А. С.	106
Нестерова Е. К.	74	Ямщикова А. А.	107
Никонорова И. А.	74		

Научное издание

**XVI ВНУТРИВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

(11 апреля 2014 года)

Материалы

Часть 1. Биологические, исторические и филологические науки

Ответственный редактор
Н. Е. Ерофеева

Редактор
Е. А. Феонова

Корректор
Т. С. Коледенкова

Ведущий инженер
Г. А. Чумак

Подписано в печать 28.08.2014 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 6,9.
Тираж 76 экз. Заказ _____.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»**

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15А, тел. 23-56-54